

ИЗЪ
БИБЛИОТЕКИ

А. Н. НЕУСТРОЕВА

№ 1199. С. 102-29.
С. 1136.

Въ Петергофѣ.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ

МНОГИМЪ РОССІЙСКИМЪ ГУБЕРНІЯМЪ

1820.

Статскаго Совѣтника

Гавриила Геракова.

.....
Хоть добрымъ словомъ подарше,
Я славы громкой не ищу.

1699
ПЕТРОГРАДЪ,

въ Типографіи Императорскаго Воспитат. Дома.

1828.

5
25288

Позволено печатать,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска
изъ Типографіи, представлены были въ Главный
Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги,
для препровожденія куда слѣдуетъ на основаніи узаконеній. — С. Петербургъ, 20 Іюня 1827 года.

Цензоръ Надв. Сов. и Кавалеръ
П. Гаевскій.

XIII
28

ПОСВЯЩАЕТСЯ
СЕЙ ТРУДЪ
ПОЧТЕННѢЙШЕМУ,
НѢЖНѢЙШЕМУ ПОЛУ.

Милостивыя Государыни!

Вамъ посвящаю пухевыя мои записки, попому единственню, что съ юныхъ лѣтъ и донинѣ всегда удался сколько возможно общесхва мущипь, и ежели имѣю какія-нибудь добрыя качества, маленькія свѣденія, то бесѣда ваша пому причиною, и — на вопросъ, почему я предпочипшаю собранія благородно - мыслящаго нѣжнаго пола? — ошвѣчаю: и

При нихъ нельзя въ словахъ забыться,
При нихъ не смѣю глупымъ быть;
Имъ долженъ сердцемъ покориться,
Чтобъ тѣмъ ушѣхи находить.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ М. І. МЕЧНИКОВА

к.

1699

Нашедъ и радость и утѣху
Въ невинныхъ, Ангельскихъ душахъ,
Вкушашъ я буду безъ помѣхи
Покой и въ бѣдныхъ шалашахъ.

И такъ удостойте, прекрасныя
сердцами, благосклоннаго вашего
чтенія, неприугошовленные труды
мои; пускай кришика вооружился,
я равнодушенъ къ оной; ваша еди-
ная улыбка, ваше одобреніе, и — я
доволенъ и счастливъ!

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Съ молодыхъ лѣтъ, веду ежедневныя
записки: гдѣ былъ, что дѣлалъ, чему
выучился, доволенъ ли ближними, до-
воленъ ли собою, въ мнрѣ ли съ со-
вѣстію своею и проч.; — въ такомъ
почти видѣ представляю душевыя
свои записки благосклоннымъ чита-
телямъ, съ присовокупленіемъ къ пре-
дисловію краткой жизни Зонла.

„Зонль родился въ Амфиноль, Ора-
„кійскомъ городѣ; краснорѣчіемъ за-
„нимаюсь, *сытъ былъ*; но — желая себя
„прославити и обогатить, написалъ
„кришику на Исократовы (*) сочи-

(*) Кто не знаетъ сего славнаго вишію,
добродѣтельнаго Аѳинянина, друга Сократо-
ва, истиннаго сына отечества? Кончина его
доказываетъ чувствительнаго чловѣка;
имѣя уже 98 лѣтъ, узнавъ, что Филиппъ,
Царь Македонскій, разбилъ Аѳинянь при Хе-
ронѣ, съ печали на четвертый день скон-
чался, за 338 лѣтъ до Р. X.

„ненія и на безсмертныя шворенія
„Омировы, называя себя бичемъ ихъ.
„За 270 лѣтъ до Р. X. изъ Македо-
„ніи прибывъ въ Александрію, по-
„казывалъ свою крипику на Илиаду
„всѣмъ, наконецъ поднесъ оную Пшо-
„ломею, прося за оную награды; ибо
„умиралъ съ голоду. Пшоломей, при-
„нявъ съ неудовольствіемъ, велѣлъ
„сказать ему: Омиръ, умершій за
„1,000 лѣтъ, кормилъ и кормилъ
„многія тысячи людей; Зоцль же,
„хвядясь, что болѣе имѣешь досто-
„инствъ Омира, пусть прокормилъ
„хотя самаго себя. — Исторія го-
„воритъ, что сей сатирикъ - кри-
„пикъ имѣлъ бѣдшвенную кончину:
„одни пишущь, что Пшоломей ве-
„лѣлъ его распять; другіе увѣряють,
„что онъ побилъ камнями; шре-
„пшн утверждаютъ, что въ Смирнѣ
„сожжёнъ живой.“ — Зоцлы нашихъ
„временъ! бойшесь участи собрата
„своего.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ

П О Р О С С І И.

1820.

Юли 2-го числа.

Целопонисъ родина отца моего, Кон-
спаншинополь колыбель матери моей, а я
родясь 1775 года въ Москвѣ, въ пеленахъ
привезёнъ въ С. Пешербургъ, до семи лѣтъ
находился въ родинельскомъ домѣ, въ сіи
юныя лѣта лишаюсь отца, по Высочайшему
указу съ старшимъ братомъ опредѣленъ
въ бывшій Греческій корпусъ, кадепомъ,
гдѣ и воспитанъ щедрошамн Великой
Екатерины II, подъ надзоромъ единшвен-
но *Рускаго Дворянства*; по волѣ Ея, слу-
жилъ нѣсколько мѣсяцовъ въ Балшійскомъ
флотѣ, на корабль Максимъ Исповѣдникъ,
и съ 1790 года до 45 лѣтъ возраста ни
шагу изъ Пешрова Града, занимаясь обра-
зованіемъ себя и другихъ, попеченіемъ о
кровныхъ, службою военною, ученою и
гражданскою. 1820 года прозьбы и прозь-

бы молодого Рускаго Дворянина Г. В. Д., убѣжденія многихъ, рѣшили меня согласиться, оставивъ спокойствіе единообразной жизни, забывъ привычки свои и пустившись въ дальнее путешествіе по Россіи; шѣмъ болѣе я долженъ былъ согласиться, что хорошо воспитанный молодой человѣкъ, въ обязанность поспавилъ себя, покоишь, лелеяшь меня во всю дорогу. И такъ съ упованіемъ на Бога, сопровождаемый благословеніями родившей меня восьмидесятилѣтней, почтеннѣйшей изъ женщинъ и всѣхъ честныхъ людей обоого пола, оставя друзей и пріятелей, выѣхалъ 2-го Юня 1820 въ шесть часовъ утра изъ прекраснѣйшаго города, столицы благословеннаго Государя великаго народа. Какой-то тяжелый камень лежалъ на груди моей, и какое-то мрачное молчаніе не прерывалось до вѣснорой станціи Мурзинки по Шлиссельбургской дорогѣ; лошади мчались, коляска кашилась быстрой, пылъ носилась за нами, ямщикъ, хощи и молодець, оплошалъ, наѣхалъ на перилы, коляска на боку, шацился . . . мигъ, всѣ полетѣли, охаюшь, — вскочили; я будно пробудился ошъ обьявшею меня думы; шоварищъ мой ушибся до крови выше виска. Богъ сохранилъ его, какъ и всѣхъ насъ; егеръ

съ козель съ кучеромъ больше сирадали вашъ покорный слуга, подобно душинькѣ, грудью упалъ на большой колокъ сѣна, однако лѣвая рука, съ мѣсяцъ была синеватая; хлопотня поднявъ коляску, кошераю ошъ сильнаго удару нѣсколько подалася въ лѣво; крестьяне сбѣжались; я споя на новомъ роковомъ мосту, облокотясь обѣими руками о перилы, думалъ про себя: что шебъ сдѣлалось, для чего ты поѣхалъ, что за прихоти, видѣшь другихъ и себя показашь? и когда? въ сорокъ пять лѣтъ безъ выѣзду, имѣя только книжное понятіе о почтовой ѣздѣ, о дорогахъ; не ворошишь-ся ли! вѣдь до Тифлиса далеко! Такъ думая покраснѣлъ. Какъ! кто-то шепнулъ мнѣ на ухо, ты написавшій *твердость духа Рускихъ*, не имѣешь самъ, сполько швердосши, чтообъ обѣхашь часть Россіи! Имѣю, ошвѣчалъ самъ себя. Между шѣмъ, добрыми крестьянами коляска поднята, сѣли и поѣхали; въ часъ по полуночи были уже въ Шлиссельбургѣ. Продолжая ѣзду по берегу Ладожскаго канала, благоговѣя вспомнилъ Петра Великаго, который симъ каналомъ много душъ сохранилъ и сохраняетъ; прежде Ладожское Озеро много поглощало, людей и грузу. Правдою руководясь, долженъ сказать: что дороги

одна другой хуже, мосты еще дурнѣе, ямщики молодцы, лошади хороши. Утверждаютъ что весь каналъ наполненъ барками съ грузомъ, и вообще одна опъ другой въ пяни или шести саженьяхъ, а не прогаются: что сему причиною? вода ли? люди ли? или что другое? не мое дѣло допытываться.

3-го Юня въ семь часовъ по полудни, по ужасно дурной дорогѣ, съ дождемъ, доѣхали до Тифина, и по словамъ предъидущаго смотрителя почтъ, прислали въ монастырь. Не должно внимать, большею частію расказамъ смотрителей: часто путешественникъ не то находитъ, о чемъ ему говорили. Приказавъ своему повару приготовить обѣдъ, пошли въ церковь, опили съ должною чиностію благодарственный молебенъ о сохраненіи родившихъ насъ, друзей и пріятелей.

Что сказать о Монастырь? богатъ и хорошъ, особенно церковь. Архимандрита не заслали, — изъ Монаховъ одинъ благообразный Марширій, который спавилъ свѣчи, и продалъ по прошенію нашему, описаніе Тихвинской Богоматери, обратилъ мое вниманіе: и глаголь и послушь и скромность; все показываетъ опшельника, принявшаго душею въ живѣ Ан-

гельскій образъ; по распросамъ моимъ, опвѣчали всѣ Монахи: Марширій примѣръ благонавія, шолько и знаетъ келью свою и церковь; въ десяти лѣтъ до ворошь монастырскихъ не доходилъ; пожелавъ благочестивому иноку здравія и швердоспи, вошли въ церковь женскаго Монастыря, и видѣли испанное благочиніе; — показывали ризницу, хороша, и все въ опличномъ порядкѣ. Монахини одна другой скромнѣе, разговоръ кропкой, умный и душъ пріятный; съ благодарностію вышли просія изъяснить наше почшеніе больной Игумень, которую передъ пріѣздомъ нашимъ соборовали; она ждетъ смерти, какъ послѣдней опрады опличной жизни своей: шакъ о ней всѣ опносились.

Въ Тихвинскомъ женскомъ Монастырь, въ особомъ опдѣленіи, споншь богатая гробница, съ шѣломъ Царицы Даріи Алексѣевны, Супруги Царя Юанна Васильевича Грознаго и племянницы ея Леониды Александровны Княжны Долгорукой.

Въ 8-мъ часовъ, обѣдали и ужинали все почши свое; но за сѣно, ночлеги, хлѣбъ и сливки, заплашили очень дорого.

4-го Юня рано выѣхали изъ Тихвина; при спанціи, ужаснѣйшая дорога и преплохіе мосты; да не приведетъ Богъ ѣхашъ

ни одному доброму человѣку, развѣ злымъ за наказаніе. Но матеріалы уже заготовлены.

Слобода Соминская прекрасна; на рынкѣ Соминѣ видно, что жилиши торговцы, чисты вообще; а женщины живы, не дурны и привѣтливы, ни одной шляпки, ни чепчика.

5-го Іюня, въ вѣдѣ, шолько османавливались въ *Устюгѣ*, въ дурномъ пракширѣ обѣдали, за шо дорого заплащали; — опрясшво и здѣсь замѣнили особенно въ женскомъ полѣ.

6-го Іюня, Воскресенье, въ десяти часовъ въ *Мологѣ*. Все дышешъ Рускимъ: идушь къ обѣдинѣ въ нарядахъ, нарядахъ Рускихъ: опять какъ не скажешь, нѣжный полъ былъ румянъ, прекрасенъ. Перемѣни лошадей, пуснились, и въ Рыбинскѣ. Любезностию передоваго, османовились не въ часшномъ домѣ, а въ Рускомъ пракширѣ, гдѣ при всемъ нашемъ, исключая сперлядки крошечной и дурной бовиньи, ужаснѣйшій счешъ поданъ и заплаченъ; шочно по Парижски, не берущъ а дерущъ. Рыбинскъ городъ живой: все кипишь, говоришь, разсуждаешъ, иначе бышь нельзя, судовъ множешво, и вошь кормилица С. Пешербурга. Въ даль не вхожу, а чинов-

ники живутъ и хорошо и гостеприимны; шупъ ужъ видны и шляпки и шурецкія шали, и прочіе наряды. По улицамъ, инья ходяшь, другія гуляюшь, въ кружку спояшь, прохожихъ оглядываюшь, замѣня новое лицо, поклоняшся: *еще грубость иноземная не достигаела сего города, слава Богу.*

Голова Рыбинска, купецъ Поповъ, богаче всѣхъ. умиѣ и скромнѣ, по сердцу пришедъ мнѣ, весело учишься не у надушаго, каковы большею часшю иноземные просвѣщенители, шолько пылъ въ глаза бросаюшь. Поповъ на мои слова, что при богашшвѣ города спыдно видѣшь деревянную набережную, ошвѣчалъ: ешшли бы Государь Императоръ приказалъ брашь по денежкѣ съ куля привознаго, шо въ самой скорости, вся набережная была бы каменная; однако городъ имѣешъ прекрасныя церкви, биржу, и болѣе спа няпидесяши каменныхъ домовъ; ушавъ, сѣли и поѣхали. Дорогою пили кофій въ чешвершомъ часу ушра, у шотришелей почашъ. Иные живутъ чисто, и можно кое-что досташъ, а иные, — войши нельзя.

7-го Іюня, чрезъ Ярославль и Ростовъ пріѣхали въ шри часа по полудни въ деревню шоварища моего, Богородиц-

кое. — Нѣшь словъ описашъ радости крестьянъ, увидя своего барина въ первой разъ, и нѣшь словъ пересказашъ, видя чистюшу мужиковъ, бабъ, дѣвокъ и дѣшей, счастье и довольство на лицѣ у всѣхъ; какъ весело вспрѣчашъ въ низкой долѣ прямое веселіе и должную признашельность къ своему доброму помѣщику. Вошедъ въ барской домъ, въ конгоромъ Золицѣ никто не жилъ, а все въ порядкѣ, можно замѣшшичь что шумъ живали Бояре: какія аеи, пруды, сады, багатство крестьянъ! Все возвѣщаешъ хорошее управленіе. Послѣ многихъ посѣщеній, хлѣба и соли и душевныхъ разговоровъ, въ девяномъ часу обѣдали, и вскорѣ упомянутые предались сладкому сну, въ замкѣ огромномъ, гдѣ придцашъ лѣшь ни кто не ночевалъ; *славно*, однако я пересмопрѣлъ двери, замки, хорошенько прищиворилъ; оснорожность вездѣ нужна, хоши среди добрыхъ поселянъ.

8-го Іюня. Шестисуточная ѣзда, молніи, громъ, проливные дожди, холодъ, не причинили новичку, миѣ, ни какого вреда; маленькой олюсь, насморкъ, при выѣздѣ изъ С. Пецербурга; шеперь здоровъ. Были у обѣдни, послѣ которой молебень, Священникъ молодой человекъ,

чашалъ проповѣдь о повиновеніи Начальству и урокъ Господину; дай Богъ, что въ и въ столицахъ шакъ говорили. Обѣзжали другія деревни, принадлежащія моему шоварищу, и слезы радости вспрѣчали и провожали. Бани Руская горячая и купанье, обѣды и ночлеги въ селѣ же Богородицкомъ.

9-го Іюня. Деревни собрались; пѣсни, пляски выпроводили насъ двѣнадцашъ верстѣ, какъ будшо въ шоржешвѣ; въ 8-мъ часовъ по полудни остановились въ Ярославѣ у купца Федора Аванасьевича Москошльникова; человекъ умный, лѣшь 75-ши, былъ нѣсколько разъ Городскимъ головою. Въ 10-мъ часовъ прислалъ просишь къ себѣ Губернаторъ Александръ Михайловичъ Безобразовъ; онъ шакъ же гощепрїимный, какъ и въ столицѣ; имъ и супругою его Анною Теодоровною, прелестною по душѣ и наружности, не могу нахвалинъся; часъ времени побесѣдовавъ, возвратился къ своему шоварищу, и отдавъ благодареніе Богу, бросился на свѣжее сѣно, заснулъ.

10-го Іюня. Въ седьмомъ часу, пошли ходишь по городу: очень чистъ и хорошъ съ мосшовой; сорокъ чешыре цер-

кви каменныя, одна другой лучше, (*) въ старинномъ вкусѣ, что и придаетъ величіе, особенно, что скульпри и снаружи съ верху до низу разрисованы. Я заходилъ къ стоящему здѣсь Дивизионному Генералу Н. М. Сипягину, копорой годъ тому назадъ сдѣлалъ мнѣ услугу, да и кому онъ не радъ дѣлать пріятности? Въ 12 часовъ, по приглашенію Москопильякова, въ его древней покойной коляскѣ, вмѣстѣ съ нимъ были въ сумасшедшемъ домѣ. Какъ больно, видѣшь себѣ подобныхъ, въ такомъ жалкомъ положеніи, но должно посѣщать сіи дома, дабы смиряться. Кто изъ смертныхъ можетъ сказать, что чрезъ часъ, и менѣе, не постигнешь его сіе горестное несчастіе? Тушь одна дѣвица осмѣлила во мнѣ сильное впечатлѣніе. Болѣе четверти часа, я смотрѣлъ на нее: шло и глаза какъ бы оцѣпенѣли, горестъ и равнодушіе видны на блѣдномъ правильномъ лицѣ ея; другіе и другія смѣялись, будно счастливые: какое ужасное счастье! Отворошился, чтобъ утереть слезы, въ цѣпяхъ, не хотѣлъ видѣшь. Боже сохрани и помилуй! лучше дай смерть, нежели лишишься ума, се

(*) А по словамъ жителей Ярославля болѣе шестидесяти церквей, большихъ и малыхъ.

единный неоцѣненный даръ Творца, явль челоуѣкъ различаетъ зло отъ добра. Были въ больницахъ, въ рабочемъ домѣ; вездѣ чисто и хорошо, но въ домѣ незаконнорожденныхъ чрезвычайно чисто и опрятно, и дѣши здоровы, сколькихъ видѣлъ. Въ часъ дома, писали письма. Обѣдали у Губернатора и вмѣстѣ съ нимъ въ Сиротскомъ домѣ, учрежденномъ покойнымъ Мельгуновымъ, возобновленномъ и въ возможный порядокъ приведенномъ бывшимъ Губернаторомъ Полишковскимъ, шакъ говорилъ Ал. Мих. Безобразовъ; шунъ воспитанники читали свои сочиненія въ презъ и сшихахъ. Прилагаю одну басню, сочиненную шринадцати-лѣтнимъ воспитанникомъ Павломъ Аншиневымъ.

У Ч Е Н Ы Й В О Л К Ъ .

Когда развратъ звѣрей противень Зевсу сталъ,
То онъ за то на нихъ смерть съ голодомъ послалъ.
Тогда и Левъ и Барсъ съ понижею главою
Внимали съ ужасомъ болѣзненному вою,
На силу ноги волкъ отъ голоду шаскалъ
И пицею себя отъ больше не ласкалъ.
Чѣмъ буду, думалъ онъ питаться
За что могу шеперь пріятиться?
Нѣтъ силъ ловишь овецъ,
Пришлось знать мой конецъ!
Въ бѣдѣ шакъ весь умъ волкъ собралъ свой,

Придумалъ и — прибрелъ кой-какъ къ жрецу сми-
ренно

И съ поспной рожею просить спалъ умиленно.
Возмись, свяшой отецъ, добру меня учить,
Злымъ хищникомъ ужъ мнѣ прошивно спало жить.
Да сердца и ума благое просвѣщеніе
Опхлоняшь онъ меня небесъ правдивыхъ мщеніе,
Хочу я истину какъ добрымъ бышь узнатьъ
И болѣ впередъ грѣшнѣе не начинатьъ.

Жрецъ добрый удивился

Что волкъ перемѣнился,

И такъ не мѣшкавши его до сыща накормилъ
И съ радостью пошомъ за книгу посадилъ;
Разинувъ волчью пасть завылъ а, а! нашъ волкъ.

Жрецъ радъ былъ, видя шолкъ;

Другую букву задаешь.

Трудишься волкъ; кривляешь рошъ,
Пошь градомъ съ волка льешься
Но бе, подъ ладъ ему ни мало не даешься,

Однакожь бился, бился

И бе, произносишь онъ твердо научился,
И повтораешь ее безъ затрудненія могъ,
Жрецъ дальше, а злодѣй со всѣхъ скорѣе погъ
Въ лѣсъ лыжи навоспирилъ и въ ремесло пустился
Въ кустахъ близъ ручейка покойно поселился,

И тамъ богато жилъ

И безъ труда овецъ душилъ.

Лишь только свой урокъ бе, бе, онъ протвердилъ
Тотъ часъ барашекъ и бѣжнѣ,

Хотя ученіе и трудно волку было

За то ужъ жирненькой кусочикъ приносило.

Но чшожь, такая жизнь не долго продолжилась

И хитрось на бѣду ученаго открылась;

Губителя овецъ поймали

И пошь часъ колу сняли.

Изъ басни сей намъ видѣть должно
Что зло подъ именемъ добра, кошъ скрыть и можно,
Однакоже оно не долго продолжнѣ
И истина должна открыться.

Изъ Сирошскаго дому повезъ благо-
склонный Губернашоръ въ Губернское
Правленіе: внушренноснѣ очень хорошо
расположена; шрудами бывшаго Губерна-
шора. Были въ Приказѣ Общеспвеннаго
Призрѣнія, прекрасно; въ Демидовскомъ
училищѣ вышннхъ наукъ, Профессора ка-
жешся хороши. Начальникъ Виленскій,
Профессоръ древности Ханенко, болѣ про-
чихъ мнѣ понравилнсь. Въ женскомъ Мо-
наспырѣ, гдѣ Игуменья спирошнѣ пре-
красную ограду. Въ Спасскомъ Монаспырѣ,
гдѣ Архимандришнѣ Неофитъ съ просвѣще-
ніемъ, живаго характера; библиошека по-
рядочная, рукописи довольно хороши, И-
ліада и Виргилій, спаринной печашн. Въ
Соборахъ, Успенскомъ, Констаншннов-
скомъ и другихъ; вездѣ древноснѣ живо-
писи, богатспшво оспанавливаешь, каж-
дый скажешъ: прекрасно, прекрасно. При-
неся благодарноснѣ опшчному Губерна-
шору за все, пустились въ одиннадцашъ
часовъ вечера въ Кострому.

Придумалъ и — прибрелъ кой-какъ къ жрецу сми-
ренно

И съ поспной рожею просить спалъ умиленно.
Возмись, свяшой отецъ, добру меня учить,
Злымъ хищникомъ ужъ мнѣ пропивно шало жить.
Да сердца и ума благое просвѣщене
Опклоняшъ онъ меня небесъ правдивыхъ мщене,
Хочу я истину какъ добрымъ бышь узнашь
И болѣ впередъ грѣшить не начинатьъ.

Жрецъ добрый удивился

Чшо волкъ перемѣнился,

И такъ не мѣшкавши его до сыпа накормилъ
И съ радостью пошомъ за книгу посадилъ;
Разинувъ волчью пасть завылъ а, а! нанъ волкъ.

Жрецъ радъ былъ, видя шолкъ;

Другую букву задаешъ.

Трудится волкъ; кривляетъ рошъ,
Пошъ градомъ съ волка льешся
Но *бе*, подъ ладъ ему ни мало не даешся,

Однакожъ бился, бился

И *бе*, произносишь онъ твердо научился,
И повторашь ее безъ затрудненя могъ,
Жрецъ дальше, а злодѣй со всѣхъ скорѣ погъ
Въ лѣсъ лыжи навоспирлъ и въ ремесло пустился
Въ кустахъ близъ ручейка покойно поселился,

И тамъ богато жилъ

И безъ труда овецъ душилъ.

Лишь только свой урокъ *бе бе*, онъ протвердишь
Томъ часъ барашекъ и бѣжишь,

Хоша ученіе и труднѣе волку было

За то ужъ жирненькой пусочикъ приносило.

Но чшожъ, такая жизнь не долго продолжилась

И хитрость на бѣду ученаго открылась;

Губителя овецъ поймали

И пошъ часъ колу сняли.

Изъ басня сей намъ видѣть должно
Чшо зло подъ именемъ добра, кой скрывать и можно,
Однакоже оно не долго продолжится
И истина должна опкрывшя.

Изъ Сирошскаго дому повезъ благо-
склонный Губернашоръ въ Губернское
Правленіе: внушенности очень хорошо
расположена; шрудами бывшаго Губерна-
шора. Были въ Приказъ Общешвеннаго
Призрѣнія, прекрасно; въ Демидовскомъ
училищѣ вышшихъ наукъ, Профессора ка-
жешся хороши. Начальникъ Виленскій,
Профессоръ древности Ханенко, болѣ про-
чихъ мнѣ понравилась. Въ женскомъ Мо-
нашпырѣ, гдѣ Игуменья спроишь пре-
красную ограду. Въ Спасскомъ Монашпырѣ,
гдѣ Архимандришь Неофитъ съ просвѣще-
ніемъ, живаго характера; библиошека по-
рядочная, рукописи довольно хороши, И-
ліада и Виргилій, сшаринной печаша. Въ
Соборахъ, Успенскомъ, Констаншинов-
скомъ и другихъ; вездѣ древности живо-
писи, богатштво ошпанавливаетъ, каж-
дый скажешъ: прекрасно, прекрасно. При-
неся благодарности ошличному Губерна-
шору за все, пустились въ одиннадцашъ
часовъ вечера въ Кострому.

11-го Іюня, при станціи, очень хороши дороги; не доѣзжая Коспромы, по моему настоянію заѣхали въ Ипатской Монастырь, видѣли Храмъ Божій, хоронъ и все древнее прекрасно, но въ какомъ я былъ изумленіи, когда пожелавъ видѣль перемъ Царя Михаила Ѳеодоровича Романова и мащери его Марем Ѳеодоровны, куда по назначенію великаго челоуѣка Су-санина, скрылись родоначалники Романовыхъ, нашель, что спѣны покоевъ, исписанныхъ историческими каршинами: избраніе на Всероссійскій престоль Романова, забѣлены. Въѣхали въ Коспрому въ 7 часовъ ушра. Почшмейсперь Де — въ, знакомый мнѣ по Пешербургу и по женѣ своей, пригласиль къ себѣ; дождь лиль проливной, однако въ его карешѣ съ намъ объѣхали и осмопрѣли Соборы и Монастыри. Успенскій Соборъ очень хорошъ въ древнемъ вкусѣ. Воскресенскій Монастырь на Дебрѣ, Богоявленскій — прекрасный и оппечашокъ Рускаго народа къ Богоспочитанію и щедоршѣ; почшпенная древность и богашство. Убѣжденные остались объдашь у гощеприимныхъ хозяевъ, очень доволенъ, — шущъ увидѣлся съ давнишнимъ пріятелемъ Г. В. Нелидовымъ, Предсѣдашелемъ Уголовной Палашы;

его хвалашъ за благородство чувствѣ и дѣяній. Городъ Коспрома далеко оппешаль опшъ Ярославля по всемъ оппощеніямъ: и весьма грязно, и спощенія не Ярославскія. Въ при часа пополудни, по благодари Де — хъ, пущидиль въ дорогу. Хошя и люблю величественную природу, но опшъ Коспромы до города Кинешмы 84 вершны безъ оппдыха, молніи, громъ ужасный, дождь и градъ, сопровождая насъ, родили во мнѣ неудовольствіе; къ симъ непріятношямъ, дороги недодѣланнныя, и большею частію дурны, горы, рышвины, спщемнинны, паромы дурнѣшше, и мы по грязи глинишпой должны много вершнъ прогуливашся — едва, едва доспигили Кинешмы. Бѣдношъ вездѣ выказываетъ свое чело; вошедъ въ чернѣшшую избу изъ лучшихъ, мылись и пили кофій, со множешвомъ разнородныхъ гадинъ и насѣкомыхъ, шущъ я самъ сбираль градъ, болѣ голубинаго яйца; два наспуха были ранены и нѣсколько овецъ побішо.

До Юрьевца-Повольскаго дорога прекрасная, время очень хорошо, солнце возсіяло.

12-го. Пріѣхавъ въ Юрьевецъ-Повольской, оппашовились подлѣ почшы, у Мѣщанина Шапошникава, чисно живущаго,

передь объѣдомъ, были въ Соборъ Входъ въ Иерусалимъ, или Спасовходскій и Успенскій. Говорятъ, что Великій Князь Юрій Всеволодовичъ выспроилъ сей Соборъ. Городъ плохъ, и что спрание, по словамъ Шапошникова, жиселей 551, а домовъ 599. Въ девять часовъ вечера, по изрядной дорогѣ, исключая размышія ошъ дождей и горъ, прѣхали въ село Лукинское; при раза должны были по грязи ишши пѣшкомъ. Въ сіе время рѣчка Ячмень ошъ дождей не шокмо разлилась, но шакъ вздурилась, что прорвала плошину, сдѣлавъ мужикамъ убышку шысячи на двѣ; паромъ унесенъ былъ въ Волгу; сія послѣдняя прекрасна во всемъ печеніи своемъ. Много споровъ: шоварищъ мой, по пыкости своей, хошѣлъ переѣхашъ бурливую Ячмень; я не соглашался, представляя смерть Кнзя Аркадія Александровича Суворова, копорый не хошѣлъ нѣсколько часовъ подождать, лишился въ Римникъ жизни, и шѣмъ лишиль опечесиво опмичнаго Генерала. При шомъ мужики, собравшіеся около насъ, будшо про себя говорили: упро вечера мудренѣе. — Эши слова подѣйствововали; мы осшались; въ чистей избѣ у ямщика Василія Смирнова, ужинали и со множесц-

вомъ мухъ спали, — ну ужъ сонъ! мужики смышлены.

13-го Іюня. — Напившись кофею, переѣхали на лодкѣ чрезъ Ячмень, коляска и брчка, рѣчкою не глубоко. Двѣ спанціи дорога хороша, нѣсколько горъ, особенно первая круша — пѣшкомъ перешли, погода прекрасна; въ одиннадцатъ часовъ укрѣпились ячницею и поѣхали въ Нижній-Новгородъ, изъ деревни Гунища К. Урсова; она хороша, крешьяне и крешьянъ чисши. Эшо доказываешъ, что помѣщикъ чесниной человекъ; я его не знаю, но довольство вѣренныхъ ему засшавляешъ любить его. Въ половинѣ осьматого по полудни, прѣхали въ Нижній - Новгородъ чрезъ паромъ. Видь ошъ рѣки Оки — прелеснь; по горѣ, — усшупами дома, домики, лачужки; для новой ярмонки, спроеніе по виду хорошо, еще спроишся. Тушъ на ярмонку спекающа до двухъ-сошъ шысячъ человекъ, съ 20 Іюля до 20 Августа. Кшо Россіянинъ и не знаешъ, что 32 губернии соединяюща Волгою? При семь могъ бы я написашъ двадцатъ спраницъ Испорію ярмонки; но выписки изъ книгъ не дѣлаю, какъ многіе пущешешвуюшъ по книгамъ, и слѣпо вѣряшъ онымъ. Осшановились на Покровской улицѣ, недалеко

ошь Губернашора, въ домъ купца Булошникава. Передь окнами, какъ меня увѣряли, ша площадь, гдѣ 1612 года, Козма Мининъ Сухорукой уговорилъ согражданъ ополчиться прошивъ Поляковъ, спашь въ ряды, — подь знамена К. Пожарскаго. Смотри изь окна на площадь, вдоль улицы, гдѣ довольно людей гуляло, предался думѣ о минувшихъ временахъ, воспоминаль свою юность, когда и ночи просиживаль надь книгами, чшобъ опыскашь, вырышь шакъ сказашь полезное, и передашь современникамъ; слабымъ перомъ начерскаль дѣла К. Пожарскаго и Минина, доспигъ своей цѣли, возбудивъ нашего Русскаго Фидіаса, Маршоса, приняшь за рѣзецъ, — и мы увидѣли, по волю ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, по желанію Русскихъ, памятникъ воздвигнушый въ Москвѣ, симъ великимъ Мужамъ. Душа моя шоржесшвуешь! Разговори съ Полицмейстеромъ Смирновымъ, пылкимъ и гошовымъ услужилъ, ужинъ и сонъ разсѣяли мою думу.

14-го. Ушромъ увидѣлся я со спарымъ знакомымъ, нынѣшнимъ Губернашоромъ, Александромъ Семеновичемъ Крюковымъ, вѣжливимъ человекомъ. До обѣда, вмѣстѣ съ Смирновымъ были въ Соборѣ: — хорошь;

поклонились гробницѣ безсмертнаго Минина; не бывъ сеншшменскальнымъ, подвиги Минина приказали слезамъ выкашшшься изь глазъ моихъ — и се жершва великому человеку. Были въ другихъ церквахъ, всё хороши; но Ярославскія богаче, а Коспромскія лучше. Обѣхали почти весь городъ: видно, яшо шорговый; но не шолько красавицы не встрѣпили, даже милой; можешъ бышь на нашу бѣду, или на наше счастье, хорошенькія попришались. Въ два часа съ половиною, прошенные обѣдали у Губернашора; супруга его, изь Англичанокъ, шѣмъ больше почтенише для меня, чшо говоришь по - Русски, какъ Руская; обѣдъ славный по всѣмъ ошношеніямъ, и бесѣда порядочная; съ балкона, глазъ видилъ лучшее мѣсшоположеніе. Присущшвенныя мѣсша давно сторѣли; обывашелей считаюшь до 15 шысячь человекъ. Семинарія, говоряшь, хороша; времени не было самимъ посудилъ. Гуляли, были въ церкви Рождешва Богомашери; построена Демидовымъ, при Пешрѣ Великомъ; служенія не было, по словамъ Священника, съ 1722 до 1725; чшо за причина? не даромъ; ибо Пешрѣ I все дѣлаль съ умомъ. Тушь видѣль, писанныя Евангелія, образа письма ошличнаго, и все прекрасно. Ве-

черь, и я дома, въ пріятныхъ разговорахъ, съ добрымъ и любезнымъ шоварищемъ.

15-го Іюня. — Насъ посѣщили многіе, и Прокуроръ, котораго хваляшь, Николаевъ, принесъ мнѣ рукопись о Нижнемъ-Новгородѣ; въ оной ничего новаго не нашель; однако очень благодаренъ за учтивость. До двухъ часовъ дома; званые Смирновымъ, коего зналъ Офицеромъ въ Преображенскомъ полку, обѣдали хорошо, и чувствительны за ласки. Ходили по городу и первой разъ видѣли нѣсколько дамъ. И здѣсь, какъ и въ другихъ городахъ, въ два дни я узналъ и то, и другое; кто говоришь шось и правъ, Богъ да помирить всѣхъ. Лелевыхъ (Амурныхъ) дѣлъ мало извѣстныхъ, за то у насъ шось не слушай. Помолясь, заснулъ крѣпко.

16-го. Утромъ слушали обѣдню въ дѣвичьемъ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ, гдѣ болѣе восьмидесяти монахинь и бѣлицъ; службу совершалъ Священникъ очень хорошо; на крылосахъ монахини и бѣлицы пѣли изрядно; все вмѣстѣ благоговѣніе внушаешь; приглашены къ Игуменѣ, (Дорогея Михайловна Маршимова замужемъ была за Новиковымъ). Въ монастырѣ нельзя не замѣтить числоту, чинность, красоту, умъ Игуменьи, проси о-

шу глагола. Обѣдали у Губернатора, были въ Ланкашерской школѣ; порядочно. Вице-Губернаторъ Д. С. С. Моллеръ, показывалъ намъ вино въ подвалахъ; оплочно хорошо поставлено; желательнѣе бы было, чшобъ вездѣ былъ такой порядокъ. Въ Театрѣ играли Богашонова, дворовые люди Князя Николая Григорьевича Шаховскаго, очень изрядно, особенно актрисы. Просиясь со всѣми, пригошвились къ отъѣзду.

17-го Іюня. — Дорога не совсѣмъ дурна; до Василя двѣ версты; розы дикія, благовоніемъ своимъ пріятны обонянію и зрѣнію, — жаль, чшо церковь давно спроицца и къ концу не доходишь.

18-го. Въ дорогѣ. Отъ Чебоксара до самой Казани, дороги большею частію дурны; но я замѣшилъ, чшо деревья сажать передъ рвами, а не за рвами; это спасаешь отъ несчастія, при шемношѣ ночей, при дождяхъ и разливахъ. Только одинъ паромъ проѣхали въ Казанской Губерніи, и шось дурнѣйшій. Ямщики отъ С. Пешербурга всѣ хороши. Отъ Эмангаша везли насъ *Черемисы*: хошя бѣдные, но управляютъ хорошо; жены ихъ очень дурны; пошомъ *Чуваши*, не хуже, и жены ихъ не красивѣе; отъ Чебоксара Русаки

вели, отличные молодцы, а дорога самая несносная. — Шестнадцать верст до Казани, дорога гладкая, хорошая, но ямщики *Татары*; чухь - чухь не были опрокинушы; я выходилъ, и по глинистой, грязной землѣ подь дождемъ верстъ во семь шель пѣшкомъ, чшобъ сберечь себя, взѣзжая на гору, а лошади назадъ во всю лошадиную прышь; Богъ помогъ, мы выскочили и — живы! У поварища моего хощя нога болѣла, но у страха глаза велики, забудешь и боль. Вообще дороги до Казани ошь Василя - Сурска гористы, мосты довольно хороши; сунки не обѣдали, а бѣли много. Въ 12 часу по полудни взѣхали въ Казань, остановились въ Проломной улицѣ, въ домѣ купца Дьяконова: не число; помолясь, бросился на сѣно и проснулъ въ девятомъ часу ухра.

19-го Юня, умылись, нарядились и пошли къ знакомому мнѣ Губернатору П. А. Н. Привѣщивоваль, какъ человекъ съ хорошимъ воспитаніемъ, просилъ ужинашъ. Казань, хороший городъ, послѣ пожаровъ выстраиваея лучше прежняго, множество каменныхъ домовъ; Соборы и церкви далеко ошснали ошь Ярославскихъ, Ростовскихъ, Костромскихъ и Нижняго * Новгорода; улицы немощенныя, и

весь городъ шо на горѣ, шо подь горою. Каменный Госпиный дворъ даже нахожу лучше С. Пешербургскаго, и множество деревянныхъ лавокъ, лавочекъ и шалашей; вездѣ народу много: счишаюшь около сорока тысячъ Русскихъ и Татаръ. До ужина Губернаторскаго, послѣ нашего хорошаго обѣда, пошелъ я къ Прокурору Ильѣ Михайловичу Авдулину, моему пріятелю, и не доходя до дома, спросилъ проѣзжаго объ немъ. Прокуроръ умеръ ошь удара, часа при шому назадъ; меня сѣя вѣсть поразила, шѣмъ болѣе, чшо ошь Губернатора начиная, все его хвалили и хваляшъ; душевно жалѣя объ умершемъ, пошелъ къ Коменданту Алберту Карловичу Пирху 2-му; онъ, завидя меня, вспрѣшилъ, какъ ошца, какъ спарато наславника; обнималъ со слезами и шѣмъ доказалъ благородство чувствъ своихъ; говорили о многомъ, и онъ здраво мыслишъ и ошлично выполняея наложенную должность. Тушъ былъ Подк. Блумъ съ женою, умною и почтенною; бесѣда ея пріятна. За ужиномъ у Губернатора, познакомился съ Княземъ Давыдовымъ Почтъ - Директоромъ и Масловымъ: оба своимъ обращеніемъ оставили во мнѣ признательность. Чшо сказаиъ о хозяинѣ? Онъ всегда одинаковъ, слѣдственно заслу-

живаешь благодарность. До двух часов писалъ у себя. Спалъ хорошо.

20-го Іюня. Въ десятомъ часу ушра вмѣстѣ съ Губернашоромъ были въ Соборѣ, гдѣ покоялся мощи С. Гурія; и праздникъ онаго; народу очень много, Архіепископъ Амвросій чинно, хорошо служилъ; Пропіерей читалъ своего сочиненія предлинную проповѣдь. — Городъ Казань гориснь, шесть лѣтъ шому назадъ горѣль, и — по словамъ жишелей, выспроень гораздо лучше, и болѣе каменныхъ домовъ. Послѣ обѣдни были въ Казанскомъ Богородицкомъ дѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ Игуменья Назареша Васильевна, урожденная Гладкая, умная женщина, все сама намъ показывала, и все очень хорошо: болѣе семидесяти монахинь, бѣлицъ и одна схимница; много привлекательныхъ лицъ, что веселишь сердце человѣческое! Игуменья одарила насъ копіями образа Казанской Богоматери, персиками, сливами и желаніемъ счастливаго пуши; крайне довольны, а я болѣе что она меня узнала, пошомъ и я; хошя не видѣлись болѣе пятнадцати лѣтъ, улыбаясь, почши вдругъ сказали: посмарѣли! Обѣдали со многими у Губернашора; писали; были у Пирхара; радъ душею гостямъ и угощаль сердцемъ;

молодець и собою и дѣлами! Были въ славнѣйшей банѣ у Маслова; насъ посѣщили многіе, просидѣсь со всеми съ благодарностию, ужинали, и предались сладкому, безмятежному сну.

21-го Іюня. Въ шесть часовъ выѣхали изъ Казани, и на седьмой вершѣ, на прехудой лоджѣ, съ коляской и бричкой переѣхали Волгу, шире Невы рѣки; слава Богу, что нишо было, а шо бѣда неминуемая; спускаешься по крупнѣйшему берегу спрашно; счастливы мы, что ночь не наснигла насъ. Горько, что люди мало заботяшся о безопасности ближняго, и ждущь, чтошобъ грянулъ громъ; а безъ шого хошъ права не росши, для нихъ все равно! Переѣхавъ Волгу въ Верхній Услань, шли подъ гору и на гору вершины шри, успали; девашь часовъ ушра, и мы ждемъ, сидя на горѣ, экипажей. Двѣ спанціи *Сейтово* и *Бурундукъ* — Ташары; *Чибергицъ* — Русскіе; хошя горисшо, но виды прелесшные; лѣса, — дубъ и липа, цвѣшовъ множешво, и благовоніе ошъ оныхъ; мосты очень дурны; въ Бурундукѣ ошпановились у Ташарина креснѣяннина; на дворѣ обѣдали, окруженные нечистыми Ташарами; рамазанъ, — посшъ ихъ; они ѣдшъ по заказѣ солища, и пошому будшо шощи, блѣдны; дѣши

презамаранныя и женщины шоже, и дурныя же къ шому. Чешыре спанціи, ослѣпляющія частыя молніи, громаы, дождь проливной, вѣсперь сильный, грязь и ошъ шого можешъ бышь дурныя дороги, приводили въ ужась; мы закрыли коляску, я предаль душу свою Богу и заснулъ; пробудился у послѣдней спанціи, подъѣзжая къ Симбирску, ошъ крику женскаго и дѣвичьяго; проширая глаза, слышу: „Баре! не ѣздите по мосту, пусть грѣшники ѣздяшь, и шо передъ вами ось переломилась у какого-шо проѣзжаго.“ Спасибо, сказалъ я, и выпрыгнули изъ коляски, копорую вмѣстѣ съ брячкою ошправили въ объѣздъ, а сами перешли по новымъ периламъ; мостъ съ верху новъ, а съ низу гниль: вошь причина, что провалились чешыре доски; бѣда да и шолько!

22-го Іюня. Въѣхали въ Симбирскъ; городъ прегрязный, а осеню, говорили мнѣ, Боже упаси. Всѣ почти строенія деревянныя, вѣшки; дѣвичій монастырь, гдѣ Богомашерь Свирская, чешыринадцать монахинь, бѣдненькихъ старушекъ; Троицкій Соборъ ошвѣчаешъ всему городу, бѣдень. Черезъ часъ выѣхали; въ спанціи Ключицѣ обѣдали въ избѣ, и проѣхавъ Ташлу Ясашную, Тиренгуль, Горюшки, Ива-

новку, въ чешыре часа утра 23-го Іюня въѣхали въ чисенькой городъ Сызрань.

23. — Весело видѣшь людей хорошихъ, спариннаго покроя; здѣсь Экспедишоръ почшы, шридцашъ лѣтъ на одномъ мѣснѣ, и все-таки бѣдень; а очень доволенъ своею судьбой и шридцашъ-лѣшнимъ рыжимъ парикомъ своимъ. Выпивши кофею, поѣхали; дорога ошъ Сызрани — спени гладкія, рѣдко увидишь деревцо и земля не вспахана; грушно видѣшь верспъ сто и болѣе нашу природу, и шрава сквозъ известъ мало выказываешся; верспъ шакже болѣе спа, гора за горою известшковыя; пѣшкомъ должны были идши почши до города Хвалынска; по охошѣ разъ можно видѣшь, а на каршинѣ красивѣе; лишъ Хвалынскъ проѣхали, почва земли лучше, и рука челошечская видна, вездѣ хлѣбъ; солнечныя лучи, ударяясь о горы известшковыя, прекрасными ихъ кажушь; шущъ начинающся горы, зеленью покрышыя, и до самой Алексѣевки: Сарашовской Губерніи, деревня моего шоварища съ 1500 душъ. Сколько мы были восхищены въ Богородицкомъ селѣ или Капцовѣ, шолько здѣсь не шо по всѣмъ ошношеніямъ; ошъ чего же шакая разность? Ошъ шого, что бурмисшрь не по выбору креспьянь. Въ шри часа лишъ

пріѣхали, принесли и сперлядей и осепра аршина полшора длиною, въ челнокъ, да все шакъ сухо; — поѣли, и въ девять часовъ, поговоря и о томъ и о другомъ, заснули. И шакъ въ двадцать одинъ день ѣзды, мы останавливались ночевать въ Тихвинѣ, Капцовѣ, Ярославлѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ и здѣсь, въ Алексѣевкѣ.

24-го. Праздникъ у моего шоварища, были у обѣдни, церковь въ самомъ гореспномъ положеніи; душа моя пронупа была во время службы; мало крестьянъ у обѣдни, хоша великій праздникъ, церковью установленный, Иоанна Предсечи. Товарищъ мой недовольный поѣхалъ по другимъ своимъ деревнямъ, а я обходилъ избы, и по распросамъ моимъ, много крестьянъ имѣють по десяти лошадей, столько же коровъ и по пятидесяти овецъ, а бурмистръ въ пяперо болѣе, не говоря о деньгахъ; оцъ чего же церковь Божія въ бѣдности, и мало было и бываешь у обѣдни? Не смотря, что деревня богашая, домъ или лучше сказать изба для пріѣзда барина, не освѣчаетъ избышку крестьянъ. Въ шесть часовъ обѣдали, погуляли безъ удовольствія; никогда не видалъ столько безчисленнаго множества мухъ; однако въ пославленныхъ спаканакъ съ виномъ,

поминушно исчезало тысячъ по нѣскольку. Что ежели бы люди злые и дѣлающіе пагубу ближнему, шакъ скоро умирали, когда не хошяшь покаяться и вески жизнь добродѣтельную?

25-го Іюня, въ десять часовъ ушра выѣхали изъ села Алексѣевки, не слишкомъ довольны, по многимъ ошношеніямъ. На вшорой спанціи; проѣхавъ 36 вершъ, широкой буеракъ въ деревнѣ Графа Кочубея; лопнулъ ремень задней рессоры: благодареніе Богу, съ нами ничего не случилось! запасными веревками завязали. Въ имѣніи Графини Ливень, Терса, шли двѣ версны пѣшкомъ, переѣзжали на дуренькомѣ паромѣ; лошадь у брички попала въ воду, оцъ дурнаго спуску; выпацили. Оцъ Алексѣевки до широкаго буерака дорога хороша, не смотря, что съ горы на гору, но можно безъ шрудности ѣхать; до Вольска дорога гориста, извешкова, виды очень часто хороши, особенно подъѣжая къ Вольску, спускаясь къ городу версны полшоры, хоша и кажешся круто, но съ осшорожностію можно, не шормозя, ѣхать, а поднимаешь рысью; честь Губернатору Алексію Давыдовичу Панчулидзеву, что шакъ ушроилъ гору! Въ Вольскѣ остановились въ домѣ вдовы

Плехановой; число живешь, не дурна собою, учивва, хорошо говоришь; жаль только, что шарообрядица! Здесь много каменных строений, но пусты; две церкви и одна шарообрядческая, нынче запечатана; жищелей мужескаго пола четыре тысячи, всего около десяти тысяч. Вольск — родина Злобина, бывшего купца богача, и называлась, тридцать пять лет тому назад, Маловка, нынче лучше Коспумы и грязнаго Симбирска. Городничий, Коллежский Советник Спруковъ, порядочнаго обращенія, шестнадцать летъ въ одной должности и доволенъ. Въ городъ ярмонка до 1-го Юля. Изъ Вольска на второй спанци, ямщикъ, ошъ неоспорожности сломалъ два валька; эшо ничего; пошомъ шучи, какихъ не видывалъ, дождь проливной, грязь, темноша, въшеръ, холодъ, я въ *безпокойствеи*, поварищъ мой спишь, а я самъ не свой; наконецъ, въ закрышой коляскѣ, задернувъ и занавѣску, помолясь и безъ спыда со слезами, предаль себя Богу, заснулъ, и бѣды не было.

26-го Юня. Довхавъ до Жуковки, въ семь часовъ ушра, у шароспы на дворѣ, кончили ушрение убраниво и пили кофей; но какъ дохали не на почшовыхъ

лошадяхъ? увы! часа при въ темношѣ плушали; изъ Жуковки повхали на лошадахъ моего поварища, и въ Алексѣвкѣ (экономическое дѣло Саратовской губернии:) чрезъ гнильшій деревянный и безъ периль мосшикъ, искусствомъ кучера, мы переѣхали благополучно; бѣда же обрушилась на бричкѣ, кошорая съ двумя кучерами, камердинеромъ и поваромъ опрокинулась въ ровъ и повисла на деревьяхъ; две лошади ошались на мосшикъ, никто изъ людей не ушибся, одна бричка сильно пошрадала; общій испугъ на долго ошпаненся у всѣхъ. Нельзя не пошпорить: мосшы и мосшики, дороги и дорожки проселочныя, большею частію, *новыя* не додъланы, а шарыя запушены. Кое-какъ дохали до деревни Машюшкиной, принадлежащей моему поварищу, въ прекраснѣйшую погоду. Здесь кресшьяне добрые люди, со слезами радости встрѣшили своего молодаго барина; хопя не богаты, прешерпѣвъ два раза пожаръ, но большую каменную церковь спрояшь при нѣкошорой помощи молодаго барина. Пробхавъ семь вершъ, въѣхали въ село Никольское, шакже моего поварища; видимо, что иго бурмистра не шягошишь кресшьянъ; ошъ спараго до малаго и

женскій полъ въ нарядахъ, окружили своего помѣщика, и обвились около него, какъ дѣши около своего ошца; говорили, разсуждали, имъ хорошо, дѣльно опвѣшпвовали, и душа моя была въ восторгѣ; шущъ любяшь и бурмиспра и шароспу, ошъ шого, что изъ среды своихъ выбираюшь лучшаго. Мы ночевали покойно, будучи счастливы, — счастлиемъ поселянь; я вчужь радовался!

27-го Юня. — Побѣда подъ Полшавою 1709 года; мы были у обѣдни, хорошо служили, были у бурмиспра, чисно, и при сына женашихъ, молодцы; захали и въ другую деревню моего шоварища; поѣли и прямо въ Сарашовъ; дорога хороша. Въ семь часовъ вечера были уже въ домѣ, принадлежащемъ Губернашору на берегу Волги. Здѣсь заочно шосшил насъ гостепрїимный Алексѣй Давыдовичъ Панчулидзевъ, кошораго по С. Пешербургу знаю. Довольные, предались власти сна. Тушь получилъ ошъ кровныхъ письмо: здоровы, и другое — ошъ молодой особы; вшорое роковое огорчило меня до слезъ; да будущъ счастливы всѣ досшойныя дѣвицы; мнѣ ошалося ожидать очереди, Богъ и меня не оставишь. Сарашовъ

чиспой городъ и много церквей; мы проѣхали почти весь, въѣжая въ оный.

28-го Юня. Погода прекрасная; въ девять часовъ были у Губернашора, кошорый принялъ чрезвычайно хорошо, пригласилъ обѣдать, и шакъ какъ почта ошходитъ разъ въ недѣлю, то мы попоропились домой, написали письма, опправили; прїѣжалъ къ намъ благосклонный Губернашоръ въ два часа; вмѣспѣ поѣхали къ нему обѣдать; споль ошличный по всему. Тушь познакомился съ супругою его Екашериною Пешровою, привѣшливою дамою; увидѣлся съ давно-знакомыми, Екашериною Ивановною Рѣзановой, почшеною дѣвицею; съ дочерью покойнаго почщенѣйшаго Сенашора Сушкова, Софьей Николаевной, кошорой красота наружная согласна съ красошами душевными: она за мужемъ за сыномъ Губернашорскимъ Александромъ Алексѣевичемъ, чувспвующимъ цѣну своей супруги, опличной молодой мащери; всѣ ее почитаюшь, и въ одинъ голосъ превозносяшь ея сердце, умъ, душу. Тушь же свидѣлся съ Совѣшнимъ судьбою Ив. Мих. Веденяпинимъ, почно чешнымъ челоувѣкомъ; онъ мнѣ обрадовался; мы давно прїятели; онъ для своего мѣша созданы. Всѣ ошмѣнно учшвы,

зяпъ хозяина живой; прїѣзжій Н. А. Норовъ, похожій на почтеннаго моего наставника Евграфа Пепровича Башурина, (*) съ прїятнымъ просвѣщеніемъ челоуѣкъ; Предсѣдатель Уголовной Палаты Н. Л. Б. тихой. Послѣ обѣда сидѣлъ у нездороваго сына Губернапорскаго, съ которымъ по Песербургу знакомъ: съ доспоинспвами молодой челоуѣкъ; дома писаль, въ девять часовъ ужинали — и день миноваль. До полуночи, собрались грядями шучи, блеснули молніи, грянулъ громъ, при сильномъ вѣспрѣ и полился ливнемъ дождь.

29 Юня, Песра и Павла Апостоловъ; одѣлись, хошѣли насъ видѣшь нѣкошорые чиновники, Голова градской и нѣсколько купцовъ, по виду и разговорамъ люди порядочные; жаль, что изъ купечества много старобрядцевъ, однако Губернапоръ и ими нахвалишь не можеть, за то и его всѣ любяшь; вся полиція посѣшила насъ; слушали обѣдню въ Соборѣ: церковь хошя не изъ Ярославскихъ, но порядочна, особенно иконосшась; — по окончаніи службы, поѣхали въ новоспроющуюся церковь Пророка Іліи: прекрасная, живо-

(*) О подвигахъ его, можно читать въ Твердо-снѣ Духа Русскихъ.

пись хороша, примѣшно и богатство; спѣны и плафонъ будущъ расписаны алъ фреско; съ часъ гуляли по городу чистому; жаръ несносный. Въ сіе время, по приходѣ домой, вручилъ мнѣ провіантскій чиновникъ, въ Грузіи служащій, описаніе дороги опъ Моздока до Тифлиса; изрядно написано. Въ два часа поѣхали обѣдашь къ Губернапору. Бесѣда съ хозяйкой была прїятна, шущъ были миловидныя особы; обрапившія мое вниманіе; о Софіи Николаевнѣ нечего и говорись, все въ ней доспойно вниманія. Въ семь часовъ были уже мы въ театръ, и сіе невинное занятіе для города, не менѣе приписываюшь спшараніямъ Губернапора. Театръ не великъ, но очень миленькой, если можно шакъ сказать; освѣчень хорошо; оркестръ весьма хорошъ; играли Комедію, сочиненіе Князя А. А. Шаховскаго, *Сеоя семья*, не хуже Песербургскихъ Акшеровъ; особенно Госпожа Грузинова вдова, украшеніемъ была бы и Песербургскому театру, если не лучше, то ни чѣмъ не хуже славной нашей Акшрисы Рахмановой спарухи; и молодая Грузинова не дурно играла; мушцины опсшали опъ Акшрись. За Комедіей слѣдовала Опера *Пѣвецъ и Портной*, музыка Г. Гаво, шоже не дурно

лучшенькія — Давидова, игравшая ролю спарухи, и опянь вдова Грузинова; будучи доволенъ почти всѣми, долженъ сказать, что декламация у всѣхъ слаба, кромѣ вдовы Грузиновой. — Сушки прошекли въ пріятныхъ занятіяхъ.

30 Іюня. — Очень жарко, ѣздили осматривать примѣчательное въ городѣ; больница въ самомъ лучшемъ порядкѣ, дай Богъ видѣшь вездѣ поже: Докторъ Ренгольмъ, заботливый и всѣми хвалимый человекъ; богадѣльня для обоого пола прекрасна; спарость имѣешь особое пріѣжище, и все это пруды Панчулидзева, такъ какъ Соборъ и монастырь недоконченный, вскорѣ будешь гошовъ. Жаръ заставилъ броситься въ Волгу, воды которой своими лобзаніями оспавляли здравіе на шѣлахъ нашихъ; обѣдали въ три часа у Губернашора, гулялъ въ саду его: хорошъ, но много еще денегъ нужно, чтобы привести оный въ совершенство; ванна прекрасна. Концертъ, соспавленный изъ людей его, при иностранцѣ Казели виолончелистѣ, восхищаль; особенно сей послѣдній, подражалъ Гомбергу въ Русскихъ пѣсняхъ; всѣми весьма довольный, и знакомствомъ съ молодою, умною и любезною дамою Н. Н. Р — ю.

1-го Іюля. Цѣлое утро занимался писаніемъ; посѣтили насъ многіе, большею частію люди мысляще; обѣдали у Губернашора, познакомился съ Французенкой Шшошъ, женою учителя музыки; собою не дурна, но образованіемъ подобна всѣмъ Французенкамъ: это первая по выѣздѣ изъ Цешрова - града вспрѣча; какъ весело душѣ моей видѣшь однѣ Русскія лица, и славный, полный гармоническій, Русскій языкъ всюду слышенъ, не такъ какъ въ столицѣ: рѣдко даже въ среднихъ домахъ говорятъ на опечестивенномъ нарѣчій; но сіе время не выходяшь изъ жалкаго заблужденія, полагая воспишаніе въ знаніи многихъ языковъ! Забыли бѣденекіе, что древніе Греки изучались одному своему языку во всю жизнь, и однимъ роднымъ нарѣчіемъ доспигли во всѣхъ почти частяхъ совершенства; безсмертія; — Римляне, сверхъ своего языка, знали и Греческой; — а нынѣ, говоря на многихъ языкахъ, понушь въ невѣжесвѣ, и шолько изъ маленькихъ книжонокъ выпвердя кое - что, мечпають обнять всѣ познанія; горе! — Послѣ обѣда гуляли въ саду и поѣхали въ Театръ; играли *Одну Шалость*, нельзя сказать, чтобы хорошо; но и сего довольно; во время представле-

нiя мучилъ меня одинъ сосѣдь Французскимъ языкомъ; я ему ошвѣчалъ все по Русски; видя однако, что онъ не перестаетъ, принужденнымъ нашелся увѣрить его, что я сыщю и въ С. Пешербургѣ ошъ сего лепетанiя, и радѣхонекъ, что изрѣдка слышу говорящихъ на семь языкѣ въ путешествiи; сосѣдь удивился, особенно, что я всю жизнь провелъ въ столицѣ, въ кругу большомъ, а все остался любилелемъ Россiйскаго языка. По закашъ солнца, благодатная Волга манила къ себѣ; повинувась ея волѣ, бросился въ спруи ея и вышелъ здоровѣе.

2-го Юля. Спранно, однако случается въ свѣшъ, что правда хопя и глаза колетъ, но бываетъ иногда причиною шѣсной дружбы, соединяетъ два сердца навсегда; первой разъ бывъ въ Сарашовскомъ шеандрѣ, замѣши въ ложѣ сидящую молодую даму, съ огромнымъ ѡберомъ, примѣшино улыбулся, пошомъ усмѣшка обратилась въ тихой смѣхъ, пошомъ пересказалъ мое замѣчанiе нѣкоторымъ дамамъ; онѣ передали прiятной дамѣ съ оначаломъ мои слова: что не должно обращать на себя вниманiе бабушкиными нарядами, особенно пригожей особѣ и проч. Она передъ ужиномъ подошла ко мнѣ, благодарила шакъ умно, шакъ

крошко и чистосердечно, что приведши меня въ краску, заплонила сердце, и доспавила случай — бесѣдуя съ нею, познашь прямое не иноземное воспишанiе; я увидѣлъ въ ней то, что должно ожидать во всемъ нѣжномъ полѣ: знанiе хорошо своего роднаго языка, начипанность полезнаго съ прiятнымъ, обращенiе благородное безъ кокетства; всѣ сiи качеспва, при добромъ сердцѣ, при пылкомъ съ крошосшью умѣ, при наружныхъ прелеспяхъ, соединенныя съ возвышенными чувшвами, нехотя заставляютъ навсегда вспоминая сiю особу, кошорая должна бы счаспiемъ пользоваться, счаспiемъ испишнымъ; но увы! всегда ли бывають дошопинспва награждаемы? И шакъ мудрено ли, что вашъ покорный слуга, сидя за ужиномъ подлѣ сей любезной особы, сожалѣлъ, что завшра должно разспашься и съ Сарашовымъ и можешъ бышь долго не бесѣдовашъ споль прiятно, невинно и поучишельно.

3-го Юля. Рано вспалъ, уложился, одѣлся по дорожному, сѣлъ къ окну, смощрѣлъ съ полными слезъ глазами на Волгу, думалъ много — особенно о счаспiи земномъ; повшорилъ сказанное къмъ-шо: далеко ошъ глазъ, далеко ошъ сердца, и что печаль, шоска и труспъ ложащся

очень близко къ сердцу; слезы тихо капились по полнымъ ланитамъ моимъ, я самъ не зналъ причины; письма ли, полученные мною издалека заставили горевать, или что другое; но все равно, по крайней мѣрѣ я еще не разрывалъ кольца, связывающаго меня съ кругомъ счастья міра сего; чиншпель смѣшся, что *сорокапяти лѣтній* молодой человекъ разбѣжился и *селадонитъ!* Въ девятомъ часу, поварищъ мой проснулся, экипажи гошovy, мы ихъ опсправили впередъ, а сами пошли къ почтенному госсприимному Губернашору, вмѣстѣ съ нимъ, его семействомъ, Норовымъ и иншересною Н. Ив. Род., поѣхали званые къ его родспвеннику обѣдаться, чешыринадцать верспъ ошъ Сарашова. Богатый помѣщикъ М. А. Успиновъ, чѣмъ могъ, шѣмъ угосшилъ; въ дорогу снабдили насъ, Губернашоръ и Успиновъ, хлѣбомъ, виномъ и плодами; между шѣмъ дождь лилъ, громъ гремѣлъ, молніи блисшали, дорога поршилась; распроспхся со всѣми какъ съ родными, особенно съ прелюбезнѣйшею Н. И. Р...; и у неѣ, изъ *знагительныхъ* глазъ капились горячія слезы; что же я дѣлалъ? просшо плакалъ; и принеся чистую благодарностъ за все, всѣмъ и каждому, пуспились въ пушь, по

полудни въ восемь часовъ съ провожаемымъ, даннымъ Успиновымъ. Здѣсь долгомъ посспавляю упомянуть о сценѣ Француза съ женою своею: пуспь изъ сего увидяшъ чиншпели, что шакъ называемая нація полированная имѣетъ шакже недоспанки, даже въ общешпши. Когда гошовились ѣхашъ изъ Сарашова, шо молодая, недурненькая Французенка надѣла своей работы чепчичекъ, кошорый былъ ей къ лицу; учшвой мужъ и гувернѣръ, забывъ всякую благоприсшойностъ, шолько по своенравію своему, велѣлъ ей снпашъ оный; она, прося оспашься въ ономъ, не сшмала; любезный муженекъ сорвалъ съ нее, вмѣстѣ со многими волосами; она, расплаканная, рассказала не мнѣ одному, но и всѣмъ; я его журилъ, говоря, что у насъ сего не дѣлаюшъ, даже въ деревняхъ; уговаривалъ бышъ примѣромъ крошоспи для дѣшей, кои ему поручены; въ прошивномъ случаѣ, ошъ, лишасъ почтеннаго дома, никогда не сыщешъ другаго. Ей даль наспавленіе, повиновашься супругу и наряжашься по вкусу его, чтошбъ шѣмъ прекрашшъ распри, кои могушъ имѣшъ послѣдспвія для нея же неприяшныя; оба оспались кажешся мною довольны. Прощаніе съ обѣихъ споронъ было

слезное; я во всю жизнь мою не забуду Сарашова: начиная съ Губернашора, его семейства, всѣми обласканъ, скажу утвердительно безъ лицемерія: нѣжной полъ надолго оставилъ впечатлѣнїе въ сердце мое. Первая спанція хороша, но вшорая Толовка, при шемношѣ ночной, дурныхъ моспахъ, (новые дѣлаются) и Нѣмцы колонисты ямщики, приводила меня въ ошчаянїе; всю ночь не смыкалаъ глазъ; пишался спрахомъ, надеждою и упованїемъ на Бога. — Въ Сарашовѣ изъ дѣловыхъ людей не видѣлъ Вице-Губернашора Бибикова, и очень жалѣю, ибо всѣ, начиная ошъ Губернашора, не находяшъ досшойныхъ словъ восхвалить его.

4 - го Юля. — Воскресенье, въ семь часовъ ушра, ошановились въ Каменкѣ, у колонистихи, спарухи Марьи Степановны съ дурненькими внучками; напоила своимъ преждикимъ кофеемъ; сверхъ денегъ, я далъ внучашамъ шесть персиковъ, а у насъ разбились семь бушылокъ съ бѣлымъ виномъ: эшо великая пошера въ дорогѣ! До Камышина все степь; шущъ ушпросилъ насъ Городничїй Будищевъ 2, бывшїй мой кадешъ въ Греческомъ Корпусѣ, угосшилъ обѣдомъ и прїятнымъ разговоромъ молодой своей супруги. Весело всшрѣчашъ

благодарныхъ людей. Ошъ Камышева до посада Дубовки спешъ; грустно! права желтая! дорога — охъ! особливо ночью.

5 - го Юля. — въ Дубовкахъ, Полицмейсперь Александръ Осиповичъ Ребиндеръ, своимъ обращенїемъ, госспрїимспвомъ, прїобрѣлъ нашу благодарностъ; дочь его видѣлъ въ Сарашовѣ, хорошо воспитанную дѣвицу; машь сама образуешь дѣшей; — поѣхали довольные; дождь, молнїи, громъ и еще проливной дождь очень испоршилъ дороги. Послали повара впередъ, въ Сарешпѣ пригошовишь обѣдъ; наше желанїе не выполнилось; шо-шо! человекъ предполагаешъ, а Богъ располагаетъ; въ пять часовъ прїѣхавъ въ Царицынъ, должны были ошановишься у Городничаго Пешра Ивановича Быкова, бывшаго моего кадеша въ первомъ Кадешскомъ Корпусѣ; душею радъ, увидя спараго своего насшавника; и мнѣ много прїятности для сердца; хорошо начальнику весши себя хорошо; даже взысканїе спроеое, но справедливое, со временемъ прїобрѣшаетъ благодарныхъ. — Рѣчка Царицына, ошъ дождей, ошъ прорванїя плотины при мельницѣ, шакъ разлилась, что пошопила берега, сшала быспра, и воспрешила ѣхатъ; и шущъ молодой мой шоварищъ хошѣлъ пе-

рѣхать; я настоятельно говорилъ, что не поѣду, безъ нужды не хочу лишиться жизни; и Городничій, исполняя свою должность, не допуская ѣхать, угостилъ насъ славнымъ обѣдомъ и покойнымъ ночлегомъ. Былъ въ раскольниковомъ молищенномъ домѣ; число, образовъ много, женской поль завѣсой опѣдены; Евангеліе писанное. Въ присутственномъ мѣстѣ видѣлъ каршузъ ПЕТРА Великаго, кошорый, отдавая дворянству Царицынскому, сказалъ: „какъ нишо не смѣешь сняшь съ меня каршузъ, шакъ и вы останешесь на своемъ мѣстѣ.“ Видѣлъ дубинку сего же Императора, выше моего роста. Познакомился съ нѣкошорыми чиновниками и съ умнымъ Прошопопомъ. Послѣ прекрасной Русской бани, обѣдали въ девять часовъ вечера; въ одиннадцать были на свѣжѣмъ снѣ.

6-го Юля. Переѣхавъ бурливую вчера рѣчку Царицыну, ниже сшупицы, сего ушра, въѣхали въ 10 часовъ въ Сарепту. Говоряшъ, что рѣчка Царицына получила названіе ошъ Княжны Ташарской, кошорая; принявъ Христіанскую вѣру, была, по приказанію ошца своего, Хана, ушоплена въ сей рѣчкѣ. Вчера ошъ разлишя, берега сей рѣчки сдѣлались крушы; сего дня, по

приказанію опличнаго Городничаго Быкова, исправлены. Дорога до Сарепты изрядна; городъ сей получилъ имя свое ошъ рѣки Сарпы; дай Богъ видѣшь иные и губернскіе города въ шакой чисшопѣ: шочно *миленькой*, чисшъ какъ на ладони; дома снаружи и сшупри гордяшя опряшствомъ, передъ домами возвышающя красивые шополы. Мы остановились въ общественомъ шракширѣ; шупшъ привѣшшвовалъ насъ общешва Полицмейстеръ, молодой человекъ, говоряшій хорошо по-Русски, съ краснѣйшими щекками, дышащій здоровьемъ, и предложилъ показашъ намъ заведенія. Пошли въ домъ Сесшрѣ, гдѣ болѣ сшарухъ; однако ешъ и молодые, хорошенкя; онѣ всѣ съ семи часовъ ушра до двѣнадцати шрудяшя, какъ дѣши; разные классы; надзирашельница лѣшъ пшшидешши и болѣ, хорошая, привѣшливая женщина; послѣ обѣда ошашъ, по колокольчику въ шрудахъ; два раза въ сшупки бывающъ на молишвѣ; спальни ихъ очень чисшы. Видѣли домъ Брашъевъ: сшариковъ болѣ молодыхъ ешъ лѣшъ 80-ши, всѣ работающъ по колокольчику какъ дѣши; спокойшвіе почши на всѣхъ лицахъ, и улыбка полувеселая всшрѣчаешъ посѣшшителя. Всѣ заведенія очень хороши, особенно гдѣ гошовашъ гор-

чицу; хозяинъ съ разумомъ человѣкъ. Всѣхъ въ Сарептѣ съ женскимъ поломъ, считается не болѣе 400 душъ. Я радъ, что система ихъ правленія перемѣнилась, и что нынѣ каждый, елики захочетъ, можетъ выбрать прудъ себѣ, жить особливо и не ходишь за общественный споль. Грустно для человѣчества не выходишь изъ положенія дѣшества и не имѣшь собственности. Горестно видѣшь прекраснѣйшихъ, навсегда осужденныхъ носишь воду, занимаешь черною работою, и ходишь босоногими, а другихъ въ лучшемъ положеніи; конечно нельзя обижаться, ибо жребій опредѣляетъ каждого. Среди городка большой колодезь, откуда проведена вода во всѣ дома; у колодца видишь Калмыковъ, Татаръ, Русскихъ, напоющихъ своихъ лошадей; мы познакомились съ первыми гражданами, одинъ былъ съ Георгіевскимъ крестомъ. Въ общественномъ магазинѣ, какъ сказывали, гораздо менѣе товаровъ прежняго; я купилъ сапоги за десять рублей, за кошорые въ сподицахъ заплашишь вдвое. Въ часъ обѣдали; въ сіе время посѣпилъ насъ Александръ Михайловичъ Мамышевъ, начальникъ караншина; просилъ остановиться въ Асрахани въ занимаемой имъ

квартирѣ; приняли предложеніе его съ благодарностію, шѣмъ болѣе, что онъ увѣрилъ насъ, что Асрахань не шощъ уже городъ, что бывалъ. Выѣхали изъ Сарепты въ три часа съ половиною; дорога шридцать верстъ прегрязная; лѣшь шесть и болѣе не было споль благословеннаго, дождливаго года. Всѣ приносишь мольбы ко Всевышнему. Далѣе дорога — спешь, кое-гдѣ заводишь деревцо, какъ сирота распущее; солнце ярко, печетъ неумолимо; орлы вспрѣчаютъ и провожаютъ, плавають по воздуху десятками; ясребы шожо ошдѣльно лешають ошъ царей-пшиць.

7-го Іюля. Проѣхали много спандій; при перемѣнѣ лошадей, шолько и видишь людей, а шо все спешь и шоска; какое-шо новое чувство горести родилось въ душѣ моей; Волга иногда выказываетъ съ своими прелестями; казакія спаницы чиспы, и казаки молодцы, даже спарики.

8-го Іюля. Казанской Божіей Машери. Ошъ Сарепты до Асрахани почти чешыреста верстъ; вообще можно сказашь, спени, Творцемъ созданныя, лучшая дорога, а прочія песчанья; съ покоренія Асрахани, съ 1554 года, мало или совсѣмъ человѣческая рука ничего не

улучшила, и эшо горе для пушешествія. Съ Лебяжинской станціи, въ хорошую погоду, поѣхали, и сколько я ни уговаривалъ поварища моего, ѣхать по большой дорогѣ, онъ, находя удовольствіе смотрѣть на Волгу, воспоминалъ Прусской Куришгафъ, дорогу Шпрандъ, былъ весель, шушилъ надъ моею прусосышою; я не ошвѣчая, ворчалъ, предвидя опасность, ѣхавши по рухлому песку, берегомъ Волги, съ правой же стороны крушые гористые пески. Разъ я сохдиль съ коляски, и еще удосновѣрился о предсоящей опасности; надо мною продолжалъ шушилъ неустрашимый поварищъ; между шѣмъ, ошъ неоспорожностн ямщика, два валька переломились; придрѣлали другіе; ремень рессорный лопнулъ, перемѣнили; у кибшоокъ два раза вальки ломались, эшого мало; наконецъ, видя пропасть подъ собою, или бышь въ Волгѣ ушопленнымъ, или възжая на крушизну песчаныхъ горъ, лишись руки, ноги и жизни; и шо и другое находилъ бесполезнымъ; почему съ неудовольствіемъ выскочилъ изъ коляски; было уже семь часовъ по полудни, и до Дурновской казачей станціи ошавалось пять верствъ; поварищъ мой послѣдовалъ мнѣ, вырыгнулъ, а за нимъ и егеръ съ козель; кибшкы поѣхали впередъ и на

крушизнѣ ошпановились, переломавъ кое-чшо, а коляска помчалась, и всѣ чешыре лошади увязли до головы въ рухломъ пескѣ; коляска выше спущилъ; въ эшо время, ошъ разныхъ чувствъ, полились слезы у меня; поварищъ былъ въ ужасномъ положеніи; лице его измѣнилось, шолько и слышно — *ахъ, Боже мой! ахъ, Боже мой!* на Французскомъ языкѣ; поваръ и камердинеръ шже восклицали по - Русски, а егеръ по - Нѣмецки; бѣда великая! вынули все изъ коляски на песокъ. Волга волновалась, и какъ бы гошовилась поглотить коляску и лошадей; я, возлегши на песокъ, облокотясь на сафьянную подушку, спалъ чинашь *Памятникъ событій*, бывшій со мною; но чшо происходило въ душѣ моей, шого мудрено описать; мольбы неслись къ Богу; милосердый, не разъ видимо спасавшій насъ во всю дорогу, при дурныхъ мосшахъ, горахъ, паденіяхъ и рвахъ, вырышыхъ по дорогамъ, въ другихъ губерніяхъ, спасъ и шеперь. Камердинеръ Федоръ поѣхалъ верхомъ въ Дурновскую станциу, и — благодаря празднику Казанской Богоматери, казаки были дома, прискакали или лучше сказашъ ихъ нахлынуло болѣе пятидесяти съ Калмыками въ казацкомъ одѣяннѣ; вышацили прежде шрехъ лошадей

ямщики; четвертую съ помощью казаковъ и коляску на себѣ. Мы прошли вершу пѣшкомъ, съѣли и доспигли парома или лодокъ прошивъ Аспрахани; Волга въ семь мѣспѣ не шире вершы; шихо мѣсяць освѣщаль насъ опть Дурновской спаницы, гдѣ дали намъ казака провожаемымъ, а Апаманъ Скворцовъ, на вспрѣчу намъ ѣхавшій, приказаль проводить до мѣста; пробило одиннадцать часовъ; небо звѣздами смопрѣло на насъ и луна свѣшила еще, хопя дымчашья облака изрѣдка носились надъ небосклономъ. Калмыки хорошо перевезли насъ; и мы на берегу Аспрахани; перекрестился; пробило полночь, пемненько, приведи лошадей, поѣхали, и безъ всякаго приключенія оспановились въ квартирѣ Мамышева, освѣщенной восковыми свѣчами, и чиспо; шущъ поварь пригостовиль намъ супъ и яичницу; поѣли и легли спать на хорошихъ диванахъ, прежде принеся Богу благодареніе за спасеніе. Хозяйка дома, Аксинья Христофоровна Горбунова — Арияка.

9-го Юля. Мы еще спали, пріѣзжали Предсѣдатель Паланы, въ должности Губернатора, Полицмейстеръ, и Виць-Губернаторъ; едва оппили кофе, опяшь явились, поговорили, уѣхали. Сынъ хо-

зайки привѣщивоваль насъ именовъ мапушки своей и просиль на завпракъ. Въ полдень, я одинъ вошелъ къ хозяйкѣ, и нашель пріятную, умную, и по-Русски хорошо говорящую женщину, и ешьли бы она сама не сказала чпо ей 53 года, чпо имѣла 18 дѣтей, шо можно не болѣе ей дашь какъ шридцашъ пять лѣтъ: хороша, мила и безъ всякихъ пришираній. Вскорѣ и поварищъ мой молодець явился; Лукулловъ завпракъ приглашалъ къ себѣ: поѣли, благодарили, разсуждали, спорили; хозяйка любезна, мужа не видѣли. Дрожки гошovy Мамышева; однако мы пошли пѣшкомъ и осмопрѣли госпинные дворы: старый, новый Персидскіе, хороши; но не шакъ-шо чиспы; въ каждой лавкѣ кухня; Индѣйской, гдѣ познакомились съ Индѣйскимъ богачемъ, слишкомъ двадцашъ лѣтъ шущъ живущимъ: Собра Бондасовъ, почтенный человекъ и лице предоброе: сидѣли у него, конфекшы ѣли, но нельзя похвалишь нечиспошу кухни и замаранаго повара; спальня, госпиная, споловая и передняя одинъ и шопъ же покой, а подлѣ кухня. Были у Хивинцовъ, гдѣ ужасно нечиспо и по десяти вмѣспѣ спящъ; опть дурнаго запаха мы скоро вышли; шущъ видѣли лежебоковъ, ихъ му-

чениковъ безобразныхъ, прошивныхъ взору, ничего не дѣлають, куряшь кальянъ, ѣдяшь что бросяшь имъ, часно улыбаются, и кажешся за грѣхъ поспавляють умывашься: гадко смошрѣшь! Домой пришли по другой улицѣ и по каналу, успроенному болѣе нежели на двѣ вершпы, соединяющимъ Волгу съ Купомою, Грекомъ Варваціемъ; сей каналъ еспѣ первое и послѣднее украшеніе и гулянье Аспрахани, и Высочайшимъ Указомъ Императора Александра Павловича на всѣ времена названъ Варваціевымъ. Сей же почтенный Грекъ выспроилъ прекрасную колокольню. Аспраханъ не мощена; въ сухую погоду пыль поднимается, какой я никогда не видываль, а въ дожди непроходимая грязь. Армянки ходяшь по улицамъ въ бѣлыхъ покрывалахъ съ головы до ногъ, похожи на привидѣнія или на Веспалокъ псеапральныхъ, спрашны и смѣшны. Я еще не видѣль хорошенькихъ. Полицмейсперь ушверждалъ, что разныхъ народовъ считаешся въ Аспрахани болѣе сорока тысячь обоого пола и семнадцашъ націй. (*) Обѣдали дома; въ семь часовъ,

(*) При семь прилагаю принесенную мнѣ записку Полицмейсперомъ: 1820-го года — въ гурберцкомъ городѣ Аспрахани:

по приглашенію видѣли службу Индѣйцевъ идолопоклонниковъ; насъ ввели въ крошечный садикъ, посадили на лавки, покрышыя коврами; старикъ Собра-Бондасовъ и лѣпообразный племянникъ его подали намъ цвѣтцовъ; чрезъ полчаса, по

2.825,000 Квадрашныхъ сажень земли подъ городомъ.

- 110 Улицъ.
- 3 Часпи.
- 9 Кваршаловъ.
- 21 Каменная церковь.
- 7 Деревянныхъ церквей.
- 5 Монашпрей.
- 1 Пустыня.
- 2 Старообрядскихъ часовень.
- 14 Ташарскихъ мечетей.
- 152 Каменныхъ домовъ.
- 3818 Деревянныхъ домовъ.
- 352 Духовныхъ Россіянъ.
- 2 Духовныхъ Люшеранина.
- 6 Духовныхъ Кашоликовъ.
- 72 Духовныхъ Армянъ.
- 77 Духовныхъ Ташаръ.
- 120 Военно-служащихъ Штабъ- и Оберъ-офицеровъ.
- 443 Статскихъ Штабъ- и Оберъ-офицеровъ.
- 51 Дворянъ.
- 1469 Нижнихъ чиновъ.
- 401 Приказныхъ и опспавныхъ нижнихъ слушителей.
- 14 Присяжныхъ.
- 678 Астраханскихъ купцовъ.

звонку, насъ просили выдти, повели въ преній эшажъ огромнаго каменнаго дома; вошедъ въ маленькой покой, половина коего на поларшина возвышена и покрыта коврами; намъ двумъ подали спуля; мы чинно сѣли, не говоря ни слова и не улыбаясь;

- 59 Иностранныхъ купцовъ.
 4748 Астраханскихъ мѣщанъ.
 119 Иностранныхъ мѣщанъ.
 406 Дворовыхъ помѣщичьихъ крестьянъ.
 336 Астраханскаго уѣзда крестьянъ.
 451 Иногородныхъ крестьянъ.
 2587 Армянъ.
 33 Люшеранъ.
 173 Грузинъ.
 12 Грековъ.
 123 Католиковъ.
 1522 Ташаръ.
 378 Персиянъ.
 58 Индѣйцовъ.
 154 Хивинцовъ.
 60 Трухменцовъ.
 32 Бухарцовъ.
 7 Ташаръ, новокрещенныхъ казеннаго вѣдомства.
 1 Калмыкъ новокрещенный казеннаго вѣдомства.
 172 Ремесленника и ювелира.
 6896 Сходцовъ изъ верховыхъ городовъ.
 25067 Жителей мужеска пола.
 15214 Женска пола.
 14 Трубъ пожарныхъ.

шупъ же спояли у возвышенія Конно-Егерскаго полка Маіоръ Ипаліанецъ Графъ.... и какая - то несносная Француженка, содержательница пансіона, вышедшая здѣсь замужъ и какія-то другія дамы; всѣ онѣ безпрестанно говорили, смѣялись и мечшая, что мы не понимаемъ по - Французски, гуляли на нашъ счетъ, взирая на наши смиренныя лица, и чтобы болѣе досадить, сѣли передъ нами; мы будшо не замѣчая, оподвинулись: тогда одна молоденькая шепнула несносной Француженкѣ, и мы спокойно смотрѣли и слушали службу. Явился жрецъ въ красной шапкѣ или колпакѣ, въ замаранной полстшой рубашкѣ, и въ шакомъ же нижнемъ плашѣ, босоногъ, спалъ къ приспавленному

- 12 Лошадей полицейскихъ.
 12 Чинowników полицейскихъ.
 72 Нижнихъ служителей.
 106,000 р. городского дохода.
 45 Арестанта мужеска пола.
 7 Женщинъ арестантокъ.
 26 Казармъ каменныхъ и деревянныхъ для военныхъ конюшенъ, для кавалеріи и пѣхоты.
 1 Смирительный домъ.
 7 Богоугодныхъ заведеній.
 131 Фабрикъ и заводовъ.
 17 Мостовъ деревянныхъ.
 3 Трактира въ городѣ.
 31 Пищевыхъ домовъ.

къ спѣнѣ, родъ ковчегу спереди опкрышному, наполненному уродливыми мешаллическими идолами, изображающими людей, рыбъ, змѣй и разныхъ гадовъ, засвѣшилъ при маленькія восковыя свѣчи, прилѣпилъ одну къ вершинѣ ковчега и двѣ по бокамъ; взявъ пригощовленную курильницу съ благовоніемъ, при раза обводилъ ковчегъ, родъ шкапа: глубиною, шириною и высокою не болѣе аршина, при же раза пепель изъ курильницы высыпалъ въ посшавленную на полу шарелку; пошомъ взялъ двѣ губки, наполненныя одна масломъ, другая водою, каждую губку обводилъ при раза около ковчега, и каждую при раза же выжималъ въ шу же шарелку; съ лѣвой спороны ковчега свѣщилась лампадка и нѣсколько свѣчь желнаго воска шеплились внупри ковчега передъ уродливыми идолами; на правой споронѣ ковчега, къ пошолоку прикрѣплены при небольшихъ колокола. Неболѣе десяти Индѣйцевъ были при служеніи, всѣ въ шапкахъ и босоноги. Во все время служенія, продолжавшагося съ часъ, священникъ звонилъ лѣвою рукою въ колокольчикъ, а правую обводилъ около ковчега и пѣлъ со всѣми двѣ ношы, слово *Рамъ, Рамъ, Рамъ* (Богъ), шолько мы удержали въ памяти, а прочія слова не

могу вспомнишь; другіе звонили въ родъ каштаньешъ, одинъ не игралъ, а скрипѣлъ на скрипкѣ или гудкѣ шѣ же двѣ ношы, и безъ-успали звонили въ при вышесказанные колокола. Подобной скуки въ жизнь свою не ощущалъ; глаза, уши и обоиніе ужасно спрадали; однако знаки всѣхъ руками крестообразны, и что Жрецъ всегда при раза обводилъ и поклоны земные, дѣлаемые ими при раза какъ будпо увѣряюшь меня, что и Индѣйцы по своему чшущъ шроисшвенное число; но всего проливнѣе показалось мнѣ, что по окончаніи службы, неопришный жрецъ давалъ каждому по маленькому кусочку дыни, изрѣзанной на блюдѣ, посшавленномъ съ правой спороны у ковчега на полу, и пошомъ давалъ запивашъ золу и изъ двухъ губокъ выжашую жидкость. Мы принесли имъ свою благодарность; они были очень довольны и насказали намъ много пришности на Русскомъ языкѣ. На дворѣ уже было шемненько; но мы поѣхали по улицамъ, гдѣ нѣшъ ни одного фонаря и ни одной будки, исключая по каналу пшашъ, шесшъ, посшроенныхъ Варваціемъ. Меня увѣряли, что въ шемныя ночи много бываешъ шалосшей и безпорядковъ, и пошому собакъ вездѣ множештво, и я въ

жизнь свою не слыхалъ сполько собачьяго лаю и вою, сколько здѣсь при въѣздѣ нашемъ и во всѣ дни пребыванія въ Аспрахани. Въ девять часовъ были дома, и передъ ужиномъ въ неопряшной банѣ мылись; помолясь, легли спать. Цѣлыя сушки былъ несстерпимый жаръ.

10-Юля. Въ восемь часовъ встали, и хотя очень жарко, но должны были писаться; были у насъ кое-кто. Съ пяти до семи гуляли; какъ будто въ Африкѣ, зной; въ восемь обѣдали; замѣчательно въ Аспрахани, что лѣтомъ, почти во всѣхъ домахъ окна цѣлыя сушки запершы ставнями, отъ жару, мошекъ, мухъ и комаровъ, и у большей части домовъ, у оконъ снаружи придѣланы желѣзныя рѣшетки; хотя будокъ нѣтъ, но у множества домовъ, коихъ считаешся съ лачужками около чешырехъ тысячъ, стоятъ ночные сѣражи разныхъ націй и перекликающіяся; папрули видны по улицамъ. Всѣ почти дома имѣютъ лавки, даже въ Губернашорскомъ весь нижній этажъ въ лавкахъ; мы всходили на Варваціеву колокольню Собора: виды прекрасны! Легли утомленные рано, но отъ жару долго спать не могли.

11-го Юля. Воскресенье, съ шрехъ часовъ по полуночи, лилъ дождь и при-

билъ пыль; за то спало грязно; въ шесть часовъ встали, и пошоропидись въ крепную церковь къ обѣдни, гдѣ службу совершалъ Архіепископъ Гаію, болѣе восьмидесяти лѣтъ, но еще бодръ и благообразенъ. Послѣ обѣдни почтенный спарець пригласилъ насъ къ себѣ, подчивалъ, но мы благодарил: еще восемь часовъ ушра было; глаголь умнаго свяшаго мужа крошокъ, убѣдителенъ, простъ, ошкровененъ; дай-же Богъ, чтобы всѣ Архіереи пеклись сполько о вѣрѣ, благолѣпіи Церкви и о вѣренномъ спадѣ. Мы у него видѣли портреты всѣхъ Епископовъ и Архіепископовъ, бывшихъ въ Аспрахани: писаны даже хорошо, во весь ростъ безъ уменьшенія природы; по его приказанію, показывали намъ ризницу; досповѣрно могу сказать, что подобной нигдѣ не видѣлъ, по богашеству и множеству. Въ Успенскомъ Соборѣ, Царскія двери кованого серебра много - стоящія, пожертвованы первоспашейнымъ купцомъ Сапожниковымъ, единственно изъ преданности къ Архіепископу Гаію — прекрасны, и вся церковь красива и необыкновенной Архисекшуры; сподвадцать лѣтъ какъ вновь выстроена. Были у Коменданша, Генераль - Маіора, 82-хъ лѣшняго Дельпоцо, котораго я не видѣлъ

около шридцаши лѣтъ: живой спарець, память какъ у молодого, разговоръ быспрый и умный! Были въ Католической церкви, гдѣ много Армянъ и Армянокъ; чинно происходила служба и чинно всѣ внемлюшь, не шакъ какъ въ споллицѣ. Одинадцать часовъ ушра и небо прояснилось, показалось солнце, не шакъ жарко, и улицы со скоростию высыхають. Мы дома: я въ задумчивости пишу; поварищъ мой поже заняшь; въ эшо время, доложась, вошелъ именитый богатѣйшій купецъ Сапожниковъ, въ гарнишуровомъ голубомъ Русскомъ безъ кушака кафшанѣ, съ двумя золотыми медалями на груди, обложенными крупными бриліаншами, росшомъ великъ, сѣдовласъ, съ большою сѣдою жъ бородою, вся наружность привлекательна и значительна, маспериче говоритъ, и тонко судить, довольно начипанъ; но шакъ какъ я обратилъ разговоръ на расколы, онъ съ кротостию защищаль Спарообрядцевъ, никогда не упоминая слово раскольникъ; я ему совѣшоваль прочесть *Камень соблазна*, *Минятія*; онъ съ благодарностию взялъ записку; очень доволенъ былъ мною, когда я опдаваль справедливостъ, хвалилъ жену меньшого его сына, которой онъ еще не видалъ, а я по Пешербургу знаю.

Просиль къ себѣ, и мы разспались. Аспранская рыбная шорговля въ рукахъ нѣсколькихъ богачей; рыба здѣсь, какъ говоряшь, въ рошъ сама идетъ. Гуляли по грязнѣйшимъ улицамъ; жалко смопрѣшь на дачужки, въ шакомъ городѣ, гдѣ бы должно всѣму процвѣшати. Ермоловъ еще не былъ здѣсь: Грузія его занимаешь. Обѣдали въ шрепшемъ часу, много говорили; поварищъ мой не хвалишь меня, что я всѣмъ правду говорю; что дѣлашь? но мнѣ поздно переспашъ испиною руководишься. Въ пять часовъ прибылъ Дельпоцо; разумный спарикъ: чего онъ намъ не рассказываль! Въ шестъ часовъ пришелъ ко мнѣ С. С. Лашкаревъ, хорошій человекъ, что женашъ на Лазаревой племянницѣ, и я оставивъ поварища, пошелъ къ нему, возобновилъ знакомешво съ женою его; познакомился съ дѣвицами Ивановыми, богатыми, умными, любезными, оспрыми; другой разъ по выѣздѣ изъ Пешербурга пилъ чай, шо естъ чрезъ 40 дней! Въ девять дома съ перомъ въ рукахъ — и день кончился.

12-го Юля. Ушро проведено въ писани и гуляньи; съ Лашкаревымъ ѣздили къ Сапожникову; проливной дождь; и мы въ карешъ его поѣхали званые обѣдашь къ Коменданшу Дельпоцо. Спарикъ радъ былъ,

предспавиль насъ своей родственницѣ, шупъ много обѣдало чиновниковъ Аспраханскихъ: разговоръ продолжался, до обѣда начашый о злоупотребленіяхъ по губерніямъ, о чиновникахъ скоро богатыми дѣлающихся, хошя Философскаго камня не нашли; горбашыхъ единая могила исправить! Діогенъ давно сказалъ, что воришковъ ворами называютъ, а воры первосташейные разумниками именуются; и что большіе воры осуждаютъ и ведутъ на казнь воришковъ. Вздохнешь и вспомнишь Анахарсиса, кошорой уподоблялъ Солоновы законы паушинѣ: большая муха прорвещь съшь и пролешипъ, а маленькая запушается и оспаешся на съденіе пауку. — Поблагодаря хозяина за угощеніе, пошелъ къ Лашкареву, гдѣ нѣжный полъ очень любезень: крошокъ и съ хорошимъ воспитаніемъ, особенно двѣ сеспирицы, хозяйки. Дома въ заняшяхъ: гошовимся въ Тифлисъ.

13-го Іюля, въ пять часовъ проснулся; хошѣлъ кончить письма, не удалось; я за перо, а Сапожниковъ съ сыномъ и зящемъ въ дверь; Дельпоцо шакъ же пріѣхаль, шоварищъ мой пробудился, и мы поѣхали на Учугъ Чаганскій, К. А. Б. Кур. на рѣкъ Чаганъ, впадающей въ Волгу; дороги, осо-

бенно въ карешахъ, нѣсколько верспъ нельзя похвалишь; пересѣли въ кашерь большой, рѣка волновалась, не люблю; подняли паруса, кашерь быспро разсѣкалъ волны; гребцы хошя Калмыки, но одинъ другаго молодцовашѣ; пріѣхали на Учуги, позавшракали на берегу, съли ояшь въ кашерь, чтобъ ближе осмошрѣшь ловлю осешровъ и севрюги. Заколы, подобно какъ на Невѣ для ряпушекъ, но крѣпче; болѣе 200 поймали, менѣе часу; лодочекъ было съ пятьдесять, въ каждой по два человекъ, во многихъ женщины, дѣвушки, даже дѣши, и всѣ въ родѣ вуалей, опъ солнца и насѣкомыхъ, въ перчашкахъ; искусно и проворно, ударяють рыбу вынырнувшую, деревяннымъ молошкомъ въ голову, она скроешся и ояшь вынырнешъ, ее багрятъ и шашашъ въ лодку. Признаюсь, предъ прочими охошами, эша мнѣ болѣе понравилась. Весело и пріятно смолрѣшь. Иныя лодочки поймали по семи и болѣе, получаютъ плашы за каждую бѣлугу 2 руб. 55 копѣекъ, за осешра рубль пятьдесять копѣекъ, за севрюгу полшину; при насъ не было лову бѣлугъ: не шо время; въ удовольствіе наше осшановили охошу, и всѣ лодочки причалили къ берегу къ выспроеннымъ анбарамъ; со скороспшо вшацили

ихъ, съ искусствомъ и проворствомъ распластали, опдѣляя икру, клей, вязигу, солили; при насъ паисную икру въ десять минушь пригошовили, и два мѣшка подарили. Справедливо скажу: порядокъ, точность, шишина — соблюдены, что доказываетъ знаніе своего дѣла, сына старшаго Сапожника, который сохраняетъ бороду; но жаль, что въ *стуртукъ*, а не въ Русскомъ кафтанѣ; въ немъ виденъ челоуѣкъ начипанный, имѣешь даръ глагола и машемашическую яснось въ мысляхъ. Обѣдъ, данный Гг. Сапожниковыми, хошь бы въ С. Пешербургѣ въ первѣйшемъ домѣ, по всемъ отношеніямъ; и услуга, и чашшоша опличны. Принеся нашу благодарносшь, поѣхали въ Аспраханъ, куда въ семь часовъ прибыли, кончили свои письма; одѣлись по бальному и въ девять часовъ были уже у Лашкаревыхъ и Ивановыхъ. Тушь было болѣе сорока Армянокъ; почти всѣ хорошенькія, много въ національныхъ плащяхъ, и безъ перчашокъ, и пальцы унизаны бриданшовыми перстнями, что очень не нравилося; головы хорошо убраны; а что всего лучше — у всѣхъ почти глаза огнемъ наполненные, черные, и всѣ малорѣчивы, смѣдливы, что болѣе привлекаешь сердца; танцуютъ

болшею частію прелестно, исключая Армянской пляски, копорой молоденькія не любятъ, монотонна или единообразна и скучна; но ли дѣло наша Русская пляска единая въ мѣрѣ, и всѣ Французскія, Нѣмецкія, Италіянскія, Англійскія и проч. должны преклонить колѣна предъ Русскою, говорящею пляскою! Товарищъ мой танцевалъ безъ устали, и всѣ полюбили его, и вашъ покорный слуга съ первою красавицею, вдовушкой двадцати - лѣтней М. М. урожд. Г., съ премилыми дѣвицами С. М. И., С. Я. Б. и съ другими. Русскія, бывшія тушь, должны были уступить преимуществу въ красотѣ Армянкамъ. Музыканти играли безъ нощъ до чешырехъ часовъ, и очень не дурно. Ужинъ прекрасный, во время котораго, я упробилъ многихъ сняшь перстни и оставилъ старый обычай, носилъ перчашки; кажется, съ благодарносшію приняли мой совѣтъ, и шѣмъ доказали свою крошосшь.

14-го Іюля. — Въ пятомъ часу утра, распросхьясь со всеми бывшими на балъ, поѣхали домой; переодѣвшись, сѣли въ шлюбку, и въ шесть часовъ переѣхавъ Волгу, оставили Аспраханъ. Экипажи перевезены были на паромъ, насъ провожали: Лашкаревъ Сергѣй Сергѣевичъ, Князь Да-

выдѣ Меликшановъ, сынъ гостепріимной хозяйки — Горбуновъ, и другіе, снабдили винами и разными съѣснѣными припасами.

15-го. Въ Кумской станціи, почтовой домъ дурень, конюшень нѣшь, жалко смошрѣшь на лошадей, однако почти всѣ хороши; ѣхали шочно Ливійскими полями или степями: зной солнечный, раскаленный песокъ, и вокругъ, кромѣ обгорѣлой травы, ни чего не видно; въ одиннадцать часовъ на станціи Бѣлое озеро; шолько и видишь людей при перемѣнѣ лошадей, и какую нибудь вспрѣшишь старую женщину; шамъ и сямъ пасушся верблюды. Калмыки и ужасно нечистыя ихъ кибишки обрашили со вздохомъ мое вниманіе. Въ каждой кибишкѣ посреди уголья, и мезишическій воздухъ, съ дымомъ, не пріятень и глазамъ и обонянію, дѣши закопшѣлыя ошъ дѣму и солнца, не похожи на людей, шочно головешки, — дѣвушки и немаленькія, безъ покрова, какъ мать природа произвела на свѣшь; грушно и душѣ больно; я съ ними говорилъ, подходилъ близко, и угсваривалъ жишь въ избахъ; на меня смошрѣли, ни чего не ошвѣчая. Ямщики, не смошря что Калмыки, молодцы. Степь разнообразна и воды — солончаки; мы по гошовой соли ѣхали, ходили, и я

лилъ слезы ошъ благодарныхъ чувствъ къ Богу; какъ все эшо приближаешъ къ истинному почишанію Промысла; шупшь же какъ бы нарочно, для ушщевенія человеческого, лешаюшъ или по солончакамъ *глуно, гордо* гуляюшъ бабы пшшцы, лебеди осанисто, фламаны красиво, гуси и ушки просто; если бы время, сколько сравненій можно написашъ. Всѣ сіи пшшцы не пріступны по дикости своей; лишь взвидяшъ человекъ, ужъ подь облаками, а люди спесивые видяшъ, да не хошяшъ видѣшь себя подобнаго. Въ шешшомъ часу по полудни, ошавили за собою Аспраханскую губернію въ Худоцкой станціи и въѣхали въ Кавказскую. Ошъ С. Пешербурга, родныхъ и любезныхъ далеко, далеко! До сихъ поръ проѣхавъ болѣе штысячи вершъ степями, долженъ признашся, что или за наказаніе, или изъ нужды, или по службѣ, или изъ прямой любви къ ошечешству, можно предприняшъ смоль шрудное шущешствіе; однако если что гошовишь себя бышь полезнымъ ошечешству, особенно родясь на высокой степени, шощъ неоспоримо долженъ знашь свою родину не по Географіямъ, а самому видѣшь, судишь и достигнувъ званія дѣловца Государшвеннаго, извлекашъ пользу изъ каждой губер-

ни; таковой чиновникъ заботился о назначеніи истиннаго счастья соотчичей, о благе великаго Россійскаго народа.

16-го Іюля. — Всю ночь въ дорогѣ, въ шесть часовъ утра на развалившейся станціи Горшкинской, въ девять въ Адхиханской, гдѣ смотритель почты напугалъ насъ о опасности дороги, что вчера къ нему вошли четверо вооруженныхъ Персіанъ, что ходили заколотъ, и что онъ съ Татарами, своими ямщиками, попалъ на злодѣевъ, ошпалъ у одного ружье, которое и показывалъ намъ, а прочіе де разбѣжались; правду сказать, въ степяхъ, горахъ и въ глуши, слыша подобныя разговоры, родящія незабавныя мысли; впрочемъ на меня, не шакъ-то храбраго, никакого вліянія не сдѣлало, а на товарища моего и менѣ того. Богъ даетъ крѣпость душевную и слабымъ духомъ, когда предсшонитъ опасность; мы доѣхали счастливо до станціи Бороздинской. Съ сей станціи въ первой разъ, шестью козаками были сопровождаемы; съ конвоемъ безопасно и даже *веселье*; однако у меня, какое-то новое чувство родилось, въ опечесивъ своемъ — и не быль безъ страха! Что дѣлать, сосѣди дикари неутомимые: Чеченцы, Персіане, Кабардинцы, Лезгинцы и

другіе. Переѣхали на паромѣхъ двѣ рѣки Прорву и Борозду, впадающихъ въ Терекъ. Въ четвертомъ часу по полудни, при множествѣ провожатыхъ, въѣхали въ Кизляръ; остановились въ домѣ богатшаго Армянина Ломизова, по письму С. С. Лашкарева, которому онъ родственникъ; жарко и въпрено, дорога не слишкомъ хороша, особенно одна яма, лошади по морду въ грязи; по моей просьбѣ, въ два часа зарыли яму, и благословенія неслись на главу мою, особенно бѣдниками. Кизляръ городъ деревянный, садовъ виноградныхъ много; завтра напишу болѣе; только что ошбѣдали въ семь часовъ и кинулись на солону, крайне ушомленные отъ дороги и жару.

17-го Іюля. Вчера осмошрѣли все; жителей мужескаго пола около 4000; Армянъ 2500, Грузиновъ болѣе 400, Русскихъ 41 человекъ, есть еще разныя пришельцы. Церкви изрядныя, а Соборная Армянская — недоконченная, дорогá и будетъ хороша; смѣна положена болѣе шрехъ-сотъ тысячъ рублей, и большая часть денегъ нашего гостепрімнаго-хозяина Ломизова, который, по наружному одѣянію своему, не общаетъ своего богатства, чуждъ свѣскихъ учтивостей. Осмашривая крѣпость,

взглянуть на арестанщювъ закованныхъ, присланныхъ Ермоловымъ; двое изъ оныхъ шакъ ужасно посмопрѣли на меня, казалось, что кинжалъ убійственнѣй въ груди моей. Комендантъ имѣеть обширныя виноградныя сады; Городничій Швецовъ очень хорошій молодой человекъ, былъ и шаможеннѣй начальникъ. Въ семь часовъ ушра сопровождаемыя шестью козаками выѣхали изъ Кизляра. Богъ вселилъ покой въ душу мою; шесть станцій до Наура, болѣе 150 верстъ, по палящимъ степямъ; шакого жару не ощущалъ никогда; ѣли два раза подъ огненнымъ солнцемъ на знойномъ пескѣ. Вода вездѣ дурная; въ послѣдней станціи домики, а въ пяши предъидущихъ небо и песокъ. На послѣднюю прѣехали въ десять часовъ вечера, очень было темно; шущъ совѣшовали не ѣхать и что ни кшо не ѣздишь хошя и съ конвоемъ; и мнѣ не хотѣлось, но поварищъ мой убѣдилъ меня, и шѣмъ болѣе я рѣшился, что ямщики Ташары пугали, а Русскіе, смѣясь намъ ними, опасности не предвидѣли; перекрестясь усердно, поѣхали, однако конвой былъ увеличенъ. Опасностей конечно много, но — должно Рускому дворянщюву имѣть понятіе обо всемъ, что въ послѣдствіи умѣешь разсуждать.

18-го Іюля. Въ часъ по полуночи прѣехали въ Науръ, ошановились въ казенномъ домѣ, поѣли супу и легли спать на матрасахъ, принадлежащихъ къварширующему шущъ Подполковнику Петрову, Командиру Моздокскаго козачьяго полка; въ сіе время онъ былъ съ женою на Кислыхъ водахъ. Въ восемь часовъ были уже одѣшы, и насъ посѣщилъ Подполковникъ Поповъ, Командиръ 19-го Егерскаго полка и Комендантъ Наурскій. Когда, по его желанію, вручилъ я ему записку о себѣ, онъ съ радостнымъ лицомъ привѣтствовалъ меня и между прочимъ говорилъ: „я васъ знаю, вы истиннѣйшій патриотъ, я ваши шруды съ удольствиемъ чинилъ, чиняю и буду чинить; вы вашимъ перомъ воспламеняете любить ошечество и Государя своего.“ Я красивъ; но пріятнѣе было слышать похвалы на линіи, нежели въ С. Пешербургѣ. Тамъ у насъ мода дѣйствуетъ на все и на умы, знанія и даже на поведеніе; здѣсь болшею частію правдою руководшюуются — и ложь мало извѣстна. Церковь одна, жишелей 1500. Въ одиннадцатомъ часу, поблагодаря за ночлегъ, пушпились далѣе и пробѣжавъ быспро съ молодцами, Моздокскими козаками 57 верстъ, при благопріятной погодѣ дошпигли давно желаемаго Моздока, и что жъ

увидѣли? Деревянные домики, мазанки, почти всѣ соломою крытые, семь церквей очень небогатыхъ. Комендантъ Кошыревъ большой поставилъ намъ караулъ, что было и въ Наурѣ. Мы пошли по городу, доходили до Терека, быспрѣйшей и прешумной рѣки; въ семь часовъ обѣдали хорошо, въ домѣ Ерловой. Купивъ соломы дорогою цѣною, ходили еще по городу; мало встрѣчали, а женщины ни одной; многія изъ нихъ выглядывали изъ домиковъ своихъ; но лишь взглянувъ, потчасъ скроются. Большая часть мужчинъ поѣхали на Макарьевскую ярманку, а потому жены ихъ, машери и дочери сидятъ или дома или въ своихъ садикахъ, и единообразно проводятъ время. Въ десятомъ часу мы легли спать.

19-го Юля. Понедѣльникъ. Комендантъ Кошыревъ говорилъ, что, безъ военныхъ, 7000 жителей въ Моздокъ, Армянь болѣе всего, а Россіянь менѣе; шумъ живутъ Осетинцы, Грузинцы, Кабардинцы, Чеченцы и Кашолики - Армяне. Чеченцы нынѣ такъ усмирены почтеннымъ Ермоловымъ, что нанимаются возить хлѣбъ Рускимъ опсюда въ Тифлисъ и на линію, но всегда спрашно вооружены, и всегда провожатъ ихъ какъ дѣшей, чтобы не нашали-

ли дорогою, команда, хорошо вооруженная, съ пушками и съ зажженнымъ фитилемъ. Прибавивъ должно, что мы ѣхали опять злодѣвъ Чеченцовъ, они бо до 20 верстъ близости, но ничего не случилось. Дорога опять Наура до Моздока хоть шаромъ покаши; слѣва видны въ дали горы, и извивистый Терекъ, ешь деревья и множество дикихъ розъ, съ правой степь, обработанная же степь къ Тереку.

Сего дня всалъ въ пять часовъ, написалъ свой журналъ, въ восемь пили кофе, потомъ сълъ подгорюнившись у окна: много идей пробѣжало въ головѣ моей, слезы нечувствительно выкашились, а все опять того, что нынѣ въшей изъ снотлицы, что не вѣдаю о здоровѣ родившей меня, и о близкихъ сердцу моему. Желая разсѣять себя, взялъ читать какое-то вздорное путешествіе по Крыму, безымяннаго Француза. Въ часъ съли обѣдать; Моздокское вино даже хорошо; жары и усналось ошнати позывъ къ ѣдѣ, при дни ѣль — чтобы ѣсть, безъ всякаго желанія, сего дня какъ здоровый. Моздокскій нѣжный полъ, подобно Аспраханскимъ дамамъ, завернушы съ головы до ногъ въ бѣлыя простыни. Нашу хозяйку Ерлову наконецъ увидѣлъ въ саду запущенномъ; на мой по-

клонъ опвѣчала поклономъ, краснѣя; на мои привѣпливыя слова опвѣща не было, повшорился шолько поклонъ, и дѣвушка ея шоже, но съ грубосцію и ни какой услуги не хошѣла оказашь; хорошо, что у насъ все нужное съ собою, а што бѣда; шולי дѣло въ другихъ городахъ, шакъ и ухаживаютъ. Нездоровый Комендантъ Кошывревъ увѣдомилъ лично насъ, что завтра мы можемъ пушцихся къ Тифлису, что онъ уже свои распоряженія сдѣлалъ, насъ будущъ провожатъ около спа человекъ пѣшихъ соддатъ, съ одною пушкою, и шесть козаковъ, самое сеншменшальное, шрогапельное пушешествіе! Уложились, въ девяшомъ часу предались покою.

20-го Юля. Дождь, сыро, въ пяшь часовъ вспади, въ семь выѣхали; до Тереканяшь вершъ, — предурная дорога, новая дѣлаешся, въ два года будешъ гошова и прямѣ; въ девяшь съ половиною, въ чешыре приема, на дурномъ паромѣ переѣхали; каждого ужась обнимешъ, видя нѣсколько сошенъ вооруженныхъ полунагихъ, съ звѣрскими лицами, загорѣлыхъ, брадашыхъ Лезгинцевъ, Осешинцевъ, Кабардинцевъ, Киргизъ-Кайсаковъ, Нагайцевъ, Тапшаръ и другихъ; но мой ужась еще болѣе увеличился, когда меня окружили нѣсколько десяпокъ изъ

оныхъ, и чрезъ переводчика, просили приказашь заплашишь имъ недоплаченное за перевозку хлѣба; справедливая, или нѣшъ, была ихъ просьба, не знаю; но я, чтошобъ опвизашься опъ спрашидишь, обѣщаль всѣ желанія ихъ исполнишь, и чтошобъ далѣ опъ себя опвлечъ, указаль на молодого по опдалъ споящаго, лѣпообразнаго моего шоварища; они, увидя на немъ звѣзду и креспы, ошавили меня и обрашались къ нему съ шюю же просьбою; и онъ имъ все посулилъ; они ошпались довольны; между шѣмъ, мы спояли на берегу и съ изумленіемъ смошрѣли, какъ сіи дикари гоняли быковъ изъ Моздока чрезъ Терекъ. Одна часъ гонилъ быковъ по Моздокскому берегу, противъ шеченія; и вдругъ съ быками бросаюшся въ Терекъ, кошорая быспрошою своею спремщищ ихъ по шеченію; шогда, видишь безспрашиє сихъ нагихъ спрашидишь, шо на быкахъ, шо схвашься за рога, крушишя вмѣшѣ въ водѣ; другіе въ это время нагіе же кидаютъ съ берега шриво-лежащаго, гдѣ мы спояли, и помогаюшъ шѣмъ извлечъ быковъ изъ рѣки; мудрено описашъ эту каршину, шакъ она необыкновенна; кажешся, видишь Американцовъ въ самой дикосши своей. Жаль, что единшвенный

Державинъ скончался: только ему, его великому дару можно бы, въ стихахъ высокихъ, начертать Терекъ, и дать выпрежнему своему разуму пиншическую пищу. Нынѣ только и пишушь нищенскія Баллады, посланія, пѣсенки и подобныя бездѣлки. Одинъ Мерзляковъ Поэзією занимается, а Каченовскій учишь какъ писать прозу, и судишь какъ Бошпннъ.

Коль скоро наши экипажи, были перевезены, мы съѣли у редуша Александровскаго, недалеко отъ берега построеннаго; шупъ Комендантъ Гильденгофъ. Ошъ сего укрѣпленія до редуша Констаншиновскаго 33 версты. Половина дороги гориста и не слишкомъ лѣсиста; малая Кабарда; провожавшій насъ живой офицеръ Никановичъ; говорилъ, что въ лѣсахъ водятся кабаны вѣсомъ въ двѣнадцать пудъ, козы, олени, зайцы, много разнообразныхъ птицъ; но мы видѣли только дикихъ козъ, красиво прыгавшихъ и красивыхъ фазановъ. Есть также и другіе звѣри; но злѣ всѣхъ Лезгинцы. Проѣхавъ двѣнадцать верстъ, между горъ, въ ущельѣ, на сырой правѣ, у колодца, выкопаннаго Генераломъ Дельпоцомъ, обѣдали холодное, вмѣстѣ съ офицеромъ, и солдаты шоже дѣлали; а козаки на горахъ фланкерами. Въ началѣ сего го-

да, въ этомъ ущельи, на возвращающуюся изъ Тифлиса почту, въ числѣ двѣнадцати человекъ козаковъ съ уншеромъ, напали было нѣсколько десятковъ Лезгинцевъ. Горы зеленыя зрѣнію приятны, черноземъ вездѣ, и ежели бы Лезгинцы воздѣлывали землю, не имѣли бы времени убійствомъ и грабежемъ заниматься, нынѣ смирибѣ спали: имя Ермолова спрашивъ ихъ, онъ не шущишь, а смерти предаешь злодѣевъ. Въ семь часовъ по полудни вѣхали въ Констаншиновской редушь, гдѣ Комендантъ Капишанъ Тимошевскій, молодець и очень мнѣ понравился своимъ образомъ мыслей. Поваръ приготовилъ намъ ужинъ, и мы послѣ онаго въ казармѣ нѣсененькой легли на сѣно, и крѣпко заснули; давно я такъ не усавалъ; 33 версты мы ѣхали въ коляскѣ, верхомъ и шли, всего времени десяти часовъ.

21-го Іюля. Вспавъ въ шесть часовъ, хотя дождливо было и грязно, но я осмотрѣлъ редушь; нельзя сказать, чтобъ укрѣпленіе было слишкомъ хорошо, и казармы величавы; шупъ стоятъ двѣ роты и въ амбразурахъ, на платформахъ, чешыре пушки; здѣсь живушь по необходимости какъ пустынники и вѣчно въ шрудахъ; вошь шаковая служба — почно

служба и заслуживаешь уваженіе и награды: всякой день держи ухо оспро, и всякой день думай драшься.

Въ 8-мь часовъ упра выѣхали, при той же необходимой церемоніи: спю человекъ пѣхопы съ заряженными ружьями, двѣнадцать козаковъ и пушка. Вчера едва доѣхали на дурійшихъ, некормленныхъ лошадахъ, данныхъ намъ за деньги въ Моздокъ. Сего дня на славнѣйшихъ, едва въ часъ и 25 минушь переѣхали семиверштовую крушую гору, (цѣпь сихъ горъ, большая Кабарда): шрудность переѣзда умножилася опъ шрехъ-дневныхъ дождей, ужасно спало грязно; почтенные солдаты почти на плечахъ вывезли коляску; въ бояхъ, шрудахъ — всегда молодцы. Порупчикъ провожавшій насъ, Серро, родомъ Грекъ, очень порядочень; жаль чшо не говорить по Гречески. Оспая гору за собою, шѣлохранишели наши опдыхали и ѣли, и мы шже дѣлали. Гора, копорую мы проѣхали, черноземъ, съ обѣихъ споронъ покрыша лѣсомъ; дорога сажени полшоры шириною, и уже въ нѣкопорыхъ мѣсшахъ, солнечные лучи мало доходяшь, а пошому не скоро высыхаешь гора; однако ешь красивые виды, орѣшникъ, дикія розы, липа, дубъ. На восьмой верспъ соединяюшя

горы; шущь-шо было, по словамъ Серро, нѣсколько нападений на козаковъ. Съ сего мѣсша дорога до Елисаветинскаго редуша почти хороша, но все-таки горы, между ними ешь и долины; по горамъ съ обѣихъ споронъ ѣхали фланкеры, по шри козака. Вспрѣшили почти изъ Елисаветинскаго редуша 15 козаковъ и 15 пѣшихъ: шакое распоряженіе сдѣлано послѣ выше-сказаннаго нападенія. У самаго редуша проѣхали мостъ чрезъ рѣчку Камбелейку; шущь на поляхъ, косяшь солдаты и козаки вооруженные, не смощря чшо живущь мирные Осепинцы — но все злодѣи. Съ правой спороны не оставляюшь путешешвенника горы большой Кабарды; слѣва опшого. Въ шри часа по полудни пріѣхали въ Елисаветинскій редушь, гдѣ Коменданшь Маіоръ Успиновъ. 28 верспъ ѣхали въ коляскѣ, верхомъ и шли, всего времени семь часовъ: ешь время наговорить, надумашься и наглядѣшься. Въ низенькой казармѣ съ малѣйшими окнами, шолько чшо расположились обѣдаться, пріѣхаль изъ Индіи и Персіи, чрезъ Тифлисъ, Англійской Гусарской двадцати-двухъ лѣшній Капишанъ Иванъ Ло; послѣ пяши словъ опъ шоварица моего на Англійскомъ языкѣ, съ видимою радостію сѣлъ за нашъ столъ, все хвала, ѣлъ

въ объ щеки, увѣряя, что при себѣ, кромѣ чаю, ничего не имѣешь, и что давно шакъ хорошо не объдалъ; выпилъ къ горести нашей цѣлую бутылку мадеры: это не шушка въ дорогѣ и на Кавказской линіи; при немъ какой-то смысленый переводчикъ, Жидъ или Нѣмецъ, не знаю; молодой Иванъ Ло говорилъ о себѣ, что хотѣлъ; будио рисуешь, будио пишешь свой журналъ; я послѣ объда по Французски увѣрялъ его, что онъ ни чего не пишешь: ибо не спросилъ даже — у кого онъ имѣлъ честь объдашь, и насильно далъ ему записку о шоварищѣ моемъ и о себѣ. Вошь шакъ-то ѣдаясь иностранцы по Россіи, и пошомъ выдаюшь огромные свои журналы. Горенамъ! — Въ десяти верстахъ отъ сего редуша живушь крещенные Осепишцы въ аулахъ своихъ, хуже нашихъ презамаранныхъ избъ. Въ 8 часовъ мы легли спать, дождь лилъ, грязно, и что за прилиносшь гуляшь въ редушѣ спѣсненномъ; я однако успѣлъ бышь у Коменданша Успинова: пилъ чай, и познакомиши съ его сестрою; се одна дама, которую видѣлъ, ошавя Моздокъ.

22-го Юля. Въ шеснь часовъ утра, уже были мы готовы, оппили и кофе, Иванъ Ло, Англичанинъ, шушь какъ шушь;

проспились, семь часовъ пробило, съ шюю же церемонією опсправились: дорога хороша; проѣхавъ верхомъ и прошедъ 16 верспь, оспальные восемь, въ опкрышой коляскѣ, съ козаками шолько рысью поѣхали въ Владикавказъ, куда прибыли въ часъ по полудни. Провожавшій насъ Шшабсъ-Капитанъ Токаревъ, препорядочный молодой человекъ. Дорогою справа Кавказскія горы, снѣжныя, при шучныхъ облакахъ, мало были видны. Вышедъ изъ коляски, прямо пошли къ Владикавказскому Коменданшу, Полковнику Николаю Пешровичу Скворцову, человеку хорошему, опличному, крошккому и дѣло свое исправно выполняющему: шакъ о немъ всѣ говоряшь, и всѣ хваляшь. Послѣ привѣщевшій, просилъ объдашь; мы съ удовольствіемъ оспались. Явилась супруга гостепримнаго Скворцова, Марья Ивановна, дочь покойнаго Генераль-Майора Ушакова, двадцати одного года, съ чешырьми дѣшьями: прекрасна собою и самаго любезнаго, умнаго обращенія; машь ея, дѣшь сорока, привѣплива и пріяшна; объдь хорошь, и видно шоже; въ пяшь часовъ мы были въ чисномъ домѣ; распорядились, оспавивъ коляску и кибишку большую здѣсь; а самимъ съ егеремъ и поваромъ, при одной кибишкѣ, ѣхашъ въ Тифлисъ верхомъ; горько мнѣ

было такое учрежденіе, но нечего было дѣлать; должно повиноваться обстоятельству. Въ седьмомъ часу, мы опять пошли къ Коменданшу, поговорили и о томъ и о другомъ, пили чай; повариха вскорѣ опсправилась спать, а я упрощенный остался ужинать, и чрезвычайно былъ доволенъ бесѣдою нѣжнаго пола; въ одиннадцатомъ часовъ былъ у себя, написалъ журналъ, почистилъ и предалъ себя, послѣ молитвы, сладкому успокоенію.

23-го Іюля. Ночь ливнемъ лилъ дождь и утро поже; въ шесть часовъ мы были гошovy, а выѣхали въ десятомъ; дождь пересталъ; грязь ужасная; безъ пушки, только тридцать пѣшихъ солдатъ и шесть козаковъ провожали до редута *Новинки*, который занимаетъ офицеръ съ сорока рядовыми для охраненія дороги; шесть верстъ показали мнѣ шестидесятью; дорога гладка, съ лѣва шумитъ Терекъ, вдали со всѣхъ сторонъ горы, и видѣнъ снѣжный и ледяной Казбекъ. Еще шесть верстъ и мы въ слободѣ и крѣпости *Балтъ*; несносная дорога! хотя и красива природа, ни въ чемъ нельзя приятно проѣхать; я, по пѣшкомъ, по верхомъ, по въ кибишкѣ, — ужасъ худо, безъ вины спраждешъ, а въ хорошемъ экипажѣ жаль. Передъ *Балтою* горы лѣси-

сты, Терекъ шумитъ и долина прошивулежащая прелестна. Редущь *Гайдукино* или Максимовка, восемь верстъ, несперпимая дорога, каменистая и *прерывающа*; еще шесть верстъ до крѣпости *Ларси*; вообще двадцать четыре версты, горы обнаженные; каменные, высокою ошъ прехъ-сошъ сажень до версты и болѣе, по крайней мѣрѣ мнѣ такъ казались; ѣхали по подошвѣ оныхъ я пѣшкомъ, и нѣсколько разъ верхомъ; спрашно и шрудно; съ права ужасъ навондять горы, съ навислыми выступами и съ торчащими по бокамъ большими деревьями, кажешся опшоргнулся и размозжашъ путешественника; съ лѣва не перескаешъ шумитъ Терекъ, капаетъ большіе каменья, какъ камешки; дорога шириною ошъ двухъ сажень и въ половину менѣе; съ права какъ сказалъ раздавшъ шебя горы, съ лѣва оштуясь полешпишъ въ Терекъ. Въ шестомъ часу по полудни добрались съ большимъ шрудомъ до *Ларси*; я ужасно упомился, ошъ пѣшеходства и верховой ѣзды, въ сорокъ пять лѣшъ, и не мудрено; дай Богъ каждому выдержашъ несносный жаръ, и вдругъ, взойдя на горы, пронцашельный холодъ; въ грязи, въ водѣ, и весь промоченъ насквозь ошъ дождя и высушенъ ошъ прямыхъ лучей солнечныхъ; благодарности

Богу! я здоровъ, какъ молодой. На пушки къ Ларси, спрашно и пріятно проходишь или проѣзжаешь, по крушому берегу сердшаго Терека; въ двухъ мѣсахъ, на нѣсколько сажень, сдѣлана дорога въ горы, взрывомъ пороха: высока, широка и ужасна; надъ побою висятъ двѣ громады ужасающей скалы, высунувшейся опъ родившей ее горы, если критика позволишь шакъ сказать. — Въ крѣпостцѣ Ларси Капитанъ и Комендантъ съ женою и шремя дѣшми, уступаль намъ въ сажень квадратную комнату: благодарили, не желая стѣсненнаго; мы избрали для своего ночлега казарму; въ дорогѣ все перенесешь, и Богъ даешь здравіе. Душею жаль офицеровъ, кошорые прямо служатъ, ежечасно въ опасностяхъ, не вкушая никакихъ пріятностей жизни; однако веселы и съ мужествомъ довольны. Смѣйтесь, крипики, а я опять повшорю, что дорога по подошвѣ цѣпи Кавказскихъ горъ, узка, гориспа, и большею частію дурна. Конечно горы плѣнительны дикостію и разнообразіемъ; но ештли бы все сіе не сопряжено было съ такою опасностію и безпокойствомъ; Казбекъ видѣнь, но мы не доѣзжали до него. Въ жизни разъ можно жер-

шву сію сдѣлаешь по охотѣ, и шо мущинамъ, служба другое дѣло, куда пошлешь, вездѣ хорошо. Присяга съ благородною душею все переносятъ, съ швердоснію и безъ ропоша; шакими мужами гордишься древностъ; шаковы почти все Русскіе, особенно гошовающиеся въ военное поприще; шаковыхъ я знаю нынѣ живущихъ, кои гошовы, по велѣнію Государя своего, лешьш на край Свѣша, для блага своего опечесства. Кто осмѣлился не почишашъ истинныхъ военныхъ людей?

Въ Ларси съѣхалось много чиновниковъ изъ Тифлиса и Владикавказа съ разными порученіями; познакомился съ двумя Греками, одинъ Сулшанинъ, другой Геракопуло, молодцы. Крѣпостца вышпроена въ Тагаурскомъ ущельѣ, красиво и дико; — въ сорока саженьхъ глубины, аулъ крещенныхъ Осешинцевъ; я было пошелъ къ нимъ, но солдаты опсовѣшовали, прибавя, что они не любяшь новыхъ лицъ, можешь случишься и бѣда. Осешинки все почти прекрасны, не смолпя, что обгорѣли, и въ изорванномъ одѣяніи; лица ихъ правильны и глаза выразишельны.

Въ избранную нами казарму съ крошечными безъ стеколь окнами, съ землянымъ поломъ, купили сѣна и соломы; по-

сплали себѣ постели и кончивъ обѣдъ и ужинъ въ семь часовъ, въ восемь легли по-чивашъ; дождь идешь.

24-го Юля. Ночь, на сіе число, проведи въ мученіяхъ; миллионы насѣкомыхъ перзали насъ, особенно черные прыгуны; однако мы крѣпко опъ уснули заснули, предавъ себя на съденіе; безъ всякаго прибавленія, проснувшись въ шесть часовъ, спалъ одѣвашъ, увидѣлъ себя безъ сапоговъ, въ сапогахъ: щеликое-то множество черныхъ прыгуновъ! Нечего дѣлать, одѣлись, и вышли на чистый воздухъ; солнце освѣщало окружности вельдѣно. Вчера опъ того не доѣхали до Дарьяла, что громушумящій, быспрошечный Терекъ, силою своею оторвалъ часть дороги сажени на три; остались на отпоргнутомъ мѣстѣ гора и Терекъ.

Въ семь часовъ упра, товарищъ мой, желая удостовѣриться, поѣхалъ къ Дарьялу; при насъ Терекъ, съ ужаснымъ шумомъ, оторвалъ еще дороги на двадцать и болѣе сажень. Первую, какъ утверждалъ офицеръ, бывшій у меня кадетомъ, можно дни въ четыре поправить, при двухъ-скахъ рабочихъ, вторую и въ мѣсяцъ му-дрено. И такъ наше желаніе бытъ въ Тифлисъ не выполнилось; признаю, для ме-

ня и вышеписанныхъ шрудностей довольно; въ Тифлисъ я только и хопѣлъ видѣшь Ермолова и Мишрополиша Теофилак-та; перваго зналъ кадетомъ, вшораго и свѣшскимъ и Архіепископомъ; а впрочемъ, по словамъ многихъ, Тифлисъ мало имѣешь достопамятностей. Когда товарищъ мой опъѣхалъ осмошрѣшь дорогу, я опсавался въ крѣпости, окруженный горами, врагами и смершелною скукою; два часа показались мнѣ недѣлею. Явился товарищъ мой, мы поѣхали, и въ четыре часа по полудни возвратились въ Владикавказъ, по прежней дорогѣ; въ пять часовъ, по милости Коменданша Скворцова, были въ банѣ, отдохнули, и съ аппешимомъ обѣдали и ужинали въ одно время, у него же; всѣ рады были намъ, какъ роднымъ; нѣшь словъ благодарить за всѣ попеченія!

25-го Юля. Воскресенье; день для души моей пріятный: рожденіе одной особы, копорая соединяетъ въ себѣ качества, достойныя подражанія (*). Угодно было насъ посѣшить нѣкоторымъ начальникамъ Осепинцевъ и Кабардинцевъ, по словамъ ихъ совершенно преданнымъ Россіи. Были у обѣдни, гдѣ Священникъ, уроженецъ Перм-

(*) Нанѣ она, за свои добродѣтели, ликуетъ съ Несозданнымъ.

скій, хорошо служилъ. Завтракъ у Коменданша; при благопріятной погодѣ гуляли въ саду его: не дурень и огромень. Обѣдали у него же; подлѣ меня сидѣла Капишана Шабешева жена: очень мила и молода; онъ скромной офицеръ. Съ шести часовъ до восьми, въ саду, пили чай, ѣли фрукшы, роговая музыка для слуха была пріятна; рога сдѣланы изъ карпузной бумаги, выкрашеной подѣ цвѣтъ мѣди. Если бы не сказали и я не оцупалъ, никогда бы не повѣрилъ сей выдумкѣ; — нужда научишь калачи ѣсть. Я зашѣлялъ, рады были всѣ, пустились въ танцы, только три дамы и сполько же кавалеровъ; нѣжный полъ въ сихъ краяхъ рѣдокъ; что всего пріятнѣе и необыкновенно, подѣ большими, многолиственными перенковыми деревьями происходили наши вальсы, экосесы и кадрили. Дамы, Скворцова, Шабешева и дѣвица Кашыгова, дочь Подполковника, здѣсь служащаго, всѣ три молоды, хороши и танцовашъ масперницы. Довольныя разошлись. — Послѣ одного супу у себя, предался власни Морфея.

26-го Юля. Мы были у многихъ, проспились; ранѣе обыкновеннаго угостилъ насъ послѣднимъ обѣдомъ Коменданшъ; всѣ пожелали намъ счастливаго пуши. Въ два

часа по полудни были уже мы въ Елисаветинскомъ редушѣ; ошъ нечего дѣлать, писалъ много писемъ. Погода хороша, наши сушки кончились въ 8 часовъ.

27-го Юля. До Комендантинова редуша, по пѣшкомъ, по верхомъ, по въ коляскѣ, — жарко, и я ушомился; въ восемь часовъ день насъ оставилъ.

28-го Юля. Худо спалъ, насѣкомые превожили; въ чешыре часа вспали, въ шестомъ выѣхали, съ двумя спами быковъ, и сно фуръ, при большомъ конвоѣ; офицеръ второй Сорре; въ пятнадцати верстахъ, въ девятомъ часу у Колдца зашпиркали; погода прекрасная. Два Англичанина изъ Индіи, и Персіи, чрезъ Тифлисъ, присоединились къ намъ. Одинъ лѣтъ шестидесяти Ламзель — Професоръ Воспочныхъ языковъ, какъ онъ увѣрялъ, шакъ худъ, шакъ худъ, что худощавѣе *извѣстнаго С. Петербурскаго жителя*; другой и великъ собою и въ шесть разъ толще своего товарища, Капишанъ Аршмольдъ; мы пригласили сихъ богачей покушашъ; они съ удовольствіемъ согласились. Надобно справедливостъ опдаць обоимъ: масшера поѣсть, особенно худой; цыплята жареные мигомъ исчезали, а каршофель и Англійскій сыръ, при хорошей мадерѣ, при-

водилъ ихъ въ воспоргъ. Мнѣ жаль было карнофелю, во-первыхъ: что Коменданшица Сквордова подарила мнѣ, а во вторыхъ: что нигдѣ достать нельзя; офицеры, и по мало, съюсть для своего обиходу.

Во второмъ часу переѣхали Терекъ; сего дня не былъ онъ сердитъ, шумъ мелодическій, и картина вообще была мягче; дикарей не видѣли. Остановясь на Моздокскомъ берегу, послали карантинному смотрителю Капитану Виникову сказать о нашемъ прѣздѣ, и нельзя ли миновать карантина; прѣхалъ чиновникъ и повезъ насъ въ карантинъ, пять верстъ отъ Терека; на дворъ при часа, солнце палишь. Насъ приняли учтиво, но говорили въ сажень разстоянія и далѣе, какъ съ чумными; особенно Шшабъ-Лекаръ, которому я представлялъ, что мы въ Тифлисъ не были, и слѣдственно чумою не заражены, да и шамъ оной нѣтъ; онъ отвѣчалъ, что насъ нельзя прежде четырехъ сутокъ выпустить: вы были за Терекомъ, сего и довольно, чтобы посидѣть въ карантинѣ. Цицеромъ, Демосенъ и Ломоносовъ напрасно бы употребили свое краснорѣчіе. Здѣсь въ карантинѣ все берутъ отъ насъ щипцами; порядокъ, чистота, учтивость похвальная; однако всѣ вещи взяты, сундуки

открыли и при насъ заперли въ особую избу, безъ оконъ, оставили намъ плащъ и на чемъ спать, и съѣстное. Шшабъ-Лекаръ среди сей темной избы, поставилъ при горшка глиняные съ *Acide muriatique oxigéne*, подъ горшки уголь; коль скоро кислый газъ началъ раздаваться, заперли двери, приложены двѣ печати, наша и Капитанская, и поставленъ часовой. Мы пошли въ назначенные намъ покои, отъ Терека во сна саженьяхъ. Покои похуже Владикавказскихъ, однако изрядны и чистеньки. Кухня весьма дурна, ибо надо стоя на колѣняхъ готовить; видно, что мало съ поваромъ ѣдятъ. Въ семь часовъ обѣдали и ужинали, въ девять уже покоились. Англичанамъ, богачамъ скупымъ, подшному и худощавому, доходилъ запахъ отъ четырехъ блюдъ нашихъ; мы боялись смотрѣть на нихъ: того и гляди, что пожалуютъ; они подъ крышею, на чистомъ воздухѣ, занимались молокомъ и хлѣбомъ, изрѣдка поглядывали на насъ, мы — будто не видимъ. Скупость непомѣрная и непрощительная; за то съ нихъ и за молоко взяли въ три-дорога. Слуга, нанятый ими, Армянинъ, какъ угорѣлая кошка, въ посылкахъ, то туда, то сюда, и бричка не важная: горько видѣть скупыхъ;

это недоспашокъ, заслуживающій презрѣнія.

29-го Юля. Погода чрезвычайно хороша; встали въ семь часовъ, оставались въ необходимомъ одѣяніи, прочее взяли окуришь; чрезъ три часа принесли намъ окурненное плашье, которое надѣли, хотя оно было непріятнаго запаха; снятое съ насъ понесли напоишь газомъ; служащимъ намъ, надѣли балахоны и колпаки окуренные: смѣшной нарядъ! Очень скучно сидѣшь въ караншинѣ; ша только выгода, что будешь имѣшь маленькое понятіе о шюрмѣ; изъ порядка не должно ни кому выходить. Сушки показались недѣлю, хотя мы читали, писали, говорили, обѣдали, купались въ Терекъ. Купцы съ товарами сорокъ дней выдерживають караншинъ: сія оспо-рожность необходима, хотя очень тягостна. Къ намъ приславили прехъ часовыхъ съ заряженными ружьями, чтобъ мы за караншинную черпу не вышли; въ семь часовъ, дабы избавишься ошь мухъ и другихъ насѣкомыхъ, закрывши окна, легли, а заснули въ часъ; какво лежашъ въ темнотѣ пять часовъ и сномъ не наслаждаешься! Теперь ясно понимаю, ошь чего дѣши плачушь, когда ихъ спать укладывають, а имъ не хочешся.

30-го Юля. Въ несносномъ караншинѣ.

31-го Юля, четвертый день насшаль; слава Богу, намъ щипцами подали ошвѣшь на наше письмо, ошь управляющаго Кавказскою Губерніею, Анастопуло: велѣно болѣе насъ не держашъ, — спасибо, какъ мы уже высидѣли прое сушокъ. Въ одиннадцашъ часовъ, поблагодаря Капишана Виникова, поѣхали; черезъ часъ оставили Лукувскую спаницу, въ Павлодольской перемѣнили лошадей — 13 верстѣ; до Екатеринограда 28; до Прохладной 17; до Солдатской 18: здѣсь бродяги и ошсшавные солдашы; до Павловской спаницы 20 верстѣ, до Георгіевска 25, и того ошь караншина болѣе ста, а ошь С. Пешербурга гораздо болѣе чешырехъ тысячъ верстѣ, какъ мы ѣхали.

1-го Августа. Дорога ошь Моздокскаго караншина до Георгіевска, превосходная, гладкая, ровная, исключая двухъ горъ, на двухъ послѣднихъ спанціяхъ, у Маринской хуже, и дурненькихъ двухъ мосшиковъ; ѣхали съ шестью козаками, довольно было темно, засвѣшили фонари, и въѣхали въ два часа по полуночи въ Георгіевскъ; ошпановились въ домъ Полицмейстера Павла Семеновича Березина;

очень хорошей молодой человек; жаль, что грудью справдешь, недёлю назад лишился шапери, и сеспра его одержима чахошкой; горе написано на благородном лицъ Березина. Первой разъ, ни сѣна, ни соломы, все выгорѣло. Изъ восьми стульевъ соспавилъ себѣ кровашь, послалъ шинель и крѣпко заснулъ; поварищъ успѣлъ прежде меня бросишь на диванъ. Въ десяшь часовъ ушра ходилъ по городу; хуже многихъ деревень, ошъ частыхъ пожаровъ. Двѣ церкви и шѣ вешки; однако много народу въ оныхъ; Воскресенье было, а пошому и я выслушаль обѣдню. Казенныя спроенїя каменныя. Арсеналь хорошъ. Съеспные припасы привозяшь два раза въ недѣлю; фрукшовъ много, бергамоты велики, но не имѣюшь нѣжнаго вкусу. Управляющій губернією живешъ въ хижинѣ, домъ его до шла сторѣль, и предеспные пополи, бывшіе предъ домомъ; кое-какъ нажилъ, прослужа болѣе 40 лѣтъ во флотѣ, шеперь въ жалкомъ положенїи; жена его, Гречанка съ шремя дочерьми, раздѣляешъ съ нимъ бѣдность. Не жалѣя денегъ, обѣдали хорошо; въ десяшомъ часу, на купленномъ дорогомъ сѣнѣ, успокоились.

2-го Августа. Оставля коляску въ Георгіевскѣ, для нѣкоторыхъ поправокъ,

принуждены были ѣхашъ въ двухъ кибиткахъ; эшо для меня не по сердцу было въ первыя, но — нужда къ чему не приучишь! Въ пяшомъ часу проснулись, выпили кофею, взяли кое-чего съ собою, съ егеремъ и поваромъ ошправились изъ обгорѣлаго Георгіевска къ водамъ Кавказскимъ, 35 верспѣ. Я все сидѣль на облучку, и не шакъ-шодурно, когда кибитка шуго набита сѣномъ. Приѣхали къ водамъ въ девяшь часовъ ушра; погода чудесная, и небо безоблачно; первой разъ видѣль во всей краесѣ цѣпь Кавказскихъ горъ; на лѣвой споронѣ ошъ Георгіевска въ 17-ши верспахъ по лучшей дорогѣ извиваешся чиспенъкая рѣчка Подкумокъ, а верспахъ не болѣе спа, по своимъ глазамъ, или по своей оптикѣ, въ прямой линїи шянешся цѣпь Кавказскихъ горъ. Здѣсь, у Подкумка, мы завпракали; здѣсь я обозрѣль вокругъ себѣ, и — стоя на кольняхъ, написалъ слѣдующее: Цѣпь Кавказскихъ горъ можно раздѣлишь на чешыре разряда. Первыя горы покрышы зеленью и украшены древами разнородными огромной величины. Вшорыя каменныя, съ шорчащими по бокамъ большими деревьями, успланныя по мѣстамъ обгорѣлою ошъ жаровъ шравою и сѣдымъ мхомъ. Трешыи, подъ коими нео-

быкновенныя красивыя облака плавають, снѣжныя, взору пріятны; и чешвертыя, ледяныя, душу возвышающія. Всѣ, при яркомъ свѣтѣ живошворнаго свѣшила, обращающаго на себя вниманіе мыслящаго шворенія и точно прелестны; но, кажется, всѣ онѣ, съ какимъ-то восшоргомъ благоговѣя созерцающа царицу горъ, Эльборусъ (*), покрышую вѣчными льдами и снѣгомъ; слезы умиленія сердечнаго шекуща изъ очей просвѣщеннаго пушешеспвенника, и онъ углубляется въ размышленія о величїи Творца, всё создаващаго и всѣмъ управляющаго; шакъ бываетъ съ людьми, еще съ праваго пуши несоврашившимися! Но чшо рѣчь безбожникъ? Онъ преклонилъ колѣна и воскликнетъ: ешь Богъ и се чудеса его! Назовише мнѣ живописца, кто бы могъ срисовашъ цѣль горъ Кавказскихъ? Назовише Поэша, кто бы могъ дерзнувшъ огненнымъ перомъ написашъ похвальную пѣснь симъ горамъ? Назовише Иешорїографа, кошорый бы осмѣлился взяшъся за перо? Всѣ безмолвешпвующа и съ Апостолами рекуща: Великъ Богъ и непосшижимы дѣла его! А пошому, смершныя, смирайшесь; ошбросьте гордыню свою, мол-

(*) Сію гору называли мнѣ и Шашъ-горюю.

чше, и проливайше слезы, удивляйшесь! Однако я бы сказалъ нашимъ писашелямъ, особенно спихошворцамъ съ дарованіями:

Сюда стекайшесь, сонми Поэшовъ!
Сюда, вамъ спышно вадоръ пишашъ,
Бросайше перья въ извѣштовъ,
Старайшесь Бога прославляшъ.
Сюда злодѣевъ привезише,
Во агицель преврашяшся всѣ;
Сюда вы злшо приносише,
Нѣши нужды больше въ немъ ни гдѣ.
Одни изранены — большыя
Лшшь въ злшшь могутъ пользу зрѣшъ.

Обращающъ къ Эльборусу: когда всѣ горы преклонили *верши* свои, когда человекъ, точно человекъ, въ изумленїи ошъ красощъ ея, шогда она, видимо съ какою-шо величавою, благосклонною, крошкою улыбкаю, благодаримъ все и всѣхъ, за признаніе ишшинное къ ея лѣпощѣ, и больше ошъ шого, чшо она заставляешъ познаванъ Создашеля и укрощашъ буйношсть смершныхъ предъ Несозданнымъ.

О водахъ Кавказскихъ ешь книги, а я скажу нѣсколько словъ. Первыя — горячія, въ 38 градусовъ; вторыя — кислотѣрныя, здоровы для всѣхъ, въ 25 градусовъ; шрешья, Варвація, горячія въ 32 градуса;

четвертая, въ двѣнадцати верстахъ отъ сихъ водъ, на Желѣзной горѣ, желѣзныя горячія, 32 градуса; пятыя, въ сорока верстахъ, кисло - холодныя, и шестыя отъ сихъ въ двѣнадцати верстахъ, кисло - желѣзныя.

Не доѣзжая водъ, на правой споронѣ, живущъ аулами мирныя Черкесы; попадись къ нимъ въ руки, тогда узнаешь ихъ крошечность; они шолько и боясь одного Ермолова! Съ присоединенія Грузіи къ Россіи, изъ Тифлиса выѣзжали Главкомандующіе, несчастный неуспрашимый Князь Циціановъ и нынѣ Ермоловъ; сей послѣдній прославляемъ отъ малаго до большаго, всѣхъ сословіи; Чеченцы, Черкесы и всѣ нагорныя обитатели не любящъ безспрашнаго, благоразумнаго Начальника, такъ какъ и взяточники въ губернїяхъ, ввѣренныхъ ему. Есшь по дорогѣ селенія, Шотландское и Нѣмецкое; онишо снабжаютъ прїѣзжающихъ къ водамъ отлично хорошимъ, бѣлымъ и синимъ хлѣбомъ, масломъ, молокомъ и разными съспными припасами. Спранно, что иноземцы осмавляютъ такъ называемыя свои благословенныя земли и приходящъ жишъ даже въ дикихъ мѣстахъ Россіи! Пусшь ихъ селашся, да пусшь не бранящъ Русскихъ! Остановились въ чистомъ домѣ

съ мебелями, прямо прошивъ горячихъ водъ, — десяшь рублей въ сушки. Въ чужихъ краяхъ гораздо болѣе плашишь; здѣсь сколько хочешь сиди въ ваннахъ, ничего не плашишь, а шамъ за все плаши. Въ одиннадцатомъ часу ушра вышлі походишь; первая встрѣча — Полковникъ Аполлонъ Маринъ, бывшій мой ученикъ, хороший молодой человекъ; мы одинъ другому очень обрадовались; зашли къ нему, и у него вышлі кислой воды по спакану: 35 копѣекъ спойшь бутылка; по его совѣшу, пошлі на гору, и съли въ ванну кислосерную 25 градусовъ; прїяшно въ ней сидшь, не хочеться разспашъея; ванна большая, можно шесни человекамъ покойно вмѣстѣ сидшь и лежашъ, въ горѣ высъчена. Полчаса и — кажеться, здоровѣ спашъ, и аппешинъ сильный родился. Тупъ увидѣль Пуш — на молодого, кошбрый гошовъ съ похвальной спороны обратинъ на себя вниманіе общее; шочно онъ можеть, при дарованїяхъ своихъ; я ему отъ души желаю всякаго блага; онъ слушалъ и колкую правду, но смирялся; и эша перемѣна дѣлаемъ ему честь. Въ горячихъ водахъ сдѣланы для нѣжнаго пола особенныя ванны, выспроены и убраны на горѣ домъ, и по горѣ масшерски сдѣланы

въездъ, и пѣшкомъ неупоминательно: лѣсница, имѣющая сто спупеней, и дурна и слишкомъ дорого спала; она построена прежде Ермолова. — До ужина опять обвиняли насъ кисло-сѣрныя воды; часъ времени съ Маринымъ и Пушкинымъ языкомъ посмучали и разошлись; здѣсь на водахъ, чего хочешь, все достать можно, и нахожу, что не дорого. Маленькой дождь.

3-го Августа. Въ шесть часовъ, не смотря на дождь, мы пошли на гору, Машукъ называемую, и будучи здоровы, пили кисло-сѣрную воду, два раза въ ваннѣ; за то обѣдали и ужинали съ величайшимъ желаніемъ; я читалъ о водахъ, сочиненіе Доктора Зей: надуто написано, впрочемъ, какъ говорятъ, справедливо; мнѣ принесъ сію книгу Полковникъ Преображенскаго полка, Деменковъ, который получилъ облегченіе отъ ранъ своихъ; а Маринъ, невладѣвшій рукою съ Бородинскаго дѣла, чувствуюешь себя здоровымъ, поднимаешь оную свободно; спрадалъ глазомъ отъ конспузій, и большое почувствовала облегченіе; мы поздно пріѣхали, ужъ время прошло; всѣ разъѣхались. Ермоловъ разводилъ садъ, и ежели нѣсколько лѣтъ пройдешь съ такимъ попеченіемъ отъ начальства, то увѣренъ, что вся Европа осна-

вишь свои воды, и будешь пріѣзжать за здравіемъ на Кавказъ.

4-го Августа. Погода весьма хороша; послѣ ванны ходилъ и на базаръ: не дурень, много домиковъ выстроено; теперь не нужны пашки, есть гдѣ помѣститься; хотя любители чужихъ краевъ не хощащъ хвалишь все то, что Русское. Покажися, да не будешь ли поздно? Колонисты богашьютъ, имъ хорошо; нынѣ набѣговъ мало отъ нагорныхъ жителей; у нихъ посланы солдаты съ пушками. Бѣлой хлѣбъ въ Шотландской колоніи, гдѣ много переселилось изъ Сарепты, отлично хорошъ; послѣ С. Пешербурга, я шакого не ѣлъ. Сушки пропекли быстро.

5-го Августа. Послѣ двухъ ваннъ, обѣдали; въ два часа выѣхали. Въ шесть пріѣхали въ Георгіевскъ; переодѣвшись, поѣхали Анастопуло: человекъ тихой; супруга его благоразумна и хороша собою; я до-сыша наговорился по-Гречески, былъ въ церкви; дома гововилъ къ дальнему путешествію. Въ Георгіевскѣ Комендантъ — Генераль-Маіоръ Спаль; всѣ его хвалятъ.

6-го Августа, проснясь съ нашимъ хозяиномъ, пожелавъ ему здравія, выѣхали изъ жалкаго города въ три часа по полудни.

7-го Августа. Можно сказать, что отъ Георгіевска, дорога — въ началѣ степь, съ нѣскольکو-посохшею правою, попомъ сѣнокосы, хлѣбъ до самаго Спаврополя, который гораздо и гораздо лучше Георгіевска: чище; однако мало нашли съешнаго; шупъ двѣ церкви, одна каменная, другая деревянная. Отъ Спаврополя верстъ семь гора, зеленъ веселая, рогащаго скоша множество, вдали горы зеленныя и лѣсистыя. Упромъ было холодно, попомъ жарко — до Богоявленской деревни, богатой, но не въ успройствѣ; и до Прочнаго окопа дорога ошлично хороша, козакки вездѣ молодцы; отъ Спаврополя до Богоявленска многочисленныя спада быковъ. Въ часъ по полуночи, прѣхали въ Прочной окопъ, одѣтые легки спать; здѣсь Комендантъ Маіоръ Широкой, человекъ учтивый. Небо двое сушокъ безоблачно и жаръ несносный; но до восхода солнечнаго, родъ морозу, или холодъ чувствительный, рѣзкій, а воздухъ чище.

8-го Августа. Воскресенье; распросишась съ учтивыми офицерами, выѣхали рано съ Хоперскими Козаками: душа веселишся, смотря на нихъ: одинъ другаго молодоваше; Кубань въ лѣво, а въ право глазомъ не обкинешь равнину; за

Кубанью Черкесы, Кабардинцы, — мало показывающися. Прочный окопъ чище, и казармы хороши; при великомъ Суворовѣ выпроены. Сказывали, что Нижегородской Полковникъ Тушольминъ, изъ полковой суммы выпроилъ казармы. Вездѣ военныя, и учтивы и опрясны. Кубанская линия въ лучшемъ порядкѣ, чѣмъ Кавказская; сколько я могъ замѣнить. Въ Темизбекѣ встрѣшились съ Генераломъ отъ Кавалеріи Н. Н. Раевскимъ: всегда со мною хороше, дочери благовоспитаны, слѣдственно любезны, — сынъ меньшей привѣшливъ. Во вшоромъ часу по полудни вѣхали въ Кавказскую крѣпость, гдѣ Комендантъ и Командиръ Навагинскаго полка — Подполковникъ Александръ Федоровъ Урнежевскій, крошкій и скромный, добрый и препорядочный 35-ти-лѣтній человекъ. У него мы обѣдали, ужинали, въ банѣ были; въ особой казармѣ писалъ, читалъ, и сушки миновали. Жаръ для меня былъ нестерпимъ. Не довзжая двѣнадцати верстъ до сей крѣпости, дорога гладкая; Кубань съ лѣсомъ по берегамъ, справа высокая, но отъ солнца обожженная. Провѣхали отъ С. Пешербурга болѣе 4,500 верстъ.

9-го Августа. Вспали, не выспавшись и ошь жару и ошь насъкомыхъ. Комендантъ съ офицерами заходилъ къ намъ, и наспоэль, чшобъ у него завпракашъ; выполнили желаніе Урнежевскаго, и у него же съ Генераломъ Н. Н. Раевскимъ и его фамиліею обѣдали. Чипали спарья газешы у себя, вечеръ провели въ разговорахъ и въ чпеніи приказовъ Ермолова; всѣ почши имѣюшь оппечашокъ оппличнаго челоуѣка; между шѣмъ оппдавали справедливостъ и покойному Главнокомандовавшему въ Грузіи, Князю Циціанову.

10-го Августа, не доспавъ, проснулся рано, въ шесшь часовъ; при сопровожденіи госпепрїимнаго Коменданша, выѣхали изъ Кавказской крѣпости; погода прекрасная; проѣхавъ всѣ Хоперскія спаницы, нашель одну другой лучше; и церкви каменные; дорога гладкая ешо семь версшь; и оспавя за собою Кавказскую губернію, всшупили въ чешвертомъ часу по полудни въ землю Черноморскихъ Козаковъ (прежде Запорожцевъ) и прямо въ Карантинный редушь, называемый *изрядный истогникъ*. Тушь нашли Ашамана Черноморцевъ, Полковника, сѣдаго, крошकाго, съ добрѣйшимъ лицемъ челоуѣка, Григорія Кондрашьевича Маншѣева. Ка-

раншинной домъ, передъ Моздокскимъ, показался дворцемъ, и подлинно — чиспъ, въ чешырехъ покояхъ по двѣ кровати, въ каждомъ споль и спуэль; скоро окурили всѣхъ насъ.

По шихой обѣкъ Кубани всѣ спаницы оппмѣнно хороши; поля и нынѣ зеленѣюшь, скоша много, и хлѣбъ не совсѣмъ дурень; однако давно не запомнишь шаковой засухи, шрава всегда въ росшь челоуѣчскій, какъ всѣ ушверждали.

Екашернодаръ ешъ сподица Черноморскихъ козаковъ, гдѣ и Войсковая Канцелярїя; городъ обширный, но худо выспроенъ, и въ немъ не болѣе 3,000 обоего пола жишелей. Войсковой Канцелярїи члены сказывали мнѣ, чшо всего на все съ женскимъ поломъ въ Черноморїи 70 тысячъ, болѣе мужескаго пола; чшо у нихъ 21 полкъ, въ каждомъ 550 челоуѣкъ, одѣшы въ синемъ, рукава за плечами, выбришы, у нѣкошорыхъ Козаковъ ешъ еще *гуприпы*. Во время нужды могушь сверхъ сказанныхъ полковъ сѣсшь на коней шысячъ десяшь; спарики, дѣши и козачки всѣ въ работъ. Единообразіе одежды не шакъшо красиво; прочіе козаки одѣшы какъ хошяшь, и ошь шого кажушья молодцовашѣе и красивѣе, и борода придаешъ

мужество. Я не видѣлъ Уральцовъ и Донцовъ въ ихъ сшаницахъ; но смѣло можно сказаши о казакѣ:

Идѣшь, и врагъ стояши не смѣешь —
Бѣжишь, егда и шши онъ робѣешь.

Докшоръ Караншинный съ излишешвомъ учивъ; мы хотѣли покупашься въ Кубани и бросились въ ея шихія шпру; я держался берега, шоварищъ мой поидыль далѣе, и вдругъ шри Черкеса, съ прошиво-лежащаго берега, кинулись въ воду: мы вздрогнули, однако ничего не приключилось. Въ шесшь часовъ по полудни обѣдали и ужинали съ Урнежевскимъ; часа чрезъ два онъ поѣхаль въ обратный пушъ со слезами на глазахъ, и мы, прощаясь, взаимно чувствовали печаль; шрехъ-дневное пребываніе вмѣстѣ сблизило насъ; въ пушешествіи своемъ, я на опышѣ узналь, что ешь лица *привлекательныя*, не знаешь за что полюбиши человека; напрошивъ, ешь фигуры *оттолкательныя*, увидиши, и — хощь бы ввѣкъ не видашь.

Въ десятомъ часу вечера, при полномъ жаркомъ мѣсяцѣ, при звѣздномъ небѣ, на берегу шихой Кубани, въ десяти саженьяхъ или не много далѣе, онъ воров-

скаго - Черкесскаго пикеша, сидя на шпульяхъ, съ шрубками, глошали шеплый воздухъ. Могъ ли я предвидѣшь, за годъ, что буду шакъ далеко отъ родныхъ и друзей? На свѣшѣ живучи, все можешь случишься,

Ермоловъ и Черкесовъ привель въ шрахъ; однако жъ они зимою воровски переходишь покрывую льдомъ Кубань, и ошгоняюшь скошъ; здѣсь какъ и на Терекѣ не надобно дремать, и всякой дожиши спать съ оружіемъ у изголовья; непришная жизнь! Наши солдаты окликаются: „кто идешь? кто идешь? кто идешь? говори! убью!“ Попробуй не ошвѣчашъ, шакъ и будешь въ Елисейскихъ поляхъ! Нѣсколько мѣсяцовъ шому назадъ, Подковникъ хощѣль испыщашъ своего солдата, на часахъ стоящаго, прошель — не ошвѣчая: солдатъ приложился, и — Полковника не спало; кто правъ? кто виновашъ?

Возблагодаря Творца за благополучное пушешествіе, шполь далъное и многотрудное, мы легли успокоишься на свѣжее сѣно; я часшо просыпался онъ ошкликъ нашихъ Русскихъ и Черкесовъ; шущь мудрено бышь соннымъ, каждой сѣлаешся и смѣшливымъ и ошпорожнымъ.

11-го Августа. Въ седьмомъ часу ушра, поблагодаря Апамана Машвѣва, пустились въ путь, сопровождаемые сошнею козаковъ, и благополучно очутились въ Екашеринодарѣ; дорога безподобная, слѣва скромно шечешь Кубань, за нею видень лѣсъ, а вправо проспираешся зеленая равнина. Въ Екашеринодарѣ, по благосклонности начальниковъ казацкихъ, пригошвлена была для насъ чистая, хорошо-убранная кваршира Майора Барабаша, кошорый и въ ошсуществіи своемъ не шокмо угосшилъ насъ, но и въ дорогу снабдилъ, виномъ и съѣсшными припасами. По сему я долгомъ посшавилъ себѣ, письменно изъявишь ему мою и поварища моего благодарность — за угощеніе.

За нужное посшавляю сказать, что въ Войсковой Черноморской Канцеляріи, вычисля ошъ Екашеринодара до Тамана, впередъ берушь деньги за почшовыхъ лошадей.

Сверхъ сошни Козаковъ съ офицеромъ, данъ намъ Полковой Есаулъ Никиша Яковлевичъ Долинскій, чшобъ нигдѣ не было ошпановки: молодець, добръ и услужливъ; — мы не ѣхали, а лешъли.

Въ восьмомъ часу вечера, въ Ивановской спаницѣ, мы ошпановились у одной

козачки, и на дворѣ, при двухъ мужесшвенныхъ часовыхъ, освѣщаемые печальною луною; безъ свѣчь, почши какъ днем, обѣдали и ужинали въ одно время; около насъ, на обширномъ дворѣ, быки съ важностию прохаживались, коровы прогуливались, шеляша прыгали, ягняша щипали шправку, курицы клокошали, цыпляша подъ крылышки ихъ пряшались, свиньи съ поросятами хрюкали, лошади ржали; шеплоша нѣжная увивалась вкругъ насъ, хозяйка сшарая, но добрая, хлопшала, угождаа намъ, и помогаа повару; въ это время вспомнилъ я нѣкошорыхъ нашихъ пушешесшвенниковъ; сколько пици для *сентиментальнаго* сердца! сколько *воздуховъ ароматическихъ, цѣлебныхъ и бальзамическихъ*, какъ не выронишь слезу изъ праваго глаза! Ошавя прогашельныя каршины, я вшупилъ въ разговоръ съ козаками, и узналъ, что козаки сохраняюшь всѣ посшы; что въ посшные дни вина не пьюшь; что свяшо чшашъ своихъ родителей, слѣпо повинуюшся приказаніямъ начальниковъ, вѣрны женамъ своимъ, и передаюшь все, что знаюшь, своимъ дѣшпямъ. Молодые козаки, дѣши, наизушъ знаютъ всѣ походы ошцевъ и дѣдовъ своихъ! Вошь прямо природное воспшаніе,

получаемое опъ родителей свѣихъ, а не опъ прищельцевъ, коими съ давнихъ лѣтъ наводняется любезное наше опечеснво. Строгое пввиновеніе наблюдается всегда и вездѣ, ибо начальники, бывъ прежде сами просвѣтами козаками, на опыти дознали, какъ должно управлять подчиненными; доброта души сіяетъ на лицахъ козацкихъ, и всѣ вообще умны, крошки, и привѣпливы; рассказы ихъ весьма пріятны; не лзя не любить ихъ!

12-го Августа. Вчера прилегли, но шма насѣкомыхъ не допустила сомкнуть глазъ; въ три часа, на самомъ разсвѣтѣ, уже были готовы къ опѣзду; въ пятомъ выѣхали изъ Ивановской саницы. Утро было свѣжее. Насъ сопровождали 150 козаковъ; первыя двѣнадцать верстъ мы проѣхали съ быспрошою молни, менше нежели въ полчаса, и 28 другихъ въ часъ, до Копыла, лежащаго при рѣчкѣ Прошокѣ. Здѣсь опасность заставляешь такъ скоро ѣздить. Тушь на паромѣ живо перевезли наши экипажи, и насъ еще живѣе на лодкѣ; съ такою жъ скоростію доѣхали мы до Пешровскаго кордона на рѣчкѣ Калаусѣ — 25 верстъ; до Андреевскаго кордона на рѣчкѣ Куркѣ 25 верстъ; до Темрюка 25 верстъ, козаки перемѣнились на

каждомъ кордонѣ. Дорога очень хороша; мосты гораздо лучше, чѣмъ внутри Россіи; камыши во всю почти дорогу, высокою и густошою удивляютъ, имѣя при и болѣе сажени.

Черноморцы весьма ловки, молодцы, какъ и прочіе козаки, и офицеровъ имѣютъ опличныхъ. Темрюкъ саница, заключаешь въ себѣ девятшо домовъ, или мазанокъ, однако есть и хорошіе домики; церковь одна каменная изрядной Архипешуры; большаго богатства внутри нѣтъ, но вездѣ хорошо и чисто; здѣсь въ Темрюкѣ мы остановились у Есаула: жена его въ плашчкѣ, масшерски повязанномъ, въ козацкихъ сапожкахъ, весьма и даже *занимательно* мила; вездѣ мы испытали угощеніе древнихъ Пашіархальныхъ временъ, подчуютъ и украшиваютъ взявъ въ дорогу хлѣба, вина, плодовъ; словомъ, чѣмъ богаты, шѣмъ и рады; насильно даже кладушь въ экипажи, и — *денегъ не берутъ!* Жарко, и немудрено — ѣхавъ съ такою быспрошою, мы въ двѣнадцать часовъ времени, проѣхали 185 верстъ. Въ девятомъ часу вечера въѣхали въ Тамань; чрезъ крѣпость не хотѣли насъ пущать; но, видя чешыре экипажа на мосту, кошорыхъ нельзя было поворочить, доло-

жили Коменданшу Каламаръ, и онъ позволилъ. Мѣсяць уже, пѣвня — свѣшилъ, мы остановились на лучшей улицѣ въ приготовленной кварширѣ козацкаго офицера. Насъ посѣщали любопытные и учивые чиновники. Ужинъ и обѣдъ нашъ былъ въ одиннадцатомъ часу; послѣ чего принесъ отъ души благодарность Богу за благополучное окончаніе путешествія по Кавказской и Кубанской линіямъ, упомянутые возлегли на сѣно, и предались сладкому сну. Нынѣ дорога вездѣ широкая, ибо Ермоловъ велѣлъ сжечь камышъ по обѣимъ сторонамъ, чшобъ шѣмъ безопаснѣе было для проѣзжающихъ. Въ камышахъ козаки поймали нѣсколько молодыхъ лебедей и намъ подарили; мы приказали чешырехъ зажарить; ночью Таманскія собаки вошли въ печку и похищили наше жаркое, кошорое мы гошовились въ первый разъ въ жизни опвѣдать.

13-го Августа; едва мы проснулись, былъ у насъ Комендантъ, Полковникъ Каламара, родомъ Грекъ; всѣ объ немъ хорошо опзываются; онъ давно служилъ; я поговорилъ съ нимъ по - Гречески. Полковникъ гарнизона Бобоедовъ, добрый шарикъ, а Есаулъ Маршынъ Степановичъ смышленный Городничій. Мы осмошрѣли

крѣпость, кошоря при безмерномъ Суворовѣ была въ лучшемъ видѣ, по словамъ здѣшнихъ жишелей; шумъ и шеперь находилъсѣ девиносно орудій. — Тушъ повѣрилъ свои часы по солнечнымъ. Всего лучше, во всемъ Таманѣ, супруга Коменданша Каламары, прекраснѣйшая изъ брюношохъ, Гречанка съ огненно-шомными глазами, умна и мила, и говоритъ прекрасно по-Гречески! Заходили къ Бобоедову и Есаулу; потомъ пошли къ проливу Киммерійскому. Подъ нашими ногами разбивались шѣйшныя волны, несомыя прошивнымъ вѣшромъ къ берегу; взорамъ нашимъ представлялись Ениколь и Керчь; мы должны опшаванься, ибо часъ отъ часу буря сильнѣе поднималась. Сшоя на берегу волнующагося моря, думалъ я: только передъ сшихими гордостью, сила и богатештво смиряются. — Ушромъ былъ порядочный дождь, послѣ двухъ мѣсяцевъ засухи. Жишелей въ Таманѣ не болѣе двухъ шохъ, и весьма мало съешныхъ припасовъ. Босфорскій проливъ съ берега прекрасенъ особенно при непогодѣ. Послѣ обѣда, по благосклонности Бобоедова, ѣздили мы на его дрожкахъ вершины при отъ Тамана на гору, кошоря 1818 года съ 15-го Августа до 15-го Сеншября, при пламени и гус-

помь дымъ выбрасывала грязь и каменья. Я собралъ нѣсколько камешковъ и окаменѣлой грязи разнаго цвѣта, для химическаго раздробленія, по прїѣздѣ въ С. Петербургъ. По словамъ жителей, сіе явленіе случилось до восхода солнечнаго, съ ужаснымъ ударомъ; въ тоже почти время въ проливъ Киммерійскомъ и въ Азовскомъ морѣ слышны были удары, и два раза появлялись острова, по которымъ могли ходить люди, и смѣлые ходили; вскорѣ вѣспромъ снесены были, или волнами смыты — исчезли. Тупъ на горахъ и подъ горами росшестъ множество иліопропу, хошя оный и не такъ высокъ, какъ у насъ въ горшкахъ, но благовоннѣ нашего. Мы ходили опянь къ берегу: волны шумящъ и вѣспръ противный; тепло, воздухъ чистъ и здоровъ; въ ожиданіи благопріятнаго времени къ ошѣзду нашему, мы купались въ соленой водѣ, ужинали, разсуждали и сожалѣли, что многіе города не похожи на города.

14-го Августа. Рано вспавъ, вышелъ подышашъ, Тмушараканскимъ воздухомъ насладиться; противъ нашего домика жидовской пишейной домъ, гдѣ во всю ночь шумѣли и не успокоились; они мѣщали и думашъ; однако много пробѣжало въ голо-

въ моей историческихъ пѣсняхъ и басней; писалъ часа при; въ одиннадцатъ часовъ осмашривалъ церковь Покрова Пресв. Богомашери (*), гдѣ видѣлъ извѣстный камень, о которомъ многіе писали и многіе на умешвованіяхъ основывали свои заключенія; но надо опдашь справедливостъ покойнымъ: Митрополиту Гаврилу, Большину и Графу Алексію Ивановичу Мушину - Пушкину; сіи мужи соединенными силами вскрыли завѣсу, покрывающую Тмушараканское Княженіе, и всѣ переспали сомѣвашься о мѣстѣ онаго; нѣсколько лѣтъшюму назадъ, любитель древности и знашокъ опечешвенной Истории Алексій Николаевичъ Оленинъ, своими изысканіями еще болѣе удовлетворяешъ любопытство о семъ же Княженіи.

Не столько веселье бываешъ избалованный ребенокъ, получа желаемыя игрушки, сколько я былъ радъ — увидя камень, которъ въ юности моей, лѣтъ шридцашъ шюму назадъ, сильно занималъ меня, когда и

(*) Тотъ ли самый храмъ стоишь и по нынѣ, который выстроень Мстиславомъ, послѣ побѣды надъ Касогскимъ Княземъ Редедю 1022 года, не могу утвердить. Касоги не иные были, какъ нынѣшніе Черкесы; это не мол догадка.

я, будучи еще военнымъ, писалъ рѣчь о Тмушараканѣ и Мешиславѣ Владимировичѣ, копорую лучшей изъ кадеши бывшего Греческаго Корпуса, Скіеда, говорилъ, предъ всею знашью С. Пешербурга и предъ учеными людьми, и копорая удостоена была благосклоннаго вниманія и одобренія. Подошедъ къ сему камню, я обнималъ оный какъ спараго, но невидѣннаго мною знакома. Оный не болѣе пяши пяденей моихъ, гдѣ чишаешь надпись: „въ лѣто 6576 (1065), индикша 6, Глѣбъ Князь, мѣрилъ море по лѣду, ошъ Тмушаракани до Керчи 30.054 сажени. Другая половина сего камня шестъ съ лишкомъ моихъ пяденей, шолщина болѣе пядени. Надъ симъ камнемъ лежишь нынѣ другой камень съ надписью Греческою; но я не могъ болѣе разобрать какъ слово *восторгъ*. Съ обѣихъ споронъ въ барельефѣ изображены фигуры человѣческія въ шуникахъ, въ при чешверпи аршина вышины, съ поднятыми руками, держащими вѣнки. Свяшность ли изображаешь сей камень, или просто надгробіе надъ какимъ нибудь воиномъ? Не знаю. Пущь Ученые о семъ разсуждаютъ и пишущь. Довольный своимъ упромъ, обѣдалъ хорошо, и чшобъ избавишься жару, заснулъ. Въ пяшомъ часу посыпиль насъ Ашаманъ

Машвѣевъ и по видимоу недовольный своею судьбою, что долженъ одинъ жишь въ Екашеринодарѣ, а жена живешъ съ пяшью дочерьми и двумя сынами въ Таманѣ. Жаль мнѣ шарика! Черезъ часъ пошли мы къ нему, не заспали дома, шолько съ двумя дочерьми кланялись; въ эшо время Генераль Н. Н. Раевскій былъ у насъ; мы, взявъ дрожки, поѣхали въ крѣпость фанаторію, (шакъ называется крѣпость Таманская) и привѣщивовали пріѣзжаго почшеннаго Генерала, пиди чай съ его дочерьми и Англичанкою, доброю Машень. Тушь всѣ военные были, и всѣ препорядочные люди. Выѣхавъ изъ крѣпости, въ виду Керчи и Эниколя мы купались. Соленая вода здорова и шепла, но прошивна если въ ротъ попадешъ. Почши 5,000 верснъ ошъ С. Пешербурга по сдѣланнымъ нами кругамъ. Въ 10 часовъ Кикимора, Славянскій богъ сна, покрылъ насъ своимъ крыломъ.

15-го Августа. Успеніе Богоматери; не удалось бышь у обѣдни, ибо въ 8 часовъ ушра погода стихла, и мы перебрались съ экипажами на канонерскую лодку, по здѣшнему Дансочъ, одно мачшовое судно; въ девять часовъ, снявшись съ якоря и поднявъ парусы, при самомалѣйшемъ

вѣтрѣ, пуснились по страшной жидкости. Мнѣ два раза было дурно, хотя я и служилъ въ юныхъ лѣтахъ въ Балшійскомъ флотѣ; кусокъ хлѣба съ солью облегчилъ боль въ желудкѣ; писалъ на палубѣ; вѣтру попушного не было, и несносный шпиль догаждалъ. Съ нами переѣзжалъ одинъ Грекъ Плакидасъ, шѣргующій виномъ, человекъ умный и благочестивый. Еще въ Таманѣ пронудилъ меня слова Ашамана Черноморіи Машвѣва; прощаясь, упирая слезы, онъ сказалъ: „не забудьте добрымъ словомъ;“ здѣсь на лансонѣ, вспомнилъ я оцѣя, и долго думалъ о немъ.

Въ девять часовъ утра оставили за собою *Азію*, а въ пять по полудни бросили якорь въ *Европѣ* — у Керчи. Сей пунктъ при благоприятномъ вѣтрѣ, совершающъ въ два часа съ половиною, а мы ѣхали 8. Насъ привѣщивали морскіе офицеры, но мнѣ и поварищу моему больше всѣхъ понравился Капитанъ — Дейпенантъ Паниніюши, Грекъ, начальникъ флотиліи, сѣдовласый сорока — лѣтній молодець; умный, скромный и всѣми любимый; съ брашомъ его я воспитывался въ бывшемъ Греческомъ Корпусѣ; а потому и съ нимъ вступилъ въ опккровенный разговоръ, на Греческомъ языкѣ. Паниніюши водилъ насъ въ дре-

внѣйшую Греческую церковь, которая воздвигнута, по многимъ замѣчаніямъ, болѣе 1,500 лѣтъ тому назадъ; чешыре колонны изъ Паросскаго мрамора поддерживаютъ куполь и всю церковь, легкой и пріятной Архитектуры. Присройка недавно сдѣланная для помѣщенія большаго числа христіанъ, также весьма красива. Здѣсь видѣлъ Евангеліе и Апостоль, писанныя по-Гречески на пергаментѣ, чешко и чисто, не менѣе 500 лѣтъ тому назадъ. Мы всходили на гору и видѣли по мѣсто, гдѣ, какъ говорятъ, Мишридашъ, Поншійскій Государь сиживалъ. Я сѣлъ на сіи большія кресла, красиво изсѣченныя изъ дикаго камня въ скалѣ и окинулъ взоромъ вокругъ себя. Прелестная и величественная картина! Но какой ученый и преученый увѣришь меня, что это былъ шочно промъ Мишридаша? Чѣмъ докажешь, что сей Царь, на чистомъ воздухѣ возсѣдалъ подъ облаками, давалъ расправу, и гонялся на брань? — Однако и мнѣ кажешся, что по горамъ существовала снѣжна, сдѣланная ошъ набѣговъ хищныхъ народовъ. Но — полно; кажешся, я не за свое берусь; есть схоластички, имъ предоснавлено писатъ диссерсаціи, или подробныя изысканія. — Были у Н. Н. Раевского, ко-

порый послѣ насъ прѣхалъ: въ безпокой-
ствѣ почтенный; сынъ меньшей очень
болень; жаль молодца! Въ 8 часовъ у Эма-
нуила Теофиловича Кордіо, у коего при-
спали; богашый челоѣкъ и деньгами
и дѣльми; семь дочерей и пять сыно-
вей — всѣ живы; я ихъ не видѣлъ, къ
празднику поѣхали въ Ениколь. Въ Керчи
счищается около четырехъ тысячъ жи-
телей обоого пола; Греческій языкъ вездѣ
слышенъ; я говорилъ со многими Гречан-
ками: они весьма привѣтливы и хороши
собою. По древнему обычаю, сидяшь под-
жавши ноги, передъ своими домиками, на
коврикахъ; въ будніе дни въ црудахъ; се-
го дня, въ праздникъ, проводяшь въ разго-
ворахъ. Какая разница бытъ Грекомъ подъ
законами Россіи и — Турціи!

16-го Августа, упромъ, приглашен-
ные Пашиніюшiemъ, смошрѣли, какъ почива-
ющаюшь на водѣ шрехъ - мачшовое огро-
мное транспортное военное судно, пово-
рачивая съ боку на бокъ, шакъ что киль
видень; спрашно! и шмъ болѣе спрашнѣ,
что оный моющъ швабрами пылающими,
пошомъ конопатяшь и дегнемъ мажущъ;
все сіе производится со скоростью, смѣ-
лостью и ловкостью. Въ 10 часовъ воз-
благодаря всѣхъ за учтивостъ ихъ, и бо-

лѣ Пашиніюши, проспясь съ хозяиномъ
и со многими Греками, поѣхали въ Кефу
или Θεодосію, куда прѣхали въ 8 часовъ
по полудни, и приспали въ Греческомъ
шракширѣ — пречисшомъ; дорога хороша,
мѣстоположеніе — зеленая степь; весною
шрава прекрасная, и шеперь на деревьяхъ
вшорые листы. Обѣдали и ужинали въ
десяти часовъ вечера, и улеглись.

17-го Августа, мы шолько что хо-
щѣли вышши, явился Комендантъ, меньшей
Сиріюши, израненый Майоръ, бывшій ка-
детомъ въ Греческомъ Корпусѣ — съ нѣ-
которыми свѣдѣніями и оспрѣ; онъ повель
насъ осмошрѣшь карантинъ: оплично
чистъ и хорошъ! много спѣнь древнихъ,
и новое строеніе прекрасно. 25 Юля
нынѣшняго года, скопившаяся на горахъ
опъ дождей вода, шакъ бышро пошекла
чрезъ карантинъ, что въ спѣнахъ Гену-
эскихъ прорвалась, и наводнила каран-
тинъ выше двухъ аршинъ; много повре-
жденнаго, и шрехъ челоѣкъ спящихъ сне-
сла вода въ Черное море; на другой день
нашли ихъ бездыханными; помощникъ Ин-
спектора карантина, Гирсъ, благороднаго
обращенія, и прочіе чиновники учтивы и
порядочны. Ходили по бульвару безъ де-
ревъ, по берегу Чернаго моря; на семь

мѣспѣ, говорили мнѣ, были древнія стѣны; начальникъ бывшій въ Кеѣ, Г. Ф. сломаль, и сдѣлалъ гулянье, по которому гладко ходишь, но такъ жарко, что ни кого не встрѣшишь; когда посадишь деревья, чтобы шѣнь была, тогда будетъ хорошо. Жителей считаеяся болѣе чешырехъ тысячъ. Жаръ сего дня былъ нестерпимъ, и пошому мы бросились въ Черное море и — нѣсколько прохладились; думали обѣдать дома, но — по сильнымъ убѣжденіямъ, согласились раздѣлить прѣпезу новаго Градоначальника Г. П — го, который три раза прѣзжалъ къ намъ; — послѣ обѣда, на шлюбкѣ Градоначальника ѣздили къ Броневскому, бывшему Градоначальнику здѣсь. Онъ живетъ какъ пущынецъ, и — руками своими воздѣлывая садъ свой — кормится; опличный человекъ! я его давно знаю: преисполненный познаній, и великій знапокъ на многихъ языкахъ пишашъ; нынѣ нашелъ его огорченнымъ; не вѣдаю причины; но жалѣю человека съ дарованіями, съ обширными свѣдѣніями по всемъ часнямъ. Садъ его, имъ разведенный, имѣетъ болѣе десяти тысячъ фруктовыхъ деревьевъ; миндалю продаешъ пудовъ двадцашъ, и вошь погтеннаго доходъ; въ саду, можно сказашъ, много есть милаго,

семо и овамо, въ пріятномъ безпорядкѣ: шо оспашки колоннъ Паросскаго мрамора, шо камни съ надписями, — памяшникъ, воздвигнутый племянницѣ его, храмики, горки и проч. У Броневскаго заспали Н. Раевского съ дочерью и съ больнымъ сыномъ. Распросишъ съ философомъ — хозяиномъ, побхали къ П — му; — купались, читали газетш, писали, ужинали, и проспидлись; дома у себя пригошвились къ завтрашнему опѣзду.

18-Августш. Вчера убѣдили меня ѣхать верхомъ по южному берегу Крыма, и я было согласился, хотя опѣ жаровъ не такъ — шо здоровъ; долженъ признашъся, что для меня жестокой морозъ пріятнѣе, нежели зной; опѣ холоду можно избавишъся, а опѣ жару некуда дѣвашъся, и позыву къ ѣдѣ нѣшъ, сонъ бѣжитъ, человекъ весь не свой; а зимою каждый скоръ, румянь, молодъ, бодръ! — Въ семь часовъ ушра выѣхали изъ Феодосіи съ даннымъ намъ провожатымъ, Ташариномъ; располагаешъ до Судака въ коляскѣ, а шакъ верхомъ. Провѣхавъ 24 вершш до Кринички, я взглянулъ на маршрутш, началъ считаешъ вершш, и — сочшя, что 300 вершш должно ѣхать верхомъ и по 50 вершш въ сушки, съ признашельностию нашелъ себя не въ

соешюнии исполнишь сію шрудную для
меня дорогу: я *сытъ и Кавказскою линією!*
Пусть называють меня прусомъ; нѣшь,
— это не прусосыть, а даже, если смѣю ска-
зать — доспоинсшво: ибо *когда бы люди*
брались за шо только, что могутъ вы-
полнить, гораздо бы все лучше шло въ
мірѣ: анъ посмотришь большая часшь не
по силѣ шягосшь несешъ, вошь и бѣда;
не хорошо, *когда человекъ мѣтаетъ бо-*
лье о себѣ, нежели онъ есть. Мало ли мы
чипали, чипаемъ, видѣли, и видимъ, что
самонадеянность часшо и очень часшо ко
вреду служила и *хвастуну и ближнимъ!*
Могъ бы множесшво примѣровъ предсша-
вить, но — боясь упомяшь чипашелей, кои
удоспоишь своимъ внимаемъ мои пеше-
вые записки, молчу. И шакъ добхавъ въ
несносный жаръ по горисшой дорогѣ до
Шахъ-Мурзы, (имѣніе принадлежашее Год-
левскому), раздѣлились; шоварищъ мой по-
ѣхаль верхомъ на Судаку, а я въ Бурун-
дукъ; прощаніе было слезное, мнѣ душев-
но горько! — Въ восемь часовъ вечера добхавъ
до Бурундука, почеваль у ямщика Ивана
Максимова, одинъ единешенекъ; два чело-
вѣка бывшіе со мною и больны и хмѣльны;
не на кого надѣишься; хозяйка съ двумя до-
черьми, видя мое положеніе, упростили пре-

дашься покойному сну, и что онъ будущъ
караулишь при экипажа; упомяненіе за-
спавило приняшь съ благодарносшью пред-
ложеніе; вокругъ избы пусто и безлюд-
но, вдали почшовой худой дворъ, вдали же
изъ шести человекъ казачій карауль; лу-
на взглядывала въ малое окно, а въ дру-
гое смощрѣли на меня шо вошь, шо коро-
ва; дума занимала голову мою, началъ за-
бывашься, какъ вдругъ вбѣгаешъ какой-
то молодець съ обнаженною шпагою, гро-
зно крича: гдѣ хозяинъ? Я проснулся, и
ошкуда взялась смѣлосшь? кричу грозше:
вошь! — Въ это время собачка Англійская,
бывшая со мною, бросилась съ лаемъ на
дерзкаго, и онъ — какъ привидѣніе — исчезъ;
не знаю — кого испугался, меня или собаки?
19-го Августа. Въ пятомъ часу ушра,
быль уже гошовъ къ ошѣзду; хозяйка съ
дочерьми не хошла взять плашы; но — по
просьбѣ моей, для памяти, рѣшились без-
дѣлицу оставишь у себя: насшоющія хри-
стианки! Дорога къ Симферополю или Ах-
мечешу, большею частію горисша, и не
всегда хороша; мосты всѣ хороши; мѣсто-
положеніе красиво, лѣсу много, и на деревь-
яхъ новые листья. Въ десяти часовъ ушра
проѣхаль *Карасубазаръ*, и — не выходя изъ
коляски, распросилъ почшаря, опрашнаго

жида; онъ говорилъ: что лавокъ болѣе 300, что одна каменная Греческая церковь, одна Грекороссійская, одна Капюлическая, одна Армянская, множество мечешей, и нѣсколько синагогъ, что жилищей около 15-ти тысячъ; за вѣрность не ручаюсь. При въѣздѣ въ Карасубазаръ плѣняются взоры, прямые, высокіе, горделивые пополи и фруктовыя деревья; сколько могъ замѣнить, одни Русскіе дома, окнами на узкія улицы, а прочіе дома всѣ обращены окнами на дворъ; скучно видѣшь, Госшинный дворъ обведенъ высокою стѣною; ворота запираются по заказу солнца, и шорть оканчивается.

Изъ Зюйской станціи, послалъ передоваго къ Таврическому Губернатору Александру Николаевичу Баранову, прося его, чтобы приказалъ опвесити мнѣ квартиру какъ челоѣку, короршко съ нимъ знакомому по С. Пешербургу. За передовымъ черезъ часъ повхалъ и самъ; почши въ три часа въѣхалъ въ Симферополь, и — прямо къ Губернатору, который на крыльцѣ встрѣчилъ меня, какъ друга, какъ любезнаго брата; слезы шрепешали у обоихъ на глазахъ; душа его благородная, выказалась въ сіе время во всей красѣ своей; разумѣется, что бывшіе у него

госпи подражали своему хозяину, и мнѣ было шакъ весело, что нѣшь словъ переказашъ; давно сказано: *кто чувствуетъ много, тотъ мало говоритъ*. — Обѣдъ и хоршъ и приправленъ дружескою бесѣдою. Послѣ обѣда явился Докшоръ, и занялся хмѣльными еще людьми, со мною прѣхавшими; самое лучшее лекарство, что и всѣ придумали — опшправилъ въ больницу, до опшѣзда нашего изъ Симферополя.

Любезный Губернаторъ приготовилъ для меня при комнашы, назнача и прислугу. До 12 часовъ мы сидѣли, и я съ удовольствіемъ внималъ о предпріятіяхъ начашыхъ, хошя молодымъ, но преисполненнымъ дарованій Губернаторомъ; все, что Александръ Николаевичъ предполагалъ совершитъ въ Таврической губерніи, клонилось ко благу общему. Дай Богъ шолько ему шполько силъ и швердости, чтобы кончинъ многшрудныя свои желанія. Ужинъ прекрашилъ нашъ разговоръ, мы разошлись, и я поставляю долгомъ сказать, что весело бытъ хошя бѣднымъ, но честнымъ челоѣкомъ: вездѣ находишь дружбу, всюду встрѣчаешь любовь и довольство, шогда, когда *гордецъ богатый и несправедливо нажившій сокровища, презираемъ, и ни кто не хочеть не шокмо*

угодишь, но даже вспрѣчавшись съ сими людьми.

20-Августа. Въ шестомъ часу упраснувшись, и возблагодаря Бога за милоспши, спалъ чипашъ иноспранныя газетсы; удивленіе мое усугубилось, — чипая о Неаполишанскомъ переворошѣ, и о процессѣ Англійской Королевы; свидѣлся съ хозяиномъ, который совѣповалъ мнѣ — посмопрѣшь базарь: шолько въ пяшницу каждую недѣлю, со всѣхъ окреспностей, прѣвжающъ шорговцы; каждый, чѣмъ богашъ, шо и предлагаешъ на продажу. Чрезвычайно жарко, даже душно! не смощря, что восемь часовъ упра; однако я пошелъ; взоры не плѣняются базаромъ; весьма нечисто! шолько и слышишь Ташарской языкъ! Фрукшовъ множешво и разнаго незначущаго шовару. Заходилъ къ Князю Балапуку, бывшему моему кадешу, подъ именемъ Кая-Бею; нынѣ Генераль-Маіоръ; не заспалъ дома; къ женѣ не заходилъ, ибо не водитсы у Магомешанъ; написалъ записку къ нему, прося переслать въ его деревню. — Городъ Симферополь — чиспешкій, но неправильно выспроенъ; большею частію каменныя спроенія, церковей хриспіанскихъ мало, мечешей за шо много; соборная церковъ Св. Александра Невскаго;

на шомъ мѣспшѣ, гдѣ великій Суворовъ редушъ выспроилъ при покореніи сего города, не кончена; но сумма опшущена, и честпный Губернашоръ Барановъ уже съ душевнымъ удовольспшвиемъ спремилсы все шо совершилъ, что его предмѣспшниками начашо. Онъ конечно опспавилъ свое имя въ семъ необразованномъ краю, и губернія процвѣпешъ. Въ два часа съли обвдашъ, и бесѣда прѣпшная; Александра Николаевича Секрешаръ, Фабрь, съ просвѣщеніемъ и крошоспшо молодой человекъ, своимъ заключеніемъ о многихъ предмѣнахъ обрашилъ мое вниманіе, какъ и Офрейнъ — опспавный Шпабъ-Офшдеръ, помѣщшкъ въ семъ краю, шочно съ правилами и благороднаго духа человекъ; Виллсы, Англичанинъ, нашъ подданный, съ образованіемъ, при наружнспши прѣвлечашельной. Въ шестъ часовъ Барановъ прѣспавилъ меня дивизионному Генералу Удому; и онъ, жена и дѣшш весьма учшвы и любезны. Отшюда пошли къ Офрейну; шуть часа два провелъ, какъ будшо съ родными, всѣ прѣшли мнѣ по сердцу. Хозяйка Екатерина Оспшовна, не смощря, что Француженка, съ большимъ образованіемъ, съ умомъ любезнымъ и обращенія самаго прѣпшнаго; мужъ ея — просвѣщешный съ крошоспшо че-

ловѣкъ; старшая шестнадцатилѣтняя дочь Леонисъ, при привлекашелейной наружности преисполнена дарованій и познаній; меньшая Зенеида шеперь оспрошюю обрацаешъ вниманіе: года чрезъ шри, воспитанная родишелями, будешъ украшеніемъ Крыма, по крайней мѣрѣ я шакъ думаю и напередъ радуюсь. Тупъ же была госпья, госпожа Лангъ, супруга Докшора, лѣшь за двадцашъ, прекрасная женщина, съ крошосшію, и у насъ въ Пешербургѣ остановила бы каждаго, и нѣжный полъ, разумѣнся *независтливый*, ошдалъ бы ей справедливосшь: и спанъ и взглядъ, и все мило въ ней; мужъ ея, пріѣхавшій послѣ, челоѣкъ спешенный и молчаливый. Въ семь общесшвѣ казалосъ мнѣ, чшо я дома, со всѣми родными или корошко знакомыми; ошкровенносшь переходила изъ ушь въ уста, и бесѣда спановиласъ живѣе и любезнѣе, не взирая, чшо много говорено и объ ученосши; се признакъ истинной образованносши, безъ педантсшва или напшажки нынѣшняго просвѣщенія. Насышавшисъ разговорами, лесными для меня ошзываыми, раскланяся и пошелъ съ любезнымъ Губернашоромъ къ нему, гдѣ ожидалъ насъ Аѣинскій ужинъ, — не Арисшиппа, а Сократическій, послѣ кошораго каждый занялъ

свои комнашпы; я помолился Богу, и зашнулъ крѣпкимъ сномъ.

21-го Августа. Въ шестъ часовъ ушрачшшалъ уже газетш и писалъ; нѣсколко Гречанокъ присылали просшшь къ себѣ, общшалъ завшра бышь. Въ 12 часовъ съ Губернашоромъ и Офрейномъ ѣздилъ вдоль по Салгирю десяшь верспъ къ Ш..... К.... П....: очень привѣшлива и довольна была — увидя меня; дѣши ея миленькія. Мѣшноположеніе помѣсшья не шакъшо очаровашельно, какъ мнѣ рассказывали; ешть горы, да гдѣ ихъ въ Крыму нѣшь! Обѣдъ хорошь, приправленный любезносшію хозяйки. Салгиръ (рѣка), прославленная плаксшвыми пушешествениками, романшческими писашелями, Салгиръ въ сіе время ручей, менѣе ручья, ибо и ушки ходяшь поперегъ онаго, а плавашъ не могушь; говоряшь, чшо при дождяхъ, съ горъ лшущаяся вода наполняешъ сію рѣку, и шогда Салгиръ до полушора аршина подымаешся, и будшо сердшшь, и ѣзда въ экипажахъ прекращаешся. Въ семь часовъ были въ Симферополь; пошли было къ прекрасной Лангъ; не заснавъ дома, провели вечеръ въ пріашныхъ разговорахъ у Офрейнъ. Сего дня замѣшлъ, чшо и здѣсь ешть *педанты*, и дуошся какъ Индѣй-

скіе пѣшухи, и я принужденъ былъ употребить Апшическую соль; смѣху было довольно; въ самомъ дѣлѣ ничего нѣтъ безразсуднѣе, какъ предсавлять наружностію своею и ученаго и глубокомысленнаго, не имѣя ни того ни другаго! Худо спалъ, любезный поварищъ мой предсавлялся во снѣ — и больнымъ, и желтымъ, и худымъ.

22-го Августа. Въ Симферополь, — Воскресный день, былъ у обѣдни; церковь бѣдна; жалко, что пѣвчіе обыкновеннаго напѣва не сохраняющъ, а пускающъ пѣть сочиненія Боршнянскаго; и во всѣхъ случаяхъ люди бывающъ смѣшны, когда — родись лягушками, хошишь бышь волами; прихожане довольно чинно спояли, исключая одного сѣдовласаго, и еще со звѣздою; мнѣ больно было и за него и за пѣхъ, кои онъ мѣшалъ молиться. Послѣ обѣдни зашелъ къ одной Гречанкѣ, которая вспрѣшила меня со слезами, рассказывая свое дѣло: я обѣщала просить Губернатора; добрый и справедливый Александръ Николаевичъ, въ угожденіе мнѣ, обѣщала еще разъ выслушать несправедливое дѣло; выслушала и отказала. Меня однако благодарили. Смѣшны люди! Ѣздилъ черезъ Салгирь къ Мильгаузену, ошличному чело-

вѣку, превосходному Доктору и крошкочному опцу семейства; Санкшпешербургъ опѣздомъ его лишился знаменитаго медика, по многимъ отношеніямъ, — а бѣдные одного изъ благодѣтелей. Мильгаузенъ на всегда здѣсь поселился, выспраиваетъ домъ, разсаживаетъ садъ, лечитъ безъ денегъ, и успѣлъ въ короткое время приобрести любовь и почтеніе всѣхъ. — Заѣзжалъ къ Кузовлеву, женатому на Каховской, коихъ дочь почно образована, и въ краю, гдѣ еще мало учителей, образуешь во многихъ часяхъ своихъ сесприць; похвально родителемъ, давшимъ шаковое воспитаніе, а не поверхностное, какъ мы видимъ: болшашъ, — болшающъ многія на многихъ языкахъ, а просвѣщенія не бывало! За обѣдомъ была одна фигура, видъ челоувѣческой, а многословіе доказало, что чуждъ и просвѣщенія и доброшты сердца. Въ седьмомъ часу по полудни, видимъ изъ балкона, чешырехъ верховыхъ лошадей и двѣ вьючныя, у меня сердце забилося; но когда сей кортежъ приблизился, и я узналъ своего поварища, бѣднаго, желтаго, одержимаго лихорадкою, неволью слезы покашились; мудрено безъ привычки въ несносной жарь, бышь все верхомъ и по горамъ; пригласили Докшора Мильгау-

зена, кошорый опасности не нашель, однако прописавъ лекарство, ведѣль лечь въ постель, и чпобъ больного оставишь въ пишинѣ. Видя присущствіе мое не-нужнымъ, и когда Губернаторъ занялся бумагами о улучшеніи ввѣренной ему губерніи, я — будучи приглашенъ, повѣхалъ чрезъ *глубоко-донный* Салгирь, къ Кузовлеву, гдѣ часъ любовался шанцами двѣицъ Крымскихъ: не хуже лучшихъ благородныхъ шанцорокъ С. Пешербурга, первыхъ обществъ! Къ несчастію моему, всѣ почти хорошо говорящъ по-Французски; куда эша зараза не проникла! Почему не знашь иноземные языки, но — до шого доходишь, чпобъ опказывать хорошимъ жєнихамъ для шого шолько, чшо не говоришь по-Французски, стыдно и грѣшно! — А эшо случалось и не одинъ разъ въ шполицахъ. Съ восьми часовъ вечера до полуночи сидѣль шо у Губернатора, шо у больного нашего; между шѣмъ Александръ Николаевичъ чпсаль мнѣ свои обдуманные планы, цѣлю имѣющіе благоденствіе Тавриды; ошрадно родителямъ имѣшь шакого сына, и весело странѣ имѣшь подобныхъ согражданъ, посвящающихъ юнрѣ лѣша свои для счастья ближнихъ.

23 Августа. Симферополь. — Товарищу моему нѣсколько лучше; эшо меня радуешъ, шѣмъ болѣе, чшо на чужбинѣ нашелься лучшей Докшоръ, и чшо попеченіе Баранова о больномъ, о мнѣ и нашихъ прислужникахъ, золотого вѣка; госпепрїимствво не хваспливое, не гремящее, а прямо ошѣ души. Посидѣвъ нѣсколько разъ у больного, и насышясь обѣдомъ и чпеніемъ до Тавриды касающимся, — въ седьмомъ часу пошли къ Ношарѣ; онъ молодой Гусаръ, скромный и любезный; Елисавета Ивановна, супруга его, 17-пи лѣшняя, лѣпообразная, машь ужѣ; хопя мало было словъ однако видна ошпроша, и въ привлекательныхъ глазахъ живоспъ съ шомносною; — ее вообще Симферопольскія дамы называютъ живою душенькою Богдановича. Опкланявшись, Губернаторъ представиль меня къ Елис. Яковл. Шоспакъ, урожденной Рудзевичевой, кошорую болѣе 25 лѣшп не видѣль, и мы какъ знакомые; но чрезъ полчаса вспомнили юность нашу; у ней много дѣшей, и старшая дочь Александра Андреевна, прекрасная двѣица, и шолько скромна, сколько благовоспитанная должна бышь. Здѣсь бывши, вспомнилъ сестру Шоспакъ, Екашерину Яковлевну Ладыгину, ангела — а не женщину; но она давно пе-

реселась, шуда, гдѣ — по достоинству своимъ душевнымъ, ликуешь съ Несозданнымъ. Вечеръ провелъ въ чтеніи.

24 Августа. Симферополь. Не смотря на жары, я пользуюсь совершеннымъ здоровьемъ, за что несущя ошь души мольбы къ Всевышнему. Товарищу моему легче. Почти часа чепыре, Губернашоръ читалъ мнѣ предположенія свои, какимъ образомъ привести въ порядокъ Магомепанскую вѣру во вѣренной ему губерніи, и о выморочномъ ихъ имѣніи: благоразумно написано, и я благодарилъ за довѣренность, шѣмъ болѣе, что онъ принималъ замѣчанія мои, съ благородствомъ душевнымъ. Послѣ обѣда ходилъ по городу, скупка и шоска сопущивовали мнѣ; гдѣ, гдѣ вспрѣпшишь мушину, а женщины съ покрывалами. Улицы большею частію такъ узки, что двѣ шельги развѣхаться не могушь, и окнами на дворъ. Заходилъ къ прекрасной Л. и внушилъ довѣренность къ себѣ; она пѣла очень мило, съ застѣнчивосцію, украшающею нѣжной полъ. Часа два сидѣль у Оф — ь, гдѣ бесѣда пріяшна, и гдѣ Леонисъ пѣда хорошо, сопровождая свой голосъ гитарою. Зенеида, сестра ея, своими умными вопросами о Пешербургѣ, своими оспрыми опвѣшями о Крымѣ, занима-

ла шакже меня. У прекрасной Л — ь при малолѣпній дочери, будущъ со временемъ украшашъ Тавриду, — бабушка ихъ, изъ Малороссіи, умна, не дурна и крошкая. Посидѣвъ съ большимъ шоварищемъ, удалился къ себѣ за полночь.

25 Августа. Симферополь. Ушро провелъ въ чтеніи иноспрапныхъ газетъ; духъ времени мнѣ не нравился и безпокоишь меня, воспитаннаго въ правилахъ должныхъ; безпокойство сіе побочное увеличилось, когда вошелъ къ любезному моему шоварищу, нашель его въ объптіяхъ разлившейся у него желчи и въ сильной лихорадкѣ. Въ сіе время прислала мнѣ Г. Лангъ двадцать лимоновъ; знашь, что и здѣсь не изобиліе въ оныхъ, ибо у нее одной и было въ семь мѣсяцѣ; Губернашоръ же послалъ въ Севаспополь; чрезъ два дни привезушь; я письменно благодарилъ; больному нужны были, и сей подарокъ доказалъ, что приславшая, къ наружной красотѣ присоединяеть красоту душевную.

Оставя больного на рукахъ Баранова и Мильгаузена, по совѣшу перваго поѣхалъ на его прекрасивомъ экипажѣ къ шѣмъ дамамъ, кои съ пріяшною любезносцію принимали меня по вечерамъ. Всѣхъ нашель въ заняшяхъ: или ошцы учили дѣшей сво-

ихъ, или маперы, или спаршія сестрицы меньшихъ; не шакъ какъ большею частію у насъ — въ С. Пешербургъ и Москвѣ. — Наспало ушро, и мапушки съ *тономъ* вплошь до обѣда изъ магазина въ магазинъ, ошь модницы къ модницѣ, или пустые ни къ чему неведущіе визитны занимають ихъ, а дѣши подь руководспвомъ наемниковъ и наемницъ, разумѣеся иноспранцовъ и иноспранокъ, приучаються менѣ всего, знашь свое ошечество. За обѣдомъ у Губернашора былъ Броневскій, человекъ съ обширными свѣденіями, и масперски излагающій мысли свои. Послѣ обѣда заходилъ къ почтенному Мильгаузену: онъ училъ дочь свою; я, чшобъ не опвлечъ его ошь лучшаго заняшя, скоро ошкланялся, и пошелъ ка дивизионному Генералу Удому, и онъ и жена его люди учшивые, хорошіе; дочери премиленькія. Вечерь насшалъ, и я рѣшилъ въ первой разъ бышь въ Турецкой банѣ. Для всякаго случая взявъ человекъ съ собою, велѣлъ ему мышься, какъ ему угодно, а самъ ошдался въ руки Тапарину. Баня не чшо иное, какъ чешвероугольное каменное спроеіе, освѣщенное сверху, по шремъ споронамъ каменныя лавки, вдѣланныя къ полу; въ одной споронѣ краны, изъ кошорыхъ по

желанію испекаеть горячая и холодная вода; полъ каменный, посреди коего каменное возвышеніе не болѣе поларшина, въ длину сажень, шириною не много менѣ; баня шопишя съ низу, а пошому полъ горячь, и входяшь въ деревянныхъ башмакахъ, кои имѣють особенное названіе. У насъ паръ сверху внизъ спускается; здѣсь — съ низу вверхъ, и чшобъ нагрѣшь баню, обливають или брызжутъ полъ. Вошедшему мнѣ, банщикъ съ уклонкою головы просилъ прежде по-Турецки, а пошомъ по-Гречески, лечъ на возвышеніе, сдѣланное въ срединѣ, подложилъ подъ голову мою свернутое полошенте, и принялся за работу: сухими своими руками шеръ все шѣло мое довольно крѣпко, но съ искусствомъ, не больно; каждый сусшавъ вытягиваль, направляль, переворачиваль меня какъ дшя; я молчалъ, а сидящій мой служишель удивлялся моему шерпѣнію, и ни какъ бы не дался на шакое, какъ казалось ему, мученіе. Треніе продолжалось по крайней мѣрѣ полчаса. Послѣ чего просилъ лежать, а самъ обрызгиваль полъ, паръ обнималь меня; погода не много, онъ взялъ сухой шерспяной, довольно жесткой мѣшечекъ, надѣлъ на руку, и ну шерень меня; кончилось

еіе; шупъ вдѣлъ на руку другой мягкой мѣшечекъ, снуспи наполненный ароматическимъ мыломъ, и началъ опять водить по шѣлу моему; попомъ просилъ вспашъ и сѣспъ на каменную лавку, и принялся за голову: ужъ онъ ее мыль, мыль, ни какъ не слушая словъ моихъ: довольно, довольно! — Наконецъ спалъ обливать по шеплою, по холодною водою, и — выпустилъ. Два часа и болѣе продолжалось пребываніе мое въ банѣ, и я съ чувствительною благодарностью долженъ признахся, что сія баня сполько же полезна, сколько и наша Русская; ибо человекъ выходишь молодець молодцомъ; что же производяшь заморскія ванны? Слабость и дряхлость! Послѣ Русской и Турецкой бани, особенно послѣ первой, куда хочешь псди, и въ жары и въ прескучіе морозы, а послѣ ванны ложись въ постель! Что лучше? Любилили иноземнаго, не сердилесь: — а! въ молчине — на правду словъ мало. Такъ какъ баня близко опъ дому Оф — ь, по я приглашенный пиль у нихъ чай, — и довольный ворошился домой, гдѣ посидѣвъ у больного, съ Александромъ Николаевичемъ, занялся чтеніемъ, и время быспро и пріяно прошекло.

26-го Августа. Симферополь. Едва проснулся, вспомнилъ, что восемь лѣтъ минуло Бородинскому дѣлу, гдѣ всколебалась вражья Галловъ ращъ и съ ними двадцать языкъ. Вспомнивъ же сію кровопролитную битву, какъ забышь вшопраго Кн. Пожарскаго, Князя Смоленскаго, М. Л. Гол. Купузова; вѣки прошекушь; но во всѣхъ концахъ вселенныя сіи мужи великіе будушь живы. Больному шоварищу моему не много лучше, однако наспилу могъ написашъ письмо къ родившей его, и я благодарилъ припискою, за хорошіе опзывы обо мнѣ. Въ четвершомъ часу больному спало очень дурно, все въ какомъ-то усыпленіи, глаза мушные, шо ошкрышы, шо закрышы, ни единаго слова, и слезы кашапся. Видя любезнаго друга спраданія, я и Барановъ спрадали, одинъ Мильгаузенъ молчалъ, надежды не шеря на выздоровленіе. Эшопъ день посвященъ былъ дружбѣ и слезамъ. Молишвы чисныя возсылаемы были ко Всевышнему о выздоровленіи молодаго, хорошаго человека.

27-го Августа. Симферополь. Товарищу моему со вчерашняго дня часъ опъ часу хуже; восемь дней ни зерна во ршу, кромѣ лекаршва. Душа моя очень больна,

и чпобъ не впасть и мнѣ въ болѣзнь, велѣли гулять; — я пошелъ на базарь, ни единого пріятнаго предмета не встрѣилось взорамъ моимъ; заходилъ къ милымъ, и всѣхъ заспалъ въ полезныхъ занятіяхъ; нѣкопорыя мои замѣчанія на счетъ чшенія принимающагося съ благодарностію, и вмѣстѣ со мною, ипокрипа, Жанъ - Жака Руссо и дерзкаго Вольтера, здѣсь не уважающъ: это доказываешь чиспому душевную. Ошдаваемая мнѣ ободрительная справедливостъ опъ невинности содѣлываетъ счастье мое и на чужбинѣ. За обѣдомъ сколько хозяинъ Барановъ и Броневскій занимали благоразумнымъ разговоромъ, сполько какой-то пріѣзжій выказывалъ во всемъ блескѣ глупостъ свою и даже низоспъ чувспвъ. Посидѣвши у больного до девяти часовъ, пошелъ съ Губернаторомъ къ О — ь, гдѣ заспали прібывшаго Сенатора Анд. Мих. Бор.; онъ удивлялся — увидя меня; учшivenessами закидалъ и просилъ къ себѣ; благодарилъ и за то и за другое. Первой разъ съ пріѣзда моего въ Симферополь, часу въ пятомъ по полудни заблещали молніи, загремѣлъ громъ и пошелъ маленькой дождь, послѣ копората сильной вѣсрѣ. Какъ не благодарилъ Бога! Чпобы со мною было въ

споль прескучномъ городѣ, безъ Баранова и безъ любезныхъ особъ; единая шоска была бы мнѣ подруга: куда хорошая собесѣдница!

28-го Августа. Симферополь. Ясно вижу, чпю пушеспвие для челоѣка начшаннаго полезно, особенно если и душа образована; такой пушеспвенникъ ни чему не удивляется, ничпю не можешъ соврашисъ его съ души должнаго, смотришъ и — чпю заслуживаешъ вниманія, восхищаешся; но — безъ ахъ! и увы! величеспвенныя красы природы вдыхающъ въ него еще болѣе благоговѣнія къ Создашелоу всяческихъ. Красота нѣжнаго пола влечешъ чувспвительное его сердце, и ежели соединена съ умомъ, слѣдспвенно съ добродѣшелоу, болѣе и болѣе укрѣпляешъ въ правилахъ истинныхъ; но красота безъ должнаго воспитанія, не прогаешъ благоразумнаго пушеспсвенника; онъ льешъ слезы, разсуждая: чпю хорошее образование могло бы увеличить красоту наружную, и тогда безъ ужаса можно встрѣлишъ спаростъ. Красавица, лишашоющаяся опъ времени наружной прелести, но пріобрѣшшая красоты душевныя, всегда прекрасна въ глазахъ мудрости, чеспности. Души крошкія приходятъ въ умилеіе,

когда видяшь преспарьлую особу, окруженную дѣшми своими и чадами чадъ своихъ, и слыша глаголь сей почпленной особы, всегда поучительный, не на мечпахъ основанный, а на опышѣ дознанный. Обратимъ шеперь взоры наши на спаросшь, кошорая не гошовилась къ оной. Нѣшъ — я не могу предсшавишь споль гореспную каршину, хошя въ жизни своей и имѣль несчастіе вспрѣчашься съ сими жалкими шварями; но спаросшь, желающая молодишься, заслуживаешъ общее презрѣніе.

Признаюсь, въ каждой губерніи находилъ я пріятности, добрыхъ нравствєнныхъ людей, и сердился въ шоже время, видя людей съ нѣкошорыми дарованиями, невыполняющими долгъ свой; еспѣ и шакіе, кои ушѣхоу считающъ угнѣшашъ ближняго: — горе имъ! за окаменѣлосшь ихъ, они вживѣ оземлетѣли; что ожидаешъ сихъ нечесшивыхъ? Въ насшоящей жизни презрѣніе а въ будущей, — конечно наказаніе.

Товарищу моему лучше. Барановъ любезный человекъ; но я сего-дня со слезами вспомнилъ С. Петербургъ, и если бы можно было, подобно Икару, придѣлалъ бы крыльа и полетѣль бы въ сподицу. Ходилъ по городу нѣсколько часовъ, два

раза промочень дождемъ, прошелъ 39 улицъ и переулковъ; шоска шакъ и ходила по пяшамъ моимъ, вершѣлась передъ глазами и не давала миѣ покою. День не въ день, съ ушра почпи не живѣ.

29-го Августа. Симферополь. Большому шоварищу гораздо лучше, и пошому въ двѣнадцатомъ часу ушра поѣхали Барановъ, Мильгаузенъ, Офрейнь и я въ Сабли, помѣшье, принадлежащее А. М. Бороздину, яко званые. — 15 верспѣ дорога дурна, иногда видѣ изрядные; но видѣ не плѣняющъ, когда все въ спрахѣ, что будешъ на боку; пріѣхали и — угощєны. Сабли вообще хорошо; но много еще денегъ надо, чтообъ оспановишь пушешествєнника; однако школа (пепенѣры) фрукшovýchъ деревъ заслуживаешъ особенное вниманіе, — шисѣчь придцашъ, можешъ бышъ и болѣе, прекрасно, прекрасно; но что всего привлекашельнѣе и досшойно вниманія благоразумнаго человекъ: эшо дочъ Бороз., Мар. Андр., лѣшъ 18: — и крошосшь, и хорошее воспитаніе, и наружностъ привлекашельная, и въ большихъ голубыхъ глазахъ видна добрая душа и чувствшительное сердце. — Возблагодаря геспеприимнаго хозяина, въ семь часовъ по полудни были уже въ Симферополь; по шой же

дурной дорогѣ ѣхали. Удаляясь къ себѣ, единственно думалъ о счастіи земномъ, и рѣшилъ шѣмъ, что всѣ блага земнаго шара не могутъ сославить счастія человѣку, коль счастья въ сердцѣ нѣтъ, и покой душевный оставилъ. Миръ съ совѣстью есть часъ счастія, ибо можно ли исполнѣ бытъ довольнымъ, когда ближній и достойнѣ меня, спраждеть, и когда радость едва достигла шебя, гореснѣ догоняеть! Кладу перо. — Пришелъ ко мнѣ Губернашоръ и до полуночи чпшалъ мнѣ свое сочиненіе о образованіи Ташаръ Таврической губерніи; похвально написано.

30-го Августа. Симферополь. Тезоименишество Государя Императора; по долгу вѣрноподаннаго и прямо опъ души, въ мундирѣ, вмѣстѣ съ Губернашоромъ ѣздилъ къ обѣдни, гдѣ были всѣ чиновники, и военный шшашъ; по малости церкви, солдашы спояли около церкви; погода прекрасная — лѣшняя. Сего дня мнѣ весело, и я былъ у многихъ дамъ до обѣда — и до обѣда даже вальсировалъ у Л., съ Леонисъ. Опъ того, что много было у Губернашора за обѣдомъ, и всѣ лица незнакомыя, молчаніе почти не прерывалось, — шоварищу моему больному легче. До десяти часовъ ходилъ; иллюминація въ казенныхъ домахъ;

но людей нѣтъ; спало грустно: видя скоро - богатыхъ въ холлѣ, въ изобиліи живущихъ и ненаказанныхъ, слыша кривые шолки о честности; — пора во свояси; почти со слезами молился и крѣпко заснулъ.

31-го Августа. Симферополь. Съ поскою проснулся, плакалъ много, и эшо можешъ разспроишь здоровье; человѣкъ рѣдко доволенъ бываешъ своимъ состояніемъ; но во всемъ нужно держашься средины; эшо мудрено; нужно смиряшья предъ обстояшельствами, особенно когда нельзя помочь себѣ. У меня нервы очень разспроены! За обѣдомъ у Куз.; когда заговорили о моихъ родныхъ, слезы градомъ покапились, и почти весь споль былъ распроганъ, — двѣ дѣвицы, милыя, не могли удержашъ своихъ слезъ; честъ ихъ чувствительности! Видно, что хорошія дочери и вѣрно будущъ хорошія машери. Вечеръ просидѣлъ у любезной Л.; она была обворожительна, окруженная шрема малолѣшними дѣшьями; бѣда сердцу! скорѣ, скорѣ опъ очаровашельныхъ мѣспъ, гдѣ крошкно умешвуюшъ и скромно говоряшъ.

1-го Сентября. Довольный вчерашнимъ вечеромъ, спалъ сладко; но — вспомня, что сего-дня старшаго брашна моего имя-

нины, вспомя, что мать и вся родня обо мнѣ говорятъ и со слезами, залился и я; вошь каково въ первой разъ разлучашься, и въ лѣта немолодыя! Привычка — вшорая мать природа. — Писаль много, посидѣль у поварища, былъ у прекрасныхъ, а ихъ мужья упромъ посѣшили меня и нѣкошорые офицеры, благовоспитанные; воспитанные же по нынѣшнему духу времени, не любящъ меня, за неопровергаемыя истины, мною часто повшоряемыя. Послѣ обѣда вмѣспѣ съ Офр., перешагнувъ Салгирь, былъ уже у Профессора Химіи Дессера, эмигранта, друга и поварища славнаго Химика Лавуазье, кошорый кончилъ дни свои подъ гильйошиною, обезсмертивъ себя системою своею по Химіи, и ошвергнувъ систему Бозргава; по системѣ сего послѣдняго учился, но бывъ уже офицеромъ, слушалъ въ Академіи Наукъ въ С. Петербургѣ Профессоровъ Соколова и Захарова, кошорые приняли систему Лавуазье. Мы не заснали господина Дессера дома; жена его разсыпала учшивости на Французскомъ языкѣ: я долженъ былъ ошвѣчать, краснѣль, — ибо и не люблю говорить на семь языкѣ и худо говорю; обрадовался, когда двѣ дочери ея, слыша меня, что я не возлюбляю Французскій діалектъ,

сполько были учшивы; что начали говорить по-Русски, и хорошо, особенно Эшель; послѣ нѣкошорыхъ приличныхъ словъ, обѣ вскочили, побѣжали и вскорѣ принесли изъ своего сада сливъ, винограду и другихъ плодовъ; ошкланялся, давъ слово бышь у нихъ и видѣшья съ помѣщикомъ Симферополя, ихъ ошцемъ. Опяшь перешедъ Салгирь, зашелъ къ Генералу Удому; какъ онъ, шакъ супруга и двѣ миленькія дочери осыпали меня учшивостями; сидѣль у поварища выздоравливающаго, и пошомъ, магнишною силою влеченный, пошелъ къ Оф. —, гдѣ сердце шочно ошдыхаетъ ошъ любезности всего семейства; ошкровенность — великое дѣло!

2-го Сеншября. Симферополь. Ушпро провелъ въ чшеніи, гулялъ по скучному и безлюдному городу; званый, обѣдалъ у почшеннаго Оф., — и душа наслаждалась шчасшіемъ семейшвеннымъ; шесшера дѣшней ошкровенностию дышащъ и здоровьемъ пользуюшья; родинели занимающья ими, какъ занимались въ первыхъ вѣкахъ, и вѣчно вмѣспѣ. А что мы видимъ въ большихъ городахъ? Наемники и наемницы приведущъ дѣтей къ родителямъ, приложатся къ рукъ, да и вонъ! Чашто и по недѣлямъ не видящъ ошцы и машери сво-

ихъ дѣшей, ибо прѣзжаютъ поздно, вспаютъ поздно, и опять шже, да шже! Увы! — Вечеръ сидѣлъ съ поварищемъ и хозяиномъ; — грустно, шолько что молишвы ушѣшаютъ меня, сердце ноетъ, душа плачетъ.

3-го Сеншября. Симферополь. Въ восьмомъ часу упра пошелъ на базаръ; смѣшно видѣшь вмѣстѣ — Русскихъ, Армянъ, Жидовъ, Грековъ, Ташаръ, Нѣмцевъ, Французовъ и много разныхъ Азіяшцевъ; всѣ по своему кричатъ, желая продать свой шоваръ. Хорошенькихъ покупщицъ было мало; всѣ жипели запасающа съшшными припасами на недѣлю, однако можно достать и въ другіе дни. Одна дама обратила мое вниманіе: очень не дурна; не смотря на мою шоску, я для нее часъ и болѣе гулялъ по небольшому базару: — какъ слабъ человекъ! Но кто поспоритъ со мною и не скажетъ, что весело смотреть на картину изящной работы, кольми паче на швореніе Божіе, лѣпообразное? Я успѣлъ познакомиться, однако не удалось быть у сей любезной дамы. — Вечеръ у Куз., — вальсировалъ съ шестью дѣвками; — упомянутый спалъ хорошо.

4-го Сеншября. Симферополь. Читалъ много, съ 12-го до 2-хъ часовъ сидѣлъ у

прекрасной Л. — Опкровенность, любезность, кропосность, скромность сидѣли съ нами; мнѣ весело и сердцемъ и душою; но, признаюсь, должно ѣхать, а шо прощаніе съ милыми будетъ слезное; ошашокъ дня дома въ чтеніи и пріятныхъ разговорахъ.

5-го Сеншября. Симферополь. Послѣ холоду и дождей, погода прояснивается; но очень грязно, ибо городъ не мощенъ. Тезоименишество Императрицы Елисаветы Алексѣевны, и именины родившей меня; надѣвъ мундиръ, поѣхалъ къ обѣдни; гдѣ вспомня, что въ шеченіе почти шридцати лѣтъ, первой разъ въ разлукѣ съ рѣдкою, почтенною машерью, и что я не могу поздравитъ лично, — слезы невольнo въ изобиліи потекли; не понимаю, какъ дѣти могутъ не любить родителей своихъ; къ несчастію, ешь и шакія; уже ли высшреннее восшпаніе причиною? Не вѣрю; ибо чѣмъ лучше восшпанъ человекъ, шѣмъ болѣе чшпш даровавшихъ жизнь ему. Въ сіе время вспомнилъ Эпикшеша, Оивянина, идолопоклонника, кошорый говорилъ: „Природа даровала дѣшамъ родиншелей, но не обязалась дашъ добрыхъ или злыхъ: каковы случатся, и ежели они не выполняющъ долгу своего, дѣши должны выполнятъ съ кропосшю и

„ смиреніемъ долгъ свой и не смѣшь роп-
 „ шать.“ Ежели шакъ писалъ идолопо-
 клонникъ, что жь оспалось намъ Христі-
 анамъ? — Безмолвствовашь.

Не смолча на поску свою, послѣ обѣ-
 дни былъ у именинницъ Симферопольскихъ,
 а оспальные часы — дома, въ любезной
 бесѣдѣ съ Барановымъ и шоварищемъ сво-
 имъ. За обѣдомъ былъ Князь Балашукъ:
 богаче всѣхъ считаешся по Крыму; Генера-
 ль - Маіоръ; но — я въ немъ нашелъ при-
 знашельнаго, учпиваго и даже слишкомъ
 любящаго меня; чеспъ ему.

6-го Сеншября. Симферополь. Погода
 опять совершенно лѣшняя, и воздухъ бла-
 гошворный; первой разъ — послѣ жестокой
 болѣзни, побхаль прокашашь шоварища
 моего, — ему спало вдругъ лучше; до
 обѣда посѣщашь любезныхъ: *это потреб-*
ность души моей, какъ говоритъ одинъ
нашъ трогательный путешественникъ. До-
 ма обѣдалъ, гдѣ былъ Графъ Носпицъ, на-
 шей службы Полковникъ, съ опдичнымъ
 просвѣщеніемъ человекъ; бесѣда его очень
 занимала меня. Вечеръ сидѣлъ у Оф. —
 гдѣ много смѣялся и припомъ даль замѣ-
 шипъ, что и въ Крыму знаютъ науку,
 не слишкомъ хорошую, пересказывашь
 сказанное, — иначе, и шѣмъ посѣвашь раз-

доть между семейшвами; люди — вездѣ лю-
 ди. Туть былъ Губернскій Предводитишель
 Филашевъ, коего по Пешербургу знаю, и
 Графъ Мезонъ, начальникъ Ногайцевъ; бо-
 лѣе 40 тысячъ обоого пола въ его подчи-
 ненности; хвалашь сего Француза. — У Та-
 шаръ начался Байрамъ или первые годо-
 вые праздники; по обычаю, введенному съ
 давнихъ лѣшъ, всѣ должны закалашь яг-
 ненка, а шкуру Мулѣ, духовному, коихъ
 считаешся при спа-десяши тысячахъ Та-
 шаръ, шесшь тысячъ.

7-го Сеншября. Симферополь. Погода
 какъ въ Іюлѣ; ищешь шѣни опъ жару, и
 шрава шрешій разъ выказываешся! — Послѣ
 Турецкой бани, гулялъ, и хошя былъ званъ
 въ Сабли обѣдашъ къ А. М. Б., но — не лю-
 бя общешво мушнинъ, оспался въ Симфе-
 рополь, и провелъ время счасшливо, *рос-*
кошь гувствуя въ души своей: среди лю-
 безнаго семейшва Оф. все прекрасно, и
 обѣдъ хорошъ, приправленный Аѣинскою
 солью; шуть была госпожа Палласъ, суп-
 руга покойнаго, славнаго нашего Природы
 испышашеля, женщина учпивая, владѣ-
 шельница прекраснаго сада и масшерки
 умбюющая хвалашь, и шѣмъ заспавившая
 поцѣловашь свою руку. Здѣсь же позна-
 комился съ госпожею Бухольцъ, Ек. Мих.,

родомъ изъ Княженъ Черкескихъ: особа, каковыхъ мало встрѣпишь; кто правды не любитъ, не приближайся къ ней: съ умомъ и разсудкомъ, каждому выскажешь въ глаза, кто чего споишь; женщина приятная и по ея собственнымъ словамъ 42-хъ лѣтъ; но сохранившая по сіе время красоту привлекательную; всякой, увидя свѣжестъ лица ея, убавишь болѣе десяти лѣтъ; все въ ней прелестно, и глаза почто побѣдительны; при солнечномъ сіяніи и при свѣчахъ одинаково хороша; верхомъ же и въ Черкескомъ платьѣ почто баснословная богиня! Къ внѣшнимъ красотамъ присоединяешь доброту души, гоштовую услуживъ каждому, и подѣлишься послѣднимъ. Послѣ обѣда, пошелъ къ Л. . . . , благодарилъ прекрасную за присланный милый подарокъ, — чшобъ не забышь ее въ столицѣ. Можно ли съ удовольствіемъ не вспоминать? Мужъ ея боленъ, и бесѣда, часа два продолжавшаяся съ Докшоромъ симъ, показала мнѣ его просвѣщеніе и доброту сердца. Вечеръ дома въ чтеніи.

8-го Сентября. Симферополь. Рожд. Богоматери, и въ 1380 году въ сей день побѣда Димитрія Ивановича Донскаго, надъ Мамаемъ, на Куликовомъ полѣ — въ Тульской губерніи: начало избавленія Рос-

сіи изъ подъ ига Ташарскаго. Сего дня сильно почувствовалъ превосходство богатаго надъ бѣднымъ, хотя и честнымъ и просвѣщеннымъ человекомъ. Бѣднякъ, свѣтской геловѣкъ идешь по стезѣ усыпанной цвѣтами къ счастью; сей изгибистый хамелеонъ не покажешь безобразному зеркалу; *безумца* утверждаешь въ мнѣніи, что ничего нѣтъ пустѣе — ума; *растопителя* увѣряешь, что онъ шолько щедръ, а *скупаго*, что онъ экономъ; безобразной женщинѣ доказываешь шлѣпность красоты; *богату* швердишь, что онъ бы могъ съ пользою бытъ дѣловцемъ государственнымъ, ченымъ мужемъ, героемъ, что онъ покровишель Музъ, любимъ красавицами; хвалишь гордое *невѣжество*, и съ восторгомъ превозносишь подвиги полководца, *бѣжавшаго* съ поля сраженія; *музыканту* говоришь, что такой-то Генералъ былъ бы конечно великій человекъ, если бы умѣлъ играть на инструментахъ; *живописцу* поешь, что Апеллесъ, Зевкисъ, гораздо превосходише умомъ Омира, Сократа. *Истиною руководимый* бѣднякъ, можетъ ли готовить себѣ счастье такимъ постыднымъ образомъ? Распространишь сію спашью не трудно, но и сего довольно. До сего написаннаго

мною разсужденія, былъ у обѣдни; былъ у прѣзжихъ Генераловъ Н. Н. Раевского и Графа Ланжерона: учтивостями обоихъ доволенъ, привѣтливостью супруги послѣдняго поже; чѣшобъ разбишь поску свою, былъ у любезныхъ особъ; выходя же изъ церкви, нельзя было не замѣшишь одну прелестную дѣвицу: по чертамъ лица и по значительнымъ взорамъ, заключилъ, что она должна бытъ Гречанка; съ нею было нѣсколько дамъ; кого ни спрашивалъ о ней, отвѣчали незнаемъ. — Спранно покажешя читателямъ, что въ мои немолодые дѣша, пуськи меня занимающъ; но —

Я люблю въ природѣ милое,
Восхищаюсь взоромъ кротости,
И теряюсь въ удовольствіи —
Счастье чувствую въ душѣ своей.

Послѣ обѣда, пошелъ чрезъ Салгирь, прямо къ Химику Дессеру; нашель въ немъ человека почно добраго и просвѣщеннаго; дочери любезны и хорошо воспитаны; Н. Н. Раевскій, приславши въ семь домъ, своимъ умнымъ разговоромъ разсѣялъ мрачныя мои мысли, и доспавиль, не думая, покой душѣ моей.

9-го Сеншября. Симферополь. — При всѣхъ коловрашноспяхъ жизни, гдѣ бы челоуѣкъ ни случился, ежели онъ находишь удовольствіе въ чшеніи полезныхъ книгъ, скука не посѣшишь его; но — не надо читашь какъ *святскіе люди*: они пробѣгающъ книгу, какъ многіе путешественники, безъ размышленія, шолько чѣшобъ *посмотрѣть невидальщины*, и все, что они видящъ, исчезаетъ въ воздухъ. Чшеніе съ размышленіемъ, подобно рѣкъ Нилу: гдѣ прошекаешъ, гдѣ разливаешся, шамъ избыліе процвѣшаетъ. Какъ горько смолрѣшь на нѣкошорыхъ, кои вспавъ садящся за шуалешъ; не могушь дождашья конца обѣда, чѣшобъ сѣсть оняшь за шуалешъ; къ вечеру еще, между шѣмъ жалууюсь, что скука не оставляетъ ихъ. Бѣдненькіе! А какъ скажешъ — занимайшесь чшеніемъ, думайше, что прочитали, займишесь рукодѣліемъ — вдругъ свѣшскіе люди кричатъ: ахъ, сударыня! не слушайше, вы богашы, молоды, хороши, оставьше среднему сословію — занимайшесь симъ вздоромъ; и въ самомъ дѣлѣ говоривъ нѣжнымъ голосомъ молодая барыня: какая шоска — книги, рукодѣлія; и шы, сказавъ правду, осмѣянь! Эши мысли бродили въ моей головѣ со вчерашняго дня; ошъ чего родились? умолчу.

Жарко, однако гуляль. За обѣдомъ у Губернатора были Н. Н. Раевскій, Графъ Ланжеронъ, А. М. Бороздинъ съ голубою достойною почтенія дочерью своею, фамилія Офрейнь и другіе; — я сидѣль между Леон..... и М. А. Бор..... — обѣ умны; мнѣ было весело, пѣмъ болѣе, что любезныя дѣвицы заспавили меня говоришь языкомъ ученаго, но не педантически; ибо я у *Русскихъ только угился, и сей науки не знаю*; дѣвицы жалѣли, что обѣдъ кончился, и я шоже; довольный, пошелъ ходишь; погода прекрасная; сидѣль у двухъ умненькихъ дамъ, повадси роваль у Офр., ужиналь у себя; чипаль и писалъ долго. Опяшь, усмѣхнувшись, враги счастья ближняго скажунъ: опъ чего я люблю молодость, будучи самъ немолодъ? Ошвѣчаю:

Люблю пріятную я младость
 Съ душою Ангельской — простою;
 Вкушаю я тогда лишь радость —
 Коль зрю невинность съ красою;
 Доволенъ, коль встрѣчаю взгляды —
 Веселья полны и ушѣхъ;
 Не нужно больше мнѣ ошрады,
 Блаженіе Царей я всѣхъ.

Люблю въ бесѣдѣ съ красотою
 Дѣлать и время и покой,
 Когда прекрасныя и сами
 Открыты мнѣ своей душой;

Тогда и я судьбѣ послушенъ,
 Не лью и я горячихъ слезъ,
 Къ чинамъ, къ богатству равнодушенъ,
 Вкушаю радости Небесъ.

10-го Сентября. Симферополь. — Дума мѣшала мнѣ спать; душою желаю бышь въ С. Пешербургъ; но обязанъ повиновашься своей участи: *давши слово держись, говорятъ Русскіе, а не давши крѣпись*; шерпѣніе все преодолеваешь, но — шерпѣшь должно, на равнодушіе упираясь, и говоришь чаще себѣ самому: *въ мѣръ все пріятно, и ничего нѣтъ невозможнаго, особенно для сердца; только стремись къ одной цели, и вѣрно достигнешь; волна прокладываетъ себѣ дорогу, стараясь оную найти; вода, капля за каплею падающая, пробиваетъ твердѣйшій камень, и геловѣкъ, ведя себя кротко, дѣйствуя смиренно, рано ли, поздно ли, нѣхотя заставитъ молчать коварство; добродѣтель же вездѣ встрѣгаетъ и провожаетъ его.*

Приглашенный ѣздилъ въ Сабли, вмѣстѣ съ хозяиномъ своимъ и поваричемъ; жарко, даже въ горахъ. Много было за обѣдомъ, и высокопарные разговоры о разныхъ предметахъ, заславили меня не внимашь онимъ; *едь всть говорятъ, тутъ угитъся негъму*; я, сидя между дѣвиць, училъ бышь крошкимъ: непорочная любовь мало по-малу вкрадывалась въ сердце мое; какъ весело! И въ самомъ дѣлѣ, сказала умнымъ и любезнымъ сосѣдкамъ своимъ:

Любимъ для жизни, для блаженства,
Къ богатству не искашь путей,
Лишь въ дружбѣ видѣшь совершенства,
Сосѣдамъ не ковашь сѣней —
Вошь жизнь прямая, жизнь святая,
Жизнь, въ которой жить хочу.

Юныя дѣвицы согласны были со мною; много пріятносней слышала оцъ ихъ. Похвала оцъ невинности превосходилъ похвальные слова всѣхъ Академій; по крайней мѣрѣ, въ эцихъ чувствовала и смерть меня заспанешъ.

Послѣ обѣда гуляли въ саду, пошомъ танцовали; не могу сказать, чшобъ мнѣ весело было, хощя дѣвицами, хозяиномъ и

Ек. О. О. — очень доволенъ; но вынужденъ былъ двумъ дамамъ, не смотря на красоту ихъ, сказать *колка истины*: обѣ покраснѣли и сдѣлались прелюбезными. Дай Богъ, чшобъ мой урокъ послужилъ и впредь имъ въ пользу. При прощаніи, гостепріимный А. М. и хорошо образованная дочь, благодарили *прямо*, за посѣщеніе — и за живость моего нрава. — Въ 10 часовъ вечера пріѣхали домой; Барановъ, приглася меня въ свой кабинетъ, куда вскорѣ явился и поваричъ мой, читалъ намъ Броневскаго мысли о южномъ берегу *Крыма*; онлично написано, краснорѣчиво, логически, умно, дѣльно; мало у насъ шаковыхъ писателей! — Въ концѣ сихъ мыслей Броневскаго сказано почти шакъ: когда все выполнися по его обдуманному предположенію, *тогда летитъ фруктовый садъ на 250 верстахъ, достойный велигія и славы Россіи*. Сіе чтеніе усладило меня; но едва вошелъ къ себѣ, думая предашь безмятежному сну, мечты являлись мнѣ, я вскочилъ, попросилъ огня и вошь чшо написалъ:

На прошедшихъ дняхъ не токмо я разсердился на невѣжу, но даже онъ успѣлъ огорчить меня; шеперь ясно вижу, что мудрый Сократъ справедливо ска-

вадь: *то лучше быть мертвымъ, нежели невѣжею*, лучше бышь простымъ незначущимъ челоуѣкомъ, нежели получишь глупое, то естъ: модное воспишаніе, большашь на многихъ языкахъ, и ни на одномъ не умѣшь мыслишь. Злодѣй менѣе можешь сдѣлать зла, нежели невѣжа или худо воспишанный; пропивъ злодѣя поспавишь себя въ оборонительное положеніе, а пропивъ глупца, невѣжи, невоспишаннаго, чѣмъ прикажете оборониться? — Ничто меня такъ не беспокоитъ, какъ молодой челоуѣкъ со способностями, Богомъ данными; проводишь время въ праздности и, кажешся, съ удовольствіемъ обнимаешь съ невѣжесствомъ, не предвидя, что самъ себя гошповишь несносную спаросишь; не знаешь и того, что *невѣжа не можетъ быть добрымъ челоуѣкомъ*; ибо невѣжесство воспрещаетъ ему понимать, что другіе дѣлають и что онъ самъ дѣлаешь. Невѣжа не можетъ бышь ни хорошимъ начальникомъ, ни хорошимъ подчиненнымъ. Боже упаси! ежели невѣжа богатъ — всѣ должны терпѣшь отъ него, хотя всѣ презирають его; однако естъ невѣжи хитрые, уклончивые, кои выигрываютъ въ большомъ свѣтѣ, *низостию, лестию, подлостию*; эти люди опаснѣе самыхъ хищныхъ

люпыхъ звѣрей. Бѣдный невѣжа только вреденъ самому себѣ и малому кругу своихъ ближнихъ; сего можно и унять; съ богатымъ невѣжею кто сладить? Невѣжа щедръ до распощишельности, скупъ до гнусности, и всѣ его дѣянія безчестятъ челоуѣческое достоинство. Сіе красное описаніе невѣжи да послужишь урокомъ, и да юношесство прильпится къ ученію, къ истинному образованию себя. —

Давно уже за полночь, а мнѣ пришла мысль объ одной молодой особѣ, которой спавяшь съши, и она — по невинности своей, можетъ попастьъ въ оныя, и какъ остеречь, мало знакомую! Богъ да поможетъ ей; она несчастная доведена до пропасти; единъ шагъ немѣрный, мигъ, и низринется; поздно уже раскаяніе. Горе! горе тебѣ, младость неопытная, естли любовныя прелести соблазнили твою невинность; скоро изобразишь въ разсѣянныхъ взорахъ, что душа твоя лишена шишины, свойственной лѣпамъ твоимъ; веселость невозвратно потеряна, спокойствіе исчезло; посреди смѣховъ, уныніе *сладитъ* тебя; все, повшоряю, веселишья вокругъ тебя, ты одна не чувствуешь радости; улыбка оплещла отъ тебя; померкли розы на щекахъ твоихъ, блескъ

красоты примѣтно исчезаетъ; печальная блѣдность замѣняетъ ее; снѣдаемая внутренно, представляешь изъ себя образъ полухающаго свѣпильника, минушный умирающій свѣпъ испустившаго и исчезаго въ вѣчной мрачности. Спрашно дойти до такого положенія! Но что сказать объ обольстителѣ, о водворителѣ несчастія доселѣ счастливаго семейства? Есть совѣсть и у него, она не даетъ ему покою ни днемъ ни ночью; Фурии безпрестанно окружаютъ его, онъ мучится до скончанія жизни своей, и проклятія несутся и за гробомъ его.

11-го Сентября. Симферополь. — После безпокойнаго сна, сидѣлъ у себя и читая газету, душою спрадалъ, размышляя, что всѣ говорятъ о просвѣщеніи, особенно Англии и Франціи, а гдѣ болѣе несчастныхъ жертвъ! Боже спаси Россію отъ подобнаго просвѣщенія; въ сіе время вошелъ ко мнѣ Графъ Ланжеронъ: я покраснѣлъ отъ неожиданнаго посѣщенія, — но Графъ всегда былъ учтивъ, и тѣмъ конечно пріобрѣтаетъ общее къ себѣ уваженіе честныхъ людей. Поговоря о многомъ, опкланялся; благодарность моя провожала Его Сіятельство. Званный, обѣдалъ у Князя Балашука; приглашенныхъ не болѣе

20-ти; при дамы были за обѣдомъ: Графиня Ланжеронъ, супруга Дивизионнаго Генерала Удома и Ек. Ос. Офрейнъ. Князь Балашукъ угощалъ прежде Ташарскими жирными блюдами и своимъ Крымскимъ виномъ, попомъ уже пошли блюда обыкновенныя и вино Французское; довольно весело было. — Пока еще солнце не закатилось, посѣтилъ я Ген. М. Турчанинова: его дома не засталъ, за то супруга его, своимъ милымъ, умнымъ разговоромъ утѣшила меня; все въ ней хорошо, двадцать второй годъ, мать проихъ дѣшей, сама кормитъ, и — тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманіе. Отсюда пошелъ къ ея мапушкѣ Г. Шос.; почтенная женщина съ многочисленнымъ семействомъ; дочь ея Алек. Андр. съ крошестію умна, наружность привлекательна, глаза значительны, бѣлизна необыкновенна, можно сказать:

Вокругъ ея прекрасной шею
Любовь разсыпала лилецъ.

Вечеръ сидѣлъ въ счастливейшемъ семействѣ Оф., гдѣ разговоръ всегда живой, и часто пріятно-поучительный; зашла рѣчь о счастьи. Сколько вѣковъ спорять, пишушь, доказываютъ, и никшо

опредѣлительно не сказалъ, въ чемъ можно находить истинное счастье. Одни говорили, что пошъ счастливъ, кто меньше имѣетъ желаній. Другіе: когда все желанія выполняются. Иные: не имѣетъ никакихъ желаній, и быть довольнымъ во всемъ служилъ въ семь колесратномъ мѣрѣ. Нѣкоторые: въ уменьшеніи нашихъ желаній. Софисты швердили и швердятъ: въ распространеніи нашихъ способностей, и въ познаніи всего, что извѣстно! Мудрые мужи находили счастье въ томъ, чтобъ быть здоровымъ — душою и теломъ, — и такъ далье; каженся мнѣ, и душа даже моя согласна, что мудрый Сократъ подиялъ покровъ, заснѣвающій истинное счастье; онъ говорилъ: тотъ счастливѣйшій изъ смертныхъ, кто радуется счастью, блаженству ближнего. Христіанинъ же находить счастье въ томъ, чтобъ не токмо прощать обидѣвшаго его, врага его, но и дѣлать добро, кто содѣлалъ ему зло. О, если бы мы слѣдовали сей послѣдней истинѣ! Сколько бы лѣтъ безмятежныхъ прибавили къ жизни своей.

12-го Сентября. Симферополь. — Воскресенье, былъ у обѣдни; служба продолжалась болѣе двухъ часовъ; прихожане

чинно внимали слову Божию; полковые пѣвчіе изрядно пѣли; но — ошъ желанія превозмочь себя, часто ошибались, или депонировали; во всѣхъ случаяхъ, человекъ, силящійся казаться шѣмъ, чѣмъ онъ не есть, становится смѣшнымъ. Во время служенія, видѣлъ Лео..... съ слезящими глазами, съ умиленіемъ молилась по-Каплически; сестра ея Зен..... съ благоговѣніемъ вперила въ алтарь глаза свои; какъ примѣрно воспитаніе, данное родителями; рѣдко и лучшіе гувернеры и гувернантки занимающія Закономъ Божиимъ. До прехъ часовъ посѣщала многихъ, особенно дамъ; обѣдала у Оф. — какъ всегда, доволенъ, казалося и — мною доволенъ; даже одна особа, которой я говорилъ полную правду, призналась въ неоспорности своей, и дала слово впредь воспользоваться моими доказательствами; кто поспорить, что дружба взыскашельнѣ любви, а пошому дружбою шушить не должно, шѣмъ болѣе, что нынѣ ошъ пакъ называемаго *утоженнаго воспитанія*, дружба становится рѣже и рѣже, — слѣдственно все приказываетъ оную *цѣнить* и оною *дорожить*. Заходилъ къ Десеръ; любезны, а Эшель засшавила меня много смѣяшся, сказавъ какъ бы съ ош-

жрвенностию и покрасивъ, что въ меня
можно и влюбиться; хошя эпо и шушка
была, но мнѣ весело спало; пришедь до-
мой, грусть предспала глазамъ моимъ; я,
отвращаясь отъ нее, молился Богу, про-
ся — скорѣ перенеси меня въ С. Пе-
шербургъ.

До двухъ часовъ ночи чиналъ, мыс-
диль, писалъ; разныя чувства лишали ме-
ня покоя; отъ С. Пешербурга начиная,
быспро переходилъ изъ губернии въ губер-
нию, изъ города въ городъ; горько вздо-
хнулъ, обращаясь къ себѣ самому и къ
ближнимъ; въ такомъ расположеніи духа,
вошь что изидлось изъ пера моего:

Силу одну, въ печаль глубокую погруженный,
Силу одну, въ мертвой тишинѣ,
Не слышу вокругъ себя
Ни гласа, ни движенья,
Молчанье только прерываетъ
Стопъ сердца моего.

Сердце больно уязвлено
Ядовитою стрѣлою,
Ужь исчезъ покой душевный,
Жаръ погасъ въ крови моей,
Одна медлительность плачевна
Продолжаешь дни мои.

Не любовь одна причиною
Что утѣхъ не нахожу
Въ шумныхъ играхъ и бесѣдахъ,
Въ кругу многихъ милыхъ мнѣ,
Гдѣ я прежде веселился

И въ восторгъ захохоталъ.

Есть другія огорченья,
Раздирающа больно душу;
Какъ не плакать, не терзаться,
Види злость какъ торжествуетъ,
Честьность стонеть — умираетъ,
Оставляешь голодь дѣтямъ.

Мнѣ говорятъ, и часто, если пла-
кать о бѣдспвіяхъ рода человѣческаго,
то лучше не жить, безъ того де жизнь
крашка, и пошому надо наслаждаться,
оспавивъ людей, а думаешь только о се-
бѣ самомъ. Эти слова эгоистовъ или се-
бя-любцевъ, еще болѣе шираниятъ меня.
Эгоистъ или *Есмій*, по мнѣнію общему,
не что иное, какъ *животное*, имѣющее
видъ человѣческой — и болѣе ничего; онъ
злѣ любийшихъ звѣрей, ибо холодное
равнодушіе его къ бѣдспвіямъ себѣ по-
добныхъ, превышаетъ самую злость. *Эго-
исты изгибисты, подлы*, когда идешь
дѣло до ихъ лица; *горды* и несносны, ко-

гда счастье имъ везешь; чтобъ не превозжишь себя, оставляю перо и съ молищевою предаюсь сну.

13-го Сентября. Симферополь. — Рано всталъ и занялся чтеніемъ чужихъ дѣловыхъ бумагъ; вездѣ того желаютъ, что противно законамъ и здравый разумъ не принимаешь; *софизмами* и *двоесмыслиемъ* ополчаются противъ истины; горько читаешь! но образованный Русскими, безъ всякихъ риторическихъ фигуръ сказалъ, что просили просить того, чего нельзя выполнить; поплакали и пошли отъ меня; ежели же есть у нихъ капля справедливости, они должны меня благодарить, что вывелъ ихъ изъ заблужденія... Сего-дня былъ прошенъ ѣхать въ Бакчисарай; я не поѣхалъ, чтобъ доказать молодымъ людямъ, что имѣю характеръ, что *густую* себя. Обѣдалъ у О., всегда счастливъ и доволенъ: шутъ была прекрасная старуха 17-ти лѣтъ Е. И. Но. — Что за любезность, что за остроша съ крошечію! хоть кому можешь вскружить голову своимъ невиннымъ обращеніемъ. — Вечеръ; на дворѣ луна шкмо освѣщала; я взялъ поску съ собою, пошелъ ходить по шумному городу, встрѣтилъ Е. М. Б. гуляющую тоже, и позади

ея Арапъ; замѣши по разговорамъ моимъ, что я не въ шарелкѣ своей, предложила свою руку, водила до уснаги, и сопутствующую прежде поску заставила скрыться; благодарить душевно. Довольный, пришелъ къ себѣ; послѣ Аоннекаго ужина, читалъ и вспомни прешьяго дня разговоръ, пишу оный. Начали даже упреки мнѣ дѣлать, для чего я предпочитаю обществу иѣжнаго пола, передъ мужчинами? Почему, отвѣчалъ я, что женскій полъ, особенно нынѣ, просвѣщеннѣе мужчинъ, слѣдственно любезнѣе, и пошому, что съ дѣшства по сіе время кромѣ добра, во всѣхъ родахъ, ничего другаго отъ нихъ не видѣлъ; ежели иногда и огорчали меня, я шѣхъ включалъ въ число мужчинъ и успокоивался. Чтобъ не любить и не почиташъ иѣжный полъ, надобно имѣть причины, — на примѣръ: Исторія намъ оставила о Шведскомъ Королѣ Карлѣ XII, слѣдующее: съ дѣшства сей Король любилъ заниматься огнеспрѣльнымъ оружіемъ; будучи лѣтъ тринадцати, Генераль Шшейнбокъ и его училъ по военнымъ частямъ, подарилъ ему однимъ вечеромъ 24 пушечки. Карлъ XII шакъ былъ симъ доволенъ, что неперѣливо ждалъ ушра, чтобъ возблагодарить Генерала. До свѣшу

побѣжалъ къ нему; долго спучался у дверей; наконецъ дѣвка опворила, и Король принесъ свою благодарность лежавшему въ постель Шпейнбоку. При выходѣ, шаже дѣвка провожала со свѣчею Карла, кошорый замѣня прекрасную Далекараку, вздумалъ пошупишь, и — какъ удивился, получа сильную пощечину! Вопиь причина, что Карль возненавидѣль нѣжный полъ, и даже не любиль и вспрѣчашься съ онымъ. Сей опвѣшь мой засшавиль молчашь господъ нападашелей.

333955